



ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№2 ФЕВРАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2024



ВАРВАРА ВЕРХОВЫХ:

*«Найти своих по духу людей —
огромное счастье»*



*О жизни и творчестве художника Эдварда Хоппера
читайте на стр. 81*

Неизвестное об известном

<i>Ирина Леонтьева</i>	В.В. Крестовский. Автор одного романа4
<i>Светлана Марлинская</i>	Драгоценный Глинка15

Это интересно

<i>Александр Ралот</i>	Нераскрытое преступление22
<i>Иван Берестов</i>	Мохандас Карамчанд Ганди и принципы ненасильственного сопротивления75
<i>Инна Битон</i>	Живые шахматы на Дворцовой площади115

Рассказ

<i>Юлия Макарова</i>	Бант из марли28
----------------------	------------------------------

Молодые таланты

<i>Дарья Парчинская</i>	Варвара Верховых: «Для меня самое важное — найти персонаж в себе, а не играть какой-то образ»42
-------------------------	--

Судьбы

<i>Евгения Гордиенко</i>	Реформатор от балета50
--------------------------	-------------------------------------

Быть может, вы не знаете

<i>Игорь Гордин</i>	Полет, которого не было58
---------------------	--

Минувшее

<i>Алла Зубкова</i>	Повелительница сердец62
---------------------	--------------------------------------

История одной картины

<i>Ирина Опимах</i>	«Два комедианта» Эдварда Хоппера81
---------------------	---

Зима поёт. Поэзия

<i>Елена Мозжухина</i>90
<i>Алексей Борычев</i>92

Забытые имена

<i>Виктор Елисеев</i>	К исповеди сердца96
-----------------------	----------------------------------

Легенды отечественного футбола

<i>Денис Логинов</i>	Что в будущем?100
----------------------	--------------------------------

Звезды не гаснут

<i>Юрий Осипов</i>	Эмир Кустурица: «Я счастлив, что не сделался голливудским режиссером»120
--------------------	---

Итоги конкурса

<i>Геннадий Гусаченко</i>	Память детства133
---------------------------	--------------------------------

Ретро-детектив

<i>Наталья Рыжкова</i>	Сумерки богинь136
------------------------	--------------------------------

Кроссворд. Эрудит

.....	188
-------	------------

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса театра и кино Варвара Верховых

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 17.01.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

«Человек-легенда, культовая фигура театральной сцены и киноэкрана 60–70-х годов XX века Владимир Высоцкий, отвечая на вопрос зрителей во время концертных выступлений, говорил, что ему сложно объяснить, как рождаются его песни. Обычно сначала возникает тема, складываются первые четверостишия, а уже потом к ним подбирается мелодия. При этом он отмечал: «У меня есть музыкальное образование. Ну, конечно, не консерваторское, но я учился музыке, могу писать мелодии...» И писал, да еще какие! Особенно в последние годы своей жизни. Некоторые и без слов хватают за душу! Песни в его исполнении являлись маленькими спектаклями, и он всегда подчеркивал, что не поет их, а «показывает».

Увы, при жизни он так и не дождался выхода полноценного сборника своих стихотворений, хотя «протолкнуть» их в печать пытались многие маститые поэты того времени. А вот поддержать его самого уже не в состоянии был никто. Он уходил — неотвратно, шаг за шагом...

Юрий **Осипов** «Мне есть что сказать, представ перед Всевышним...»

«В этом году исполняется 160 лет со дня рождения великой актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской. Всего шестнадцать лет блистал ее талант на русской сцене, однако интерес к ее творчеству и необычайной судьбе не затухает и в наши дни.

Александр Блок писал о ней: «Я вспоминаю ее легкую, быструю фигурку в полумраке театральных коридоров, ее печальные и смеющиеся глаза, требовательные и увлекательные. Она была вся мятеж и вся весна...»

Владимир **Братченко** «Чайка русской сцены»

«Ее имя знакомо каждому, кто родился и рос в России XX и начале XXI века. А если имя и не знакомо, то уж песни известны абсолютно точно. Мало кто не слышал «Издали долго течет река Волга...» А если такой человек и найдется, ему предстоит открыть для себя эту огромную величину по имени Людмила Зыкина...»

Евгения **Гордиенко** «Мисс Волга»

«Старая женщина, одиноко сидевшая на скамеечке возле величественного памятника, попыталась поправить сползающий с головы платок, но озябшие, трясущиеся пальцы не смогли это сделать. «Холод — это ничего, не страшно, его перетерпеть можно, — подумала она, — а вот голод куда страшнее, есть нестерпимо хочется...» Так уж сложилось, что новым «хозяевам жизни» не было никакого дела до какой-то там бывшей фрейлины императрицы Марии Александровны, им надо было создавать условия для «счастливой жизни» всего человечества...»

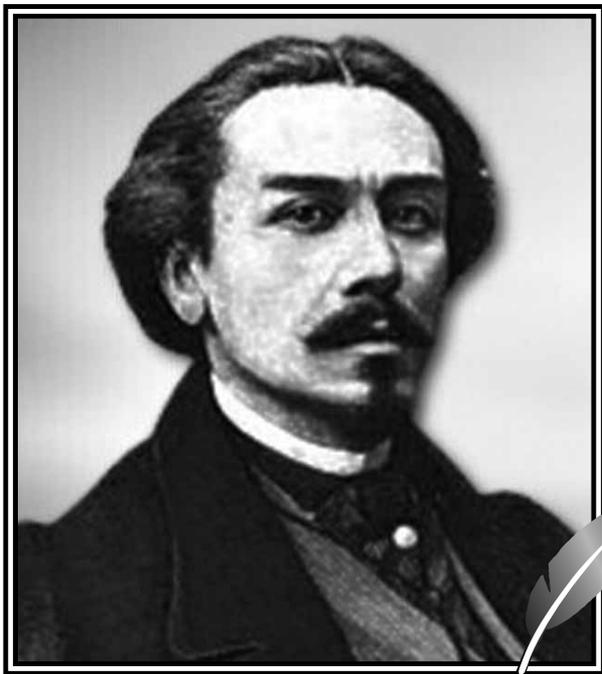
Додумать эту мысль несчастная женщина уже не смогла, уставшая душа покинула вконец исхудавшее тело...

Александр **Ралот** «Первенец»

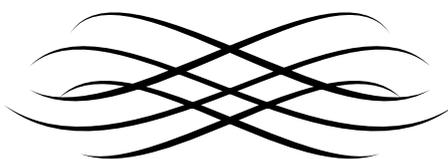
«Детектив Натальи **Солдатовой** «Дурочка из переулочка»

Ирина Леонтьева

В.В.КРЕСТОВСКИЙ



автор
одного
романа



Многие хорошо помнят нашумевший в свое время телесериал «Петербургские тайны», но не все знают, кто был автором захватывающего романа, по мотивам которого был снят этот сериал. А ведь именно благодаря «Петербургским трущобам» Всеволод Владимирович Крестовский вошел в историю русской литературы XIX века, став в одночасье знаменитым. Успех романа был огромный, за ним буквально охотились, а в библиотеках месяцами ждали своей очереди на выдачу. Авантюрно-детективный сюжет, описание жизни «верхов» и «низов» делали его особенно привлекательным. И хотя автора не любила «прогрессивная общественность», зато любили читатели — от царского двора до трущоб, так блистательно описанных им...

Писатель Всеволод Владимирович Крестовский родился 11 февраля 1840 года в Киевской губернии, в имении своей бабушки Малая Березайка. Мать его, Мария Осиповна, сама руководила воспитанием сына, нанимала ему учителей и гувернан-

ток, а позже устроила его в Первую Петербургскую гимназию для потомственных дворян. Окончив ее, Всеволод поступил в Санкт-Петербургский университет на исторический факультет. Но еще учась в гимназии, он пристрастился к литера-

туре: начал писать стихи, а в 4-м классе попробовал себя и в прозе. Преподаватель русского языка В.И. Водовозов заметил способности ученика, тягу к литературе и всячески поощрял его. Именно он ввел Всеволода в кружок литераторов, душой которого был Аполлон Григорьев. Маститые писатели и поэты охотно приняли в свой круг подающего надежды юношу. Увлечение литературой было настолько сильным, что, проучившись два года, он оставил университет и решил полностью посвятить свою жизнь литературному творчеству.

Но юность есть юность, которой «ничто человеческое не чуждо», и Всеволод много времени проводил в кутежах и ухаживаниях за девуш-

лет. Всеволод любил театр и сам как-то пробовал себя на театральном поприще, сыграв в благотворительном спектакле роль Молчалина в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

А еще он много времени уделял изучению жизни Петербурга, особенно его трущоб. В этом ему охотно помогали петербургские власти. Например, в так называемых путешествиях по трущобам его всегда сопровождал будущий начальник сысской полиции И.Д. Путилин, а генерал-губернатор Петербурга, светлейший князь Суворов, даже дал разрешение на свободное посещение больниц, тюрем и судебных архивов. Итогом всех этих «походов» и стал роман «Петербургские трущобы», печатавшийся в «Отече-

Много времени Крестовский уделял изучению жизни Петербурга, особенно его трущоб. В этом ему охотно помогали петербургские власти. Например, в так называемых походах по трущобам его всегда сопровождал будущий начальник сысской полиции И.Д. Путилин, а генерал-губернатор Петербурга, светлейший князь Суворов, даже дал разрешение на свободное посещение больниц, тюрем и судебных архивов

ками. В одну он по-настоящему влюбился и даже сделал ей предложение. Это была актриса Императорского театра Варвара Гринева. Она согласилась выйти за него замуж, и вскоре молодые обвенчались. Жениху было 22 года, а невесте — 20

ственных записках». Успех превзошел все ожидания. Критик и историк литературы Е.А. Соловьев писал: «В романе дана полная, поражающая до ужаса картина жизни петербургской нищеты и петербургских вертепов. Это настоящий дантовский

ад, ибо большего падения человеческого невозможно себе и представить».

Тем временем супружеская жизнь Крестовских постепенно становилась далека от счастливой, супруги подали на развод и давно уже жили врозь, поэтому Всеволод Владимирович охотно принял предложение отправиться в качестве члена комиссии в Варшаву для исследования подземелий города, которыми пользовались повстанцы, скрывавшиеся от властей. В результате пребывания в Варшаве появились очерки «Катакомбы Фара», «Подземный ход», «Под каштанами Саксонского сада» и другие.

Вернувшись из Польши, Крестовский долго не сидел на месте, а почти сразу отправился в большое путешествие по Волге. Итогом его стали новые очерки, среди которых особенно много шума вызвали публикации о злоупотреблениях на соляных промыслах.

Чуть позже судьба сделала новый поворот: в тридцатилетнем возрасте он поступил на военную службу в 14-й Уланский Ямбургский полк. Эскадрон был прикомандирован в Свислочах, и Всеволод Владимирович стал там, можно сказать, «душой общества», а вскоре получил чин поручика.

Развод с супругой проходил очень тяжело и долго, конца пока видно не было, зато на военном поприще складывалось все на удивле-

ние удачно. На Крестовского одно за другим сыпались почетные поручения, и в результате Александр II перевел исполнительного служащего в гвардейский полк, шефом которого был лично сам. Этот полк принимал участие в русско-турецкой войне, и Всеволод Владимирович был за турецкую компанию награжден орденами Святой Анны 3-й степени, Святого Владимира 4-й степени, сербским орденом Такова 4-й степени и черногорским орденом князя Даниила 3-й степени.

Летом 1880 года император снова отправил Крестовского в командировку — на этот раз в должности секретаря при главном начальнике русских морских сил в Тихом океане С.С.Лесовском. Из-за серьезной болезни начальника Всеволоду Владимировичу пришлось на полгода задержаться в Японии, в результате чего появилась книга в двух томах «В дальних водах и странах».

Не успел Крестовский оправиться от этого путешествия, как пришел новый приказ: на этот раз его назначили старшим чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Туркестана. Он и не подозревал, что именно там снова обретет счастье. В Туркестане Всеволод Владимирович близко познакомился с семьей статского советника Лагоды и, влюбившись в его двадцатилетнюю дочь, сделал ей предложение, и Евдокия согласилась стать его женой. Только отыграли свадьбу, как Крестовского снова откомандировали в

распоряжение Министерства внутренних дел. Однако на должности чиновника по особым поручениям он задержался недолго, и в 1887 году уже работал в Департаменте таможенных сборов.

Такой беспокойный образ жизни, когда нет постоянного «теплого угла», а приходится по приказу переезжать из города в город, из одной страны в другую, не мог не сказаться на здоровье: Всеволод Владимирович серьезно заболел, у него обнаружили болезнь печени, которая вдобавок осложнилась сильнейшей простудой, и в январе 1895 года Всеволод Владимирович Крестовский скончался, оставив безутешную вдову и шестерых детей от двух браков. Похоронили его в Петербурге, в Александро-Невской Лавре.

Будучи автором одного нашумевшего романа «Петербургские трущобы», Крестовский занимает скром-



ное место в русской литературе XIX века. При жизни его это мало беспокоило. Он писал: «Не все же Шекспир и Гюго, не все же Пушкины и Толстые, читается и наш брат, скромный второстепенный писатель, если он честно относится к своему делу»...

ВСЕВОЛОД КРЕСТОВСКИЙ

Отрывок из повести «Деды», 1876

Концы и начала

На обширной площади перед Зимним дворцом была какая-то странная, необычная тишина. Народ отдельными кучками стоял по разным местам этой площади и с напряженным вниманием глядел на несколько слабо освещенных окон, которые как-то грустно и таинственно выделялись своим тусклым светом на темном фоне высокой каменной громады дворца,

погруженной во мглистый мрак осеннего вечера. Эти кучки народа оставались в глубоком безмолвии; изредка разве обратится сосед к соседу с каким-нибудь замечанием, вопросом или сообщением, но и то так тихо, вполголоса, почти шепотом... Тягостная неизвестность и томительная тоска какого-то грустного ожидания отпечатлевались на лицах. А между тем, несмотря на эти неподвижно стоящие кучки, площадь полна была тревожным движением. И от дворца, и ко дворцу почти беспрерывно то отъезжали, то подкатывали всевозможные экипажи: курьерские возки, городские санки, тяжелые барские кареты четверней и шестеркой цугом, но мальчишки-форейторы, которые в то время имели обыкновение кричать свое «Пади!» с громким и продолжительным визгом, стараясь выказать этим свое молодечество, на сей раз не подавали ни малейшего звука. Одно только глухое гроыхание колес или время от времени топот копыт коня какого-нибудь вестового гусара в высокой и мохнатой медвежьей шапке, проносившегося куда-то и зачем-то во всю конскую прыть, нарушали это странное и строгое безмолвие.

— Еще вчера, сказывают, изволили быть в совершенно добром здравии, — шепотом передавал в одной из кучек народа какой-то мелкий сенаторский чиновник двоим-троим из ближайших соседей.

— Где уж здорова! — с грустным вздохом махнул рукой старый инвалид в гарнизонном кафтане. — Мне хороший знакомец мой один — он кофишенком у князя Платона Александрыча — так он сказывал, что еще третьево дни целый день на колики жаловались.

— Однако ж, вчера была здорова, — настаивал сенатский чиновник, — и мне через одного человека из самого дворца доподлинно ведомо, что даже обычное свое общество принимали в будуваре, очень много разговаривали о кончине сардинского короля и все шутить изволили над Нарышкиным, над Львом Александрычем, все, значит, смертью его стращали, а ныне вот...

— Никто как Бог... Его святая воля... Авось, все еще, даст бог, благополучно кончится! — утешали себя некоторые.

— Ах, дай-то господи! Сохрани ее, матушку, Владычица небесная! — крестясь, вздыхали другие.

В то самое утро в опустелой Софии дремавший среди уныло обнаженных садов, миновав Царское Село, скакал верховой ординарец. Взмыленный конь его уже хрипел и выбивался из последних сил, а молодой человек, между тем, все больше и больше пришпоривал и нетерпеливо побуждал его ударами шенкелей, но конь начинал уже спотыкаться и, видимо, терял последние силы.

— Лошадь под верх! Бога ради, живее! — торопливо и взволнованно закричал ординарец, приплетясь кое-как на конюший двор. Но его не слушали. На крыльце перед конюшнями стоял кто-то закутанный в дорожную шубу, в собольей шапке и с дорогой собольей муфтой в руках.

— Лошадей!.. Лошадей, каналья, скорее! — шумел и жестикулировал мужчина. — Лошадей, говорю, или я тебя самого запрягу под императора!

— Ах... ах, ваше сиятельство! — манерно и с ужимками, полууучиво и полугрубо отвечал ему на это хрипло-пьяноватым голосом какой-то старикашка, одетый в гражданский мундир заседателя. — Запречь меня не диковинка, но какая польза? Вить... вить я не повезу, хошь до смерти извольте убить.

— Под императора, говорят тебе! — топал тот, кого заседатель называл сиятельством.

— Да что такое император? — все так же манерно разводя руками, возражал ему пьяненький старикашка. — О чем говоришь-то, не понимаю... Какой император?.. Если есть император в России, то дай бог ему здравствовать, а буде матери нашей не стало, то... то ей виват!.. Н-да! вот те и заседатель!

Молодой ординарец, заглянув при свете луны в лицо закутанного мужчины, почтительно отдал ему воинскую честь и торопливо прошел мимо, направляясь в конюшню и таща за собой на поводу измученную лошадь. В этом мужчине он узнал графа Николая Зубова.

Не дожидаясь заседателя, ординарец сам выбрал под себя свежую лошадь, спешно переседлал ее под свое седло и как вихрь помчался по гатчинской дороге.

Вскоре навстречу ему одиноко проскакал кто-то закутанный в плащ и на лету успел только крикнуть одно слово «Едет!», вслед за которым оба всадника уже далеко разминулись друг с другом.

Через несколько минут сквозь ночную мглу показались впереди на дороге точно бы два огненных глаза, которые, все увеличиваясь и приближаясь, превратились, наконец, в два фонаря дорожной кареты, мутно светившие сквозь густой пар, что валил облаками от восьмерки запряженных добрых коней.

Молодой человек придержал свою лошадь.

— Кто там? — раздался из открытого окна мужской голос. — Гонец?.. С известием?.. Что нового?..

— Ее величеству, слава богу, лучше! — громким голосом доложил ординарец, поворотив свою лошадь и направляясь обратно по дороге вровень с окном кареты. — Когда сняли шпанские мушки, — продолжал он, — государыня открыла глаза и попросила пить... Я от графа Салтыкова доложить, что есть надежда.

— Фу!.. Слава богу! — с глубоким и облегченным вздохом послышалось из глубины кареты.

За экипажем скакали верхом и ехали в санях уже человек пять курьеров, посланных ранее с известиями более или менее тревожного свойства. Молодой ординарец, привезший первую весть надежды, присоединился к этому кортежу и тоже поскакал за каретой.

В Софии на перемену уже была готова новая подстава: Николаю Зубову какими-то судьбами удалось, наконец, уломать несговорчивого заседателя. Когда экипаж остановился перед крыльцом, конюхи живо стали перепрягать лошадей. На площадке в это время стоял еще кто-то, новоприезжий из Петербурга, и разговаривал с Зубовым.

— Ah, c'est vous, mon cher Rostoptchin! — послышалось из каретного окна. — Faites moi le plaisir de me suivre; nous arriverons ensemble. J'aime a vous voir avec moi» («А, это вы, мой милый Ростопчин! Сделайте одолжение, поезжайте за мной! Я люблю быть с вами» — (французский).

Зубов молча, задумчивыми глазами проводил отошедшего Ростопчина. Быть может, в эту минуту он почувствовал в его лице восхождение нового светила в среде царедворцев...

По дороге в Петербург время от времени попадались навстречу все новые гонцы и курьеры, которых уже ворочали назад, и таким образом набралось их человек двадцать, что составило длинную свиту саней и вершников, мчавшихся за каретой.

Проехав Чесменский дворец, наследник приказал на минуту остановиться и вышел из экипажа. Чтобы хоть несколько развлечь тяжелые думы высокого путника, Ростопчин, после некоторого молчания, привлек его внимание на красоту ночи, которая действительно была необыкновенно тиха и светла и слегка морозна. Красивые тучки быстро и высоко неслись по темно-синему небу, и луна то выплывала из-за облаков, то опять закутывалась в дымку. Вокруг царствовала глубокая тишина. Наследник молча устремил свой взгляд на луну — и при полном ее сиянии Ростопчин заметил, что глаза его полны были слез, которые тихо катились по лицу.

Поговорив с Ростопчиным и крепко пожав ему руку, государь-наследник уже садился в карету, как вдруг обернулся и спросил, кто привез известие, что государыне лучше.

— Я, ваше высочество, — ответил ему молодой ординарец, подавшись вперед из-за кареты.

— Сержант лейб-гвардии Конного полка?

— Так точно, ваше высочество.

— Фамилия?

— Дворянин Василий Черепов.

Наследник кивнул головой, вслед за тем дверца захлопнулась — и весь кортеж помчался далее.

Зимний дворец был переполнен людьми всякого звания. При тусклом свете немногих ламп, кое-как зажженных наскоро, в обширных залах и коридорах толпились сенаторы, генералы, синодальное и иное духовенство, дворяне, городские обыватели, придворные, сановники и служители, дамы и фрейлины, гвардейские офицеры и солдаты. Одни поспешали сюда по обязанности своего звания, другие из любопытства или страха за жизнь императрицы, и все с затаенным трепетом ожидали приближающейся роковой минуты. Смутный гул сдержанного шепота пробежал из залы в залу; на каждом шагу повторялись вопросы и сообщения то о часе апоплексического удара, то о действии лекарств, о мнении медиков... Всякий рассказывал разное, но общее чувство и общая мысль выражались в желании хотя бы слабой надежды на выздоровление государыни.

Граф Безбородко, в качестве статс-секретаря, находился в ее кабинете. Прибыв, по обыкновению, во дворец с докладом, он с самого раннего утра присутствовал здесь безотлучно и был в отчаянии: неизвестность будущей своей судьбы, страх, что новый государь на него еще в гневе за прежние столкновения, и живое воспоминание о стольких благодеяниях умирающей императрицы заставляли его часто рыдать, как ребенка, и наполняли сердце его горестью и ужасом. Он желал теперь только единственной милости — быть оставленным без посямления.

Отчаяние же князя Зубова было беспредельно. Не только искусившиеся опытом царедворцы, но каждый, даже первый попавшийся с улицы человек мог бы легко и свободно прочесть теперь на его физиономии полную и окончательную уверенность в своем падении и наступающем ничтожестве, и эта уверенность, вопреки самолюбию и помимо искусства самообладания, слишком ясно высказывалась не только в выражении лица, но даже в каждом движении этого человека. Проходя через комнату императрицы, он по несколько раз останавливался перед умирающей и, рыдая, выходил. Толпа придворных сторонилась, отшатывалась и удалялась от него, как от зачумленного, так что князь убежал, наконец, в дежурную комнату и упал в кресло. Томимый жаждой и жаром, несчастный не мог выпросить себе даже стакана воды, в чем теперь отказывали ему те, которые еще лишь сутки назад на одной его улыбке строили все счастье и благосостояние своей жизни. И та самая комната, где еще вчера люди чуть не давили друг друга, чтобы стать к нему поближе, обратилась теперь для него в глухую пустыню.

Наконец приехал великий князь-наследник и, зайдя на минуту в свою комнату в Зимнем дворце, пошел на половину императрицы. Весть о его прибытии в то же мгновение успела облететь всех собравшихся в залах,

и прием, оказанный ему; был уже приемом как бы государю, а не наследнику. Великие князья Александр и Константин вышли к нему навстречу, уже одетые в мундиры тех батальонов, которыми командовали они в гатчинском «модельном войске». Проходя через комнаты, наполненные людьми, ожидавшими восшествия его на престол, великий князь очень милостиво, с ласковым и столь свойственным ему рыцарски-учтивым видом отвечал на бесчисленные глубокие и часто подобострастные поклоны.

Умирающая лежала на полу, на сафьяновом матрасе, в том самом положении, в каком успели поместить ее в первые минуты утром камердинеры Тюльпан и Захар Зотов, не будучи в состоянии поднять на кровать бесчувственное тело по причине его значительной тяжести. Теперь уже ни к чему было тревожить его перекадыванием при последнем издыхании. Государыня лежала навзничь, неподвижно, с закрытыми глазами. Сильное храпение в горле, среди всеобщей тишины, слышно было даже в смежной комнате. Вся кровь была ей в голову, и цвет лица становился иногда багровым, иногда, когда кровь отливала, принимал вдруг живой и свежий румянец. Это последнее явление обыкновенно пробуждало на минуту в присутствующих некоторую надежду, которая — увы! — через несколько мгновений угасала снова... У тела находились попеременно придворные лекаря и, стоя на коленях, внимательно следили за дыханием и малейшими колебаниями пульса. В опочивальне, кроме медиков и ближайшей прислуги, присутствовали члены императорской фамилии и камер-фрейлина Протасова, ни на минуту не отлучавшаяся от государыни с самого утра. Глаза ее, помутившиеся глубоким горем, не отрывались от полумертвого тела ее благодетельницы.

Агония продолжалась уже более суток. Доктора объявили, наконец, что всякая надежда иссякла. Тогда по приказанию великого князя-наследника преосвященный Гавриил с духовенством прочел над умирающей глухую исповедь и причастил ее святых тайн. Затем Павел Петрович удалился в боковой кабинет, куда призывал для деловых разговоров некоторых лиц или тех, кому имел сообщить какое-либо приказание. Так, между прочим, поручил он Ростопчину передать графу Безбородке, что, «не имея никакого особенного против него неудовольствия, он просит его забыть все прошедшее и считает на его усердие, зная дарования его неспособности к делам»; потом призвал самого графа и лично поручил ему заготовить указ о восшествии на престол всероссийский; в течение дня раз пять или шесть призывал к себе также и князя Зубова, разговаривал с ним очень милостиво и, умеряя его отчаяние, уверял в своем благорасположении.

В течение этого времени во дворец прибывали все новые и новые сановные лица, чиновники, военные лица и люди всякого состояния. Горестная весть уже успела разнестись по столице, и к вечеру громадные толпы народа, обсыпаемые густыми хлопьями мокрого снега, в прежнем безмолвии

стояли на Дворцовой площади. Войска же петербургского гарнизона все были собраны в своих казармах в ожидании присяги новому императору.

В девять часов вечера лейб-медик государыни, англичанин Роджерсон, войдя в кабинет, где находился наследник с супругою, объявил, что императрица кончается.

Тотчас приказано было войти в опочивальню умирающей всем великим князьям, княгиням и княжнам, с которыми вошла и воспитательница их, статс-дама Ливен, а за нею князь Зубов, граф Остерман, Безбородко и Самойлов. По правую сторону императрицы встал наследник с супругою и семейством, по левую — доктора, лекаря и вся ближайшая прислуга Екатерины, а в головах — призванные в комнату Ростопчин и Плещеев. Дыхание императрицы сделалось очень трудно и редко; кровь, как и прежде, все еще бросалась в голову, искажая черты лица, то отливала в грудную полость, возвращая физиономии естественный вид. Полное и благоговейное молчание всех присутствующих, затаенный и сдержанный трепет последнего страшного ожидания, немые взгляды, устремленные на лицо умирающей, отдаление на эту минуту от всего земного, от всех посторонних и суетных помыслов, глубочайшая тишина и слабый свет, мерцающий в комнате, — все это обнимало ужасом душу каждого, все возвещало близкое веяние смерти... Тихо и мелодично, переливаясь тонкими металлическими звуками, пробили старинные часы первую четверть одиннадцатого, великая женщина вздохнула в последний раз, и... дух рабы Божией Екатерины предстал перед судом Всевышнего.

С последним вздохом, казалось, вдруг наступил для нее тихий и сладкий сон. Всегдашняя ее приятность и величие постепенно и так заметно разлились опять по чертам спокойного лица и воочию всем явили еще раз ту царицу, которая славою своего царствования наполняла всю вселенную. Сын ее и наследник преклонился пред бездыханным телом и вышел, заливаясь слезами, в другую горницу. В то же мгновение опочивальня огласилась воплем женщин, служивших Екатерине.

Но слезы и рыдания не простирались далее той комнаты, где лежало тело государыни. Прочие покои дворца были наполнены знатью и чиновниками — по преимуществу теми людьми, которые во всех переменах и обстоятельствах, счастливых и несчастных, прежде всего видят только самих себя и заняты исключительно сами собою, а эта печально-торжественная минута для многих и многих из них казалась Страшным судом и грозила расплатой за прошлое...

Граф Салтыков вошел в дежурную комнату с официально-печальным и важным видом и объявил во всеуслышание:

— Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, государь Павел Петрович изволил взойти на всероссийский престол.

Едва были произнесены эти слова, как множество царедворцев бросилось обнимать Самойлова, Ростопчина, Плещеева, камер-пажа Нелидова и прочих, в ком только усматривали или могли предполагать они будущих приближенных, поздравляя их, а за ними всех присутствующих с новым императором.

Граф Алексей Григорьевич Орлов, измученный нравственно и изнеможенный физически, проведя в слезах и терзаниях, без сна и пищи почти двое суток, не в силах был уже дожидаться кончины императрицы и уехал к себе на квартиру. Едва он прилег отдохнуть, как прибежали сказать ему, что государыня скончалась, а вслед за тем явился посланный с повелением от государя, чтобы Орлов немедленно прибыл во дворец для учинения присяги. Старик, отговариваясь крайним утомлением, поручил передать императору, что, как скоро рассветет, он не преминет явиться и исполнить долг своего верноподданства. Государю такой ответ показался неуютен, и он послал к графу вторично, чтобы тот, невзирая ни на что, явился немедленно же к присяге. Надо было повиноваться.

— Полагаю, ваше сиятельство, что и вам надлежало бы учинить присягу? — встретил его император, как только гордый вельможа вошел к нему в комнату.

— Конечно, так, государь! — с глубоким и почтительным поклоном отвечал Орлов. — И я, поверьте, готов учинить то с охотнейшим моим сердцем.

Государь вымерял его взглядом и, казалось, внутренне остался доволен ответом.

В это время обер-церемониймейстер Валуев, известный как самый ревностный блюститель порядка всех придворных торжеств и церемоний, явился с докладом, что во дворцовом храме все уже готово к присяге.

В церкви, залитой огнями сверкающих люстр, паникадил и канделябров, Павел Петрович впервые встал на императорское место, и преосвященный Гавриил, выйдя на амвон, начал внятно и явственно читать форму присяги, которую вслед за ним громко повторяла густая толпа присутствующих, подняв крестообразно сложенные правые руки.

Императрица Мария Федоровна, по окончании присяжного обряда подойдя к государю, хотела, было, преклонить перед ним колени, но он удержал и с чувством обнял ее, а вслед за ней всех детей своих. Засим каждый из присутствующих целовал крест и Евангелие и, подписав на присяжном листе свое имя, почтительно подходил к руке императора и императрицы. Когда же окончилась и эта долгая и утомительная церемония, Павел пошел прямо в опочивальню покойной государыни, тело которой к этому времени было уже в белом платье положено на кровать, и в головах его на аналое дьякон читал Евангелие.

Это было в ночь с 6 на 7 ноября 1796 года... □



Драгоценный ГЛИНКА

Первые сочинения Глинки появились в тот период, когда он выпущался из пансиона. Он стал автором нескольких романсов, один из которых «Не пой, красавица, при мне...» был написан на стихи А.С. Пушкина. Их дружба продолжалась до самой смерти поэта, и Глинку часто называют «Пушкиным от музыки», так как он внес огромный вклад в становление русской оперной школы, как и Пушкин в развитие русской литературы.

Ранним утром 20 мая 1804 года, по семейному преданию под трели соловья, появился на свет Михаил Иванович Глинка. Малой его родиной стало родительское имение в селе Новоспасское на Смоленщине. Его отец был потомком обрусевшего польского шляхтича. Родители будущего композитора приходились друг другу дальними родственниками. Мать Михаила, Евгения Андреевна Глинка-Земелька, была троюродной сестрой его отца — Ивана Николаевича Глинки.

Когда в 1812 году началась Отечественная война, семья Глинки уехала в Орел, подальше от мест боевых действий. Вернувшись че-

рез год в село Новоспасское, Иван Николаевич обнаружил, что от его роскошного имения остались лишь руины, и решено было строить новый дом.

Мальчик рос болезненным и слабым ребенком. Его воспитанием первые десять лет жизни занималась мать отца Фекла Александровна. Бабушка была бескомпромиссной и строгой женщиной, культивировала в ребенке мнительность и нервозность. Обучался Миша на дому, и первый интерес к музыке проявился у мальчика, когда он попытался имитировать колокольный звон с помощью медной домашней утвари.

После смерти бабушки воспитанием Михаила занялась его мать. Вскоре она обратилась к одному из своих родственников, у которого был свой оркестр, чтобы сына научили играть на музыкальном инструменте. Так в жизни Миши появились фортепиано и скрипка.

Через несколько лет отец отправил Михаила в Санкт-Петербург, где

В 1824 году Михаил по настоянию отца поступил на службу в Главное управление путей сообщения. При этом он каждый день продолжал музицировать и написал еще один романс, уже вполне зрелый, на стихи Евгения Баратынского «Не искушай меня без нужды».

После восстания декабристов Глинка оказался под подозрением,

В 1822 году Михаил окончил обучение в пансионе, и именно к этому времени относятся его первые сочинения — несколько романсов. Один из них «Не пой, красавица, при мне...» был написан на стихи Александра Сергеевича Пушкина, с которым Глинка познакомился еще во время учебы, так как Пушкин часто навещал своего младшего брата Льва в пансионе. А позже Глинка и Пушкин сошлись очень близко на почве общих интересов

тот поступил в пансион при Педагогическом институте. Изучая иностранные языки и различные науки, юноша параллельно практиковался в игре на рояле, а свободное от учебы время проводил на концертах.

В 1822 году Михаил окончил обучение в пансионе, и именно к этому времени относятся его первые сочинения — несколько романсов. Один из них «Не пой, красавица, при мне» был написан на стихи Александра Пушкина, с которым Глинка познакомился во время учебы: Александр Сергеевич часто навещал своего младшего брата Льва. Позже Глинка и Пушкин сошлись очень близко на почве общих интересов.

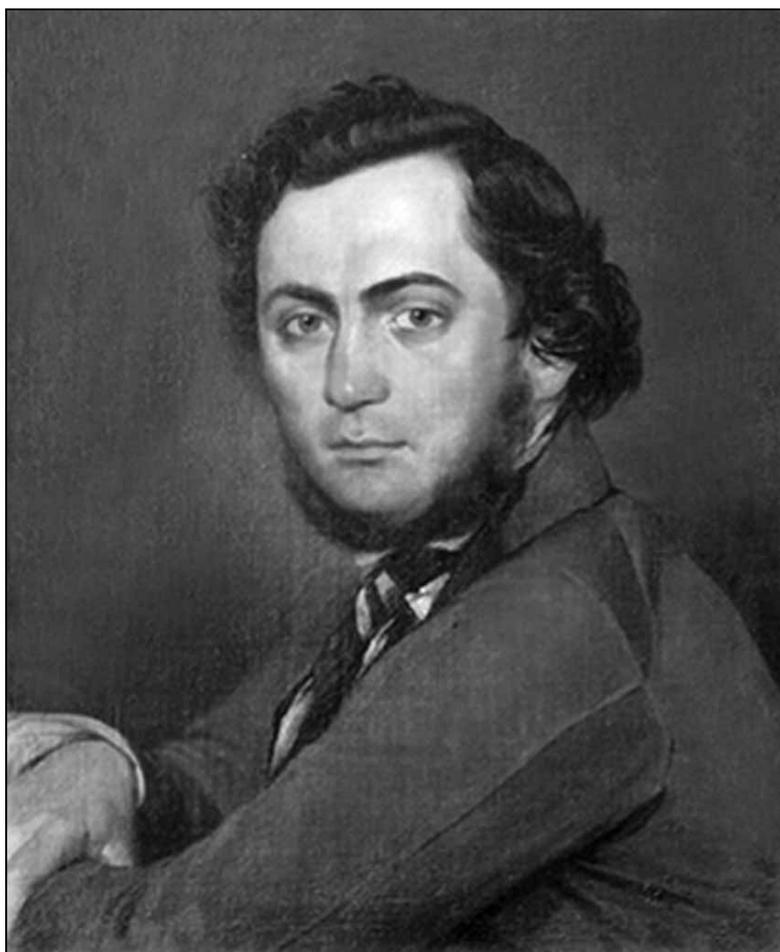
так как в тот роковой день находился на Сенатской площади. Но после допроса, не выявившего его вину, так как он покинул площадь еще до начала основных событий, Михаила отпустили, и он отправился к родным в Смоленскую губернию и почти год не покидал родовое имение, где все свое время уделял в основном музыке: написал несколько романсов, музыку для хора и другие музыкальные композиции.

В 1830 году состояние здоровья Глинки сильно ухудшилось. Музыкант был вынужден сменить петербургскую сырость на более теплый климат, и отправился на лечение в Европу. Оздоровительную поездку в Италию Глинка совместил с про-

фессиональным обучением, познакомился с Доницетти и Беллини, изучал оперу и бельканто. Через четыре года он уехал в Германию, где начал брать уроки у Зигфрида Дена. Но из-за неожиданной кончины отца ему пришлось прервать обучение и спешно вернуться в Россию.

Музыка занимала все мысли Глинки. В 1834 году композитор начал работать над своей первой оперой «Иван Сусанин», которая позднее была переименована в «Жизнь за царя». Первое название сочинению вернули в советское время. Действие оперы происходит в 1612 году, но на выбор сюжета повлияла война 1812 года, случившаяся во времена детства автора. Когда она началась, Глинке было всего восемь лет, но ее влияние на сознание музыканта сохранилось на несколько десятилетий.

В 1842 году композитор окончил работу над своей второй оперой. Произведение «Руслан и Людмила» было представлено в тот же день, что и «Иван Сусанин», но с разницей в шесть лет.



Глинка писал свою вторую оперу долго. Ему потребовалось около шести лет, чтобы окончить эту работу. Разочарованию композитора не было предела, когда произведение не возымело должного успеха. Волна критики раздавила музыканта. Также в 1842 году у композитора наметился кризис в личной жизни, что повлияло на эмоциональное и физическое здоровье Глинки.

Неудовлетворенность жизнью подтолкнула Михаила Ивановича предпринять новое путешествие в Европу. Композитор посетил несколько городов Испании и Франции. Постепенно творческое вдохновение вернулось к нему: результатом этой поездки стали новые произведения: «Арагонская хота» и «Воспоминание о Кастилии». Восстановив уверенность в себе, Глинка вернулся в Россию.

Необходимо также отметить, что в это время он весьма сблизился с известными литера-

торами братьями Кукольниками. Квартира в Фонарном переулке, где они проживали, было местом, в котором любили собираться творческие люди Петербурга. Часто бывая в богемной среде у Кукольников, Михаил Иванович в конце мая 1840 года замышлял сочинить ряд романсов на стихи среднего брата Нестора, которые впоследствии были объединены в вокальный цикл под названием «Прощание с Петербургом». Сочиняя вокальные миниатюры, в число которых вошла «Попутная песня», композитор не связывал их единым сюжетом. В произведениях он старался отразить чувства человека, мечтавшего покинуть город, в котором претерпел много невзгод. Работа над сборником шла весьма успешно, и двенадцать миниатюр в тесном творческом содружестве с автором поэтических текстов вскоре были закончены.

Но петербургская светская жизнь утомляла музыканта, и в 1848 году он оказался в Варшаве, где прожил два года. Этот период жизни композитора ознаменован созданием симфонической фантазии «Камаринская».

Последние пять лет жизни Михаил Иванович провел в разъездах. В 1852 году он отправился в Испанию, но состояние здоровья было настолько слабым, что пришлось переехать во Францию, где он и решил остаться. Париж ему настолько благоволил, что, ощутив подъем жизненных сил, композитор начал работу над симфонией «Тарас Бульба».

Через два года Глинка, со всеми своими творческими начинаниями, вернулся на родину. Причиной для такого решения послужило начало Крымской войны. Симфония «Тарас Бульба» так и не была окончена...

Биография Глинки — это история любви человека к музыке, но была у композитора и более обыденная личная жизнь. Во время своих путешествий по Европе Михаил Иванович стал героем нескольких амурных приключений, а, вернувшись в Россию, решил жениться. По примеру отца он выбрал в спутницы жизни свою дальнюю родственницу. Женой композитора стала Мария (Марья) Петровна Иванова.

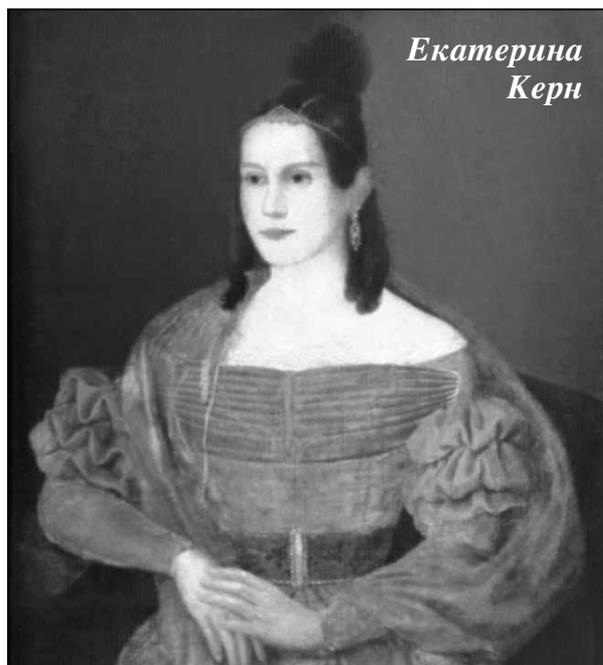
У супругов была четырнадцатилетняя разница в возрасте, но композитора это не остановило. Увы, брак оказался несчастливym. Глинка быстро понял, что ошибся с выбором. Брачные узы связывали музыканта с нелюбимой супругой, а сердце было отдано другой женщине. Новой любовью композитора стала Екатерина Керн, дочь музы Пушкина, которой Александр Сергеевич посвятил стихотворение «Я помню чудное мгновенье...»

Отношения Глинки с возлюбленной длились почти десять лет. Большую часть этого времени музыкант официально был женат. Его законная супруга Мария Иванова, не прожив и года в законном браке, начала искать амурные приключения на стороне. Глинка знал о ее похождениях. Супруга упрекала музыканта в

расточительстве, скандалила, изменяла ему и через шесть лет брака тайно обвенчалась с корнетом Николаем Васильчиковым. Когда это обстоятельство открылось, Глинка получил надежду на развод, который состоялся через два года. Все это время композитор состоял в отношениях с Екатериной Керн, но, получив развод, так и не женился на ней, поняв, что накал любовных страстей угас. Ходили слухи, что у Екатерины Керн была дочь от Глинки. Ни подтверждения, ни опровержения этого факта найти не удалось. Известно, что в разгар романа Керн опасно заболела, а после ее выздоровления у Глинки возник план уехать в Италию и там тайно заключить брак со своей возлюбленной, так как их отношениям противились родственники с обеих сторон. Но из этого так ничего и не вышло...

Тем временем дружба Михаила Ивановича и Александра Сергеевича продолжалась — у них было много общих интересов. Глинка даже задумал оперу «Руслан и Людмила», чтобы иметь возможность поработать с Пушкиным. Смерть поэта сильно замедлила процесс создания оперы. В итоге ее постановка почти провалилась.

Зрелый период творчества композитора открывает опера «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). Исторический сюжет о подвиге костромского крестьянина и окончании Смутного времени был предложен



В.А. Жуковским, написавшим текст эпилога. Уникальность оперы «Жизнь за царя» в том, что большая часть стихов приспособилась к уже написанной музыке. Премьера оперы в декабре 1836 года в Большом театре Санкт-Петербурга стала новым этапом в развитии русской музыкальной культуры. На премьере присутствовали А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский.

Успех «Жизни за царя» определил милость Николая I к ее автору: Глинка был признан первым композитором России и в 1837 году назначен на должность капельмейстера Придворной певческой капеллы. К этому времени относится первый опыт Глинки в церковной музыке (Херувимская песнь).

Помимо двух опер, наиболее известными произведениями Глинки являются «Попутная песня» и «Камаринская».



Название для последней придумал князь Одоевский.

В XVIII–XIX столетиях «Камаринская» включалась в программу российских ассамблей и балов, где обычно ее отплясывали все присутствующие. А появилась эта народная песня как радостная пляска в честь освобождения от татаро-монгольского ига.

Историческую роль «Камаринской» подчеркивал Петр Ильич Чайковский, который писал о русской симфонической школе, что «вся она в «Камаринской», подобно тому, как весь дуб — в желуде. И долго из этого богатого источника будут черпать русские композиторы, ибо нужно много времени, много сил, чтобы исчерпать все его богатство». В сущности, этими же словами можно охарактеризовать значение симфонического творчества Глинки в целом.

«Попутная песня», которую Михаил Глинка посвятил родственнику братьев Кукольников Н.Ф. Немировичу-Данченко, является самым известным и самым исполняемым произведением из цикла «Прощание с Петербургом».

Имя поэта и драматурга Нестора Кукольника, очень популярного в середине XIX века, сегодня бы никто и не вспомнил, если бы не этот вокальный цикл Михаила Ивановича Глинки, который был написан на стихотворные тексты некогда очень известного литератора.

Многие современники композитора не понимали, как степенный и выдержанный Михаил Иванович Глинка мог дружески сблизиться с таким заносчивым и легкомысленным человеком, как Нестор Кукольник. Дело в том, что Глинке очень нравилось, как поэт быстро и легко

сочинял стихи, кроме того композитор находил в лице Нестора тонко чувствующего и понимающего слушателя. Помимо вокального цикла

ля 1857 года скончался. Болезни и слабое здоровье сделали свое дело. Похоронили композитора на лютеранском Троицком кладбище.

Б



рак Глинки оказался несчастлив, и он быстро понял, что ошибся с выбором. Брачные узы связывали музыканта с нелюбимой супругой, а сердце его было отдано другой женщине, Екатерине Керн, дочери музы Пушкина, которой Александр Сергеевич посвятил стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» Отношения Глинки с возлюбленной длились почти десять лет. У него даже возник план уехать в Италию и там тайно заключить с ней брак, потому что их отношениям противились родственники с обеих сторон. Но из этого так ничего и не вышло...

«Прощание с Петербургом» композитор на стихи Нестора Кукольника написал романс «Сомнение», а также сочинил музыку к его драме «Князь Холмский».

Бывало и так, что музыка романса Глинки появлялась раньше, чем сочинялся текст. Например, с «Попутной песней» именно так все и произошло. Она была одной из самых любимых в репертуаре Федора Шаляпина, он часто включал ее в программу своих концертов.

Кстати, надо отметить, что и сам Глинка, не имея большого голоса, умел так выразительно исполнять свои романсы, сопровождая их искусным аккомпанементом, что публика, заслушиваясь, по его воле смеялась и плакала.

В 1856 году Глинка снова покинул родину и уехал в Берлин. Прожил он там недолго, всего год, а 15 февра-

Через несколько месяцев младшая сестра Глинки Людмила приехала в Берлин, чтобы устроить перевозку праха брата на родину. Гроб с телом композитора из Берлина в Санкт-Петербург перевозили в картонной коробке с надписью «ФАРФОР».

Удивительное совпадение! Именно «фарфором» называли Глинку, желая подчеркнуть красоту его музыки.

*Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.*

*Веселися, Русь! наш Глинка
Уж не Глинка, а фарфор!*

Михаил Виельгорский.

Перезахоронили Глинку в Санкт-Петербурге на Тихвинском кладбище. Аутентичная надгробная плита с первой могилы композитора до сих пор находится в Берлине на территории русского православного кладбища. □

Нераскрытое преступление

Александр Ралот



*Александр
Сухова-Кобылин*

1850 ГОД

В этот день московские газеты пестрели заголовками: «Купчиха-француженка тридцати пяти лет от роду зверски убита в Москве возле известного кладбища».

Версию убийства с целью ограбления полиция отмела сразу. Золотые серьги с бриллиантами в ушах жертвы остались нетронутыми, на изуродованных руках имелись дорогие кольца. В карманах женщины нашли связку ключей. В протоколе осмотра было отмечено, что вокруг горла убиенной имеется рана, размером около трех вершков. Рядом с телом обнаружен санный след. Дознаватели сделали вывод, что экипаж сначала свернул в сторону от ближайшей дороги, а затем повернул в белокаменную...

В результате этого убийства спустя несколько лет была написана трилогия: «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина». Автор ее, Александр Сухова-Кобылин, и стал главным обвиняемым в процессе по факту смерти убитой дамы.

Род Кобылиных был весьма известным в Российской империи. В имении Сухова-Кобылиных в Тульской губернии от отца к сыну передавались старинные семейные реликвии, доказывающие, что предки играли весомую роль еще при дворе Иоанна Грозного.

Сам же Александр Васильевич Сухова-Кобылин считался в обществе человеком весьма противоречивым. Крупный помещик и властный барин никогда не назначал старост-россиян, у него на этих должностях были исключительно иностранцы. Не жалея денег, он вы-

писывал из заграницы самые передовые орудия производства. И при этом был ярким противником отмены крепостного права. А еще слыл сердцеедом, этаким светским львом. Вдобавок, был крестником будущего императора Александра II.

В юности он получил великолепное образование в Гейдельбергском университете. Прослушав курс, Александр, нисколько не нуждаясь в деньгах, взял и махнул в Париж — а куда еще мог отправиться молодой российский повеса? Именно там, будучи в гостях, он и увидел юную, весьма симпатичную парижанку. Сначала, как и полагается, были тосты за прелестных французских женщин и блистательную столицу Франции, а потом — пошло-поехало... Начался бурный роман с обещаниями безбедной жизни в первопрестольной и создания небольшого, но собственного женского бизнеса, но... с обязательным условием — французская пассия никогда не будет настаивать на официальном оформлении их отношений. То есть замужество с госпожой Луизой-Симон де Манш, именно так звали двадцатилетнюю парижанку, было делом совершенно невозможным.

Год спустя любовница переехала в Россию и поселилась в одном из особняков, принадлежащих семье Кобылиных. Хотя, не будучи даже невестой, Луиза не могла появляться со своим благодетелем в тамошнем обществе, все остальное она получила, согласно их договоренности. Жила в свое

удовольствие, в полном достатке и любви.

Шло время. У богатого ловеласа появлялись новые дамы сердца — как человек азартный, Александр позволял себе увлекаться каждой второй красавицей, если не первой. Однако, вдоволь нагулявшись, неизменно возвращался к маленькой Луизе, не забывая при этом заглаживать вину ювелирными подарками. Они ругались и... мирились, клялись друг другу в любви и верности. Но, увы, все возвращалось на круги своя...

Кобылин выполнил свое обещание: выделил Луизе средства на открытие виноторгового и бакалейного магазинов. Но она не сумела справиться, и через некоторое время «бизнес» прогорел. Новоиспеченная московская купчиха Луиза Ивановна тихо и незаметно отошла от торговых дел, ввиду их полной скудости.

ТОТ ЖЕ 1850 ГОД

Луиза слыла женщиной ревнивой до неприличия. Стоило ее избраннику выехать одному в свет (а выезжал он туда ежедневно), как купчиха мгновенно нанимала «лихача» и мчалась за ним вдогонку.

Однажды Кобылин был зван на ужин в один богатый московский особняк. Естественно, Луиза поехала следом. Она демонстративно стояла на снегу возле дома, всем своим видом показывая, что знает, где ее избранник, и пусть ему будет стыдно!



Луиза-Симон де Манш

Хозяйка дома увидела ее в окне, сразу все поняла, позвала гостя и, нисколько не смущаясь, одарила его долгим и сладостным поцелуем. Затем снова резко повернулась к окну, однако внизу уже никого не было...

В сохранившихся архивах имеется запись, что и в тот роковой день убийства купчиха следила за Сухово-Кобылиным. На этот раз она наблюдала за домом, где обитала известная московская красавица Наталья Нарышкина. Любому терпению рано или поздно приходит конец. Дождавшись, когда слуги, дежурившие у парадных дверей, отлучатся по какой-то надобности, оскорбленная женщина ворвалась в дом...

Забытый роман малоизвестного писателя Петра Бабарыкина под

названием «Без суда» рисует сцену «выяснения отношений» в полной мере и во всех красках.

А что же хозяйка дома? Ее ведь во время следствия можно было допросить, но... не прошло и пары дней после убийства, как госпожа Нарышкина спешно покинула пределы Российской империи. Перебралась в теплую и благополучную Францию, где вскорости состоялась ее помолвка, а затем и свадьба с не менее известным ловеласом — господином Александром-Дюма-младшим...

Но вернемся к расследованию убийства. На следующий день после инцидента в доме Нарышкиной Александр Васильевич с утра пораньше отправился к купчихе в гости. Служанка сообщила ему, что барынька как уехала накануне, так более не возвращалась. Сухово-Кобылин незамедлительно отправился к обер-полицеймейстеру, но начальника городской полиции на месте не застал. Взятая планомерно объезжать все места, где мог пребывать глава данного ведомства, и, наконец, уже к вечеру столкнулся с ним в особняке купеческого собрания. С дрожью в голосе спросил, нет ли сведений о преступлении, совершенном над женщиной купеческого сословия и весьма привлекательной внешности? Чиновник был крайне удивлен подобным вопросом и ответил отрицательно. (На тот момент тело убитой женщины еще не было обнаружено.

Кстати сказать, позже такое странное поведение Сухово-Кобылина бу-

*Дом, в котором
проживала
Луиза-Симон де
Манш*



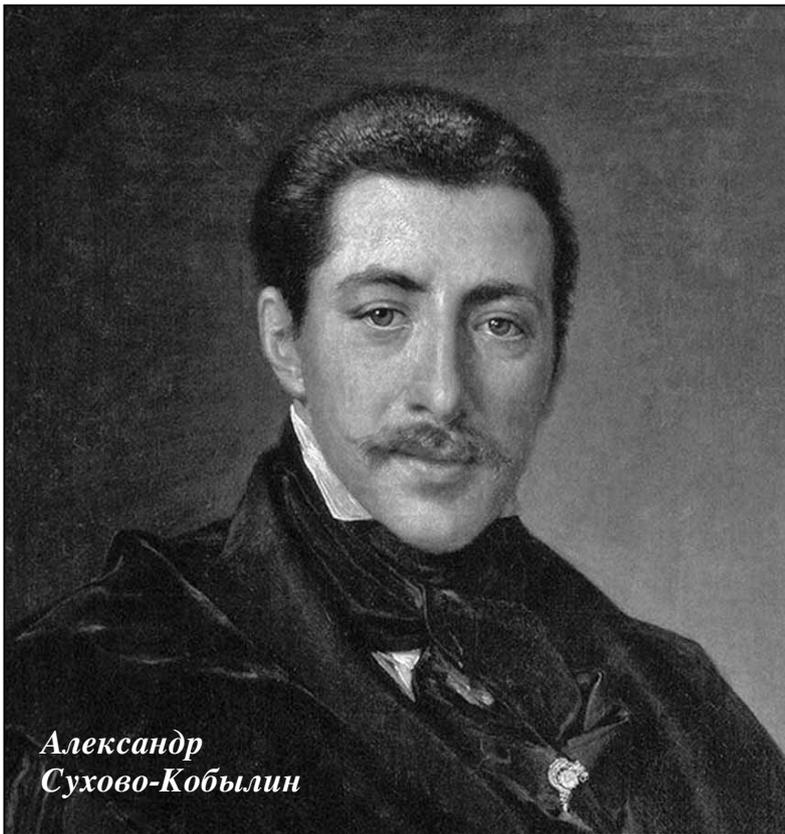
дут ставить ему в вину при расследовании.)

День спустя отчаявшийся дворян добился приема у генерал-губернатора, графа Закревского и вручил ему официальное заявление о пропаже своей горячо любимой содержанки.

Поздно вечером того же дня тело убитой женщины, было, наконец, обнаружено. Возбудили уголовное дело. Основной версией считалось убийство на почве ревности. При обыске в кабинете Сухово-Кобылина были найдены письма Натальи Нарышкиной. В них московская красавица упрекала Александра Васильевича в том, что он к ней охладел. Имелись там и угрозы в адрес купчихи Луизы Демьяновны. Сухово-Кобылина незамедлительно арестовали.

А еще через несколько дней слуги Луизы-Симон де Манш стали давать признательные показания. Дескать позарились на богатства иноземной купчихи, бес, мол, попутал. Однако опытный следователь этим показаниям не поверил, помня, что на теле убитой были обнаружены весьма дорогие ювелирные украшения.

Тогда полиция решила обыскать поместье Сухово-Кобылина. На деревянных ступеньках четко выделялись бурые пятна, а на заднем дворе удивленные полицейские увидели целую лужу запекшейся крови. Казалось бы, все — дело можно смело передавать в суд. Улик достаточно, виновные сознались, заказчик (или заказчица) жестокого убийства вот-вот сознается под тяжестью улики... Не тут-то было:



*Александр
Сухово-Кобылин*

ДВА МЕСЯЦА СПУСТЯ

Но произошло неожиданное: Егоров и остальные обвиняемые в одночасье взяли, да и отказались от прежних показаний. Написали, что за признание своей вины им, барином, то есть Александром Васильевичем, были обещаны аж тысяча пятьсот рубликов. И не ассигнациями, а полноценным серебром, а также вольная им самим и их родственникам и ходатайство на высочайшее имя об облегчении участи осужденных.

Закревский тогда утверждал: «В вверенном мне городе никакого суда нет и быть не может! Здесь только я решаю, кто виноват, а кто нет! Этот ваш Сухово-Кобылин виновен однозначно! Сей факт никакому сомнению не подлежит!»

Барина вновь посадили, но не надолго. Сумел доказать, что своим людям подобного не поручал и не обещал. Следствие снова зашло в тупик. Есть труп, налицо жестокое убийство, а обвиняемых как бы и нет. Кипы бумаг ходили из одного департамента в другой...

повар под присягой заявил, что практически ежедневно обезглавливает на заднем дворе кур и всякую другую живность (а в середине девятнадцатого века эксперты-криминалисты еще не могли точно определить, человеческая кровь присутствует на древесине или домашней живности).

Между тем, Сухово-Кобылина посадили в «секретный» чулан, а потом зачем-то возили в закрытой карете по различным местам Москвы, в надежде, что нервы у него не выдержат, и следствие, таким образом, получит от обвиняемого признательные показания. Но... не получилось. В результате московский надворный суд вынес по этому делу следующий приговор: слугам госпожи Луизы-Симон де Манш Егорову и Козьмину — по двадцать и пятнадцать лет каторжных работ соответственно, горничным купчихи — ссылка в Сибирь, а господина Сухово-Кобылина, ни в чем по сему делу не виновного, к суду более не привлекать.

СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Все эти годы главным подозреваемым оставался Александр Васильевич, и все это время его мать добивалась полного оправдательного приговора. Писала во все инстанции, истратила несметную кучу денег. Ходили слухи, что отданных на различные взятки средств хватило бы на то, чтобы выложить ассигнациями дорогу от Москвы до дальнего имения Сухово-Кобылиных. Частенько старой женщине не отвечали, а тогдашний министр юстиции граф Виктор Никитич Панин вообще целиком и полностью разделял мнение московского генерал-губернатора.

Но все в этом мире имеет свое начало и свой конец. На смену одному российскому императору пришел другой — крестный сын Кобылина Александр II.

Через некоторое время в петербургский особняк семьи Сухово-Кобылиных прибыл нарочный от самого императора с пакетом, скрепленным казенными сургучными печатями. На красивой гербовой бумаге было написано следующее: «Сего дня в 17-00 его превосходительство министр юстиции граф Панин прибудет в указанный дом и лично сообщит окончательное решение по затянувшемуся делу».

По прибытии министра это решение было озвучено: «Сухово-Кобылина и его крепостных крестьян — Ефима Егорова, Галактиона Козьмина, Аграфену Кашкину — от всякой ответственности по вышеозна-



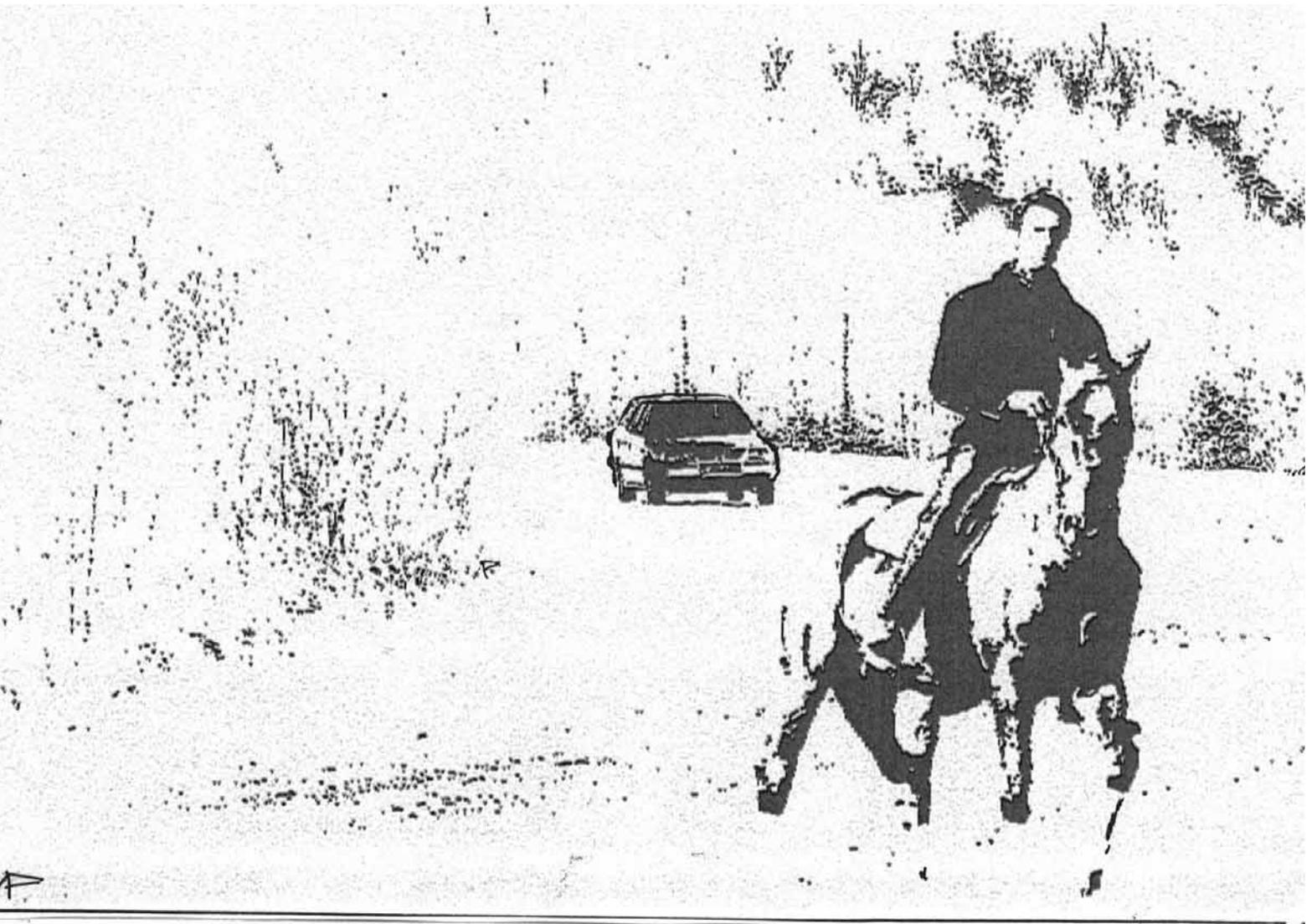
*Наталья
Нарышкина*

ченному предмету оставить свободными».

А немного позже в одном официальном вестнике появилась малюсенькая заметка: «Решение Госсовета от 25 октября 1857 года по делу господина Сухово-Кобылина «было затеряно» писцом в пьяном виде вместе с парюю сапог»...

Александр Васильевич после всего пережитого написал несколько драматических произведений, женился и уехал во Францию, где его изредка навещала дама, с ног до головы закутанная во все черное. Злые языки утверждают, что это вполне могла быть госпожа Нарышкина-Дюма.

Так и осталось нераскрытым это темное давнишнее дело и участие в убийстве Луизы-Симон де Манш драматурга Сухово-Кобылина... □



Бант из марли

Агата очень любила книги. Очень-очень! С самого детства! Многие она до сих пор помнила во всех подробностях, причем не только их содержание, но и как они выглядели. Помнила их обложки, иллюстрации, если они в них были, даже качество бумажных страниц тех книг она помнила, хотя все эти сокровища давно уже оставлены в родительском доме, который находился в нескольких часах езды от города, где жила теперь Агата с пятилетней дочкой Варенькой. Сейчас, в век цифровых технологий, когда большинство любителей почитать предпочитают электронные книги, а то и вовсе удобные аудио-версии, Агата все равно оставалась верна печатным изданиям. Она даже собрала собственную небольшую библиотеку, не обращая внимания на то, что настоящие книги теперь стали довольно дорогими. Хотя, почему — теперь? Хорошие книги, да еще и качественно изданные, во все времена были и будут недешевы, и это, по мнению Агаты, было вполне справедливо. Настоящее должно оцениваться по достоинству.

Сегодня на календаре двадцать девятое декабря. Обычно Агата не особо зацикливалась на цифрах, но эта дата ей запомнилась. Передвигая утром красную пластиковую рамочку на календаре, которой выделялись числа, она улыбнулась — надо же, как совпало — последний раз

в году выпадает двадцать девятое число, и ровно двадцать девять лет ей исполнилось в этом, уже почти прошедшем, году. Двадцать девять! А в новом году будет тридцать! С ума сойти, как много! А много ли на самом деле?.. Но пофилософствовать Агата не успела, потому как стрелки часов невозмутимо показали ей, что уже восемь, а это означало, что им с Варюшей пора выходить из дома, иначе она опоздает на работу.

Быстро одевшись и проверив, как оделась любившая все делать сама дочка, Агата схватила сумку и по привычке стала нашаривать в кармане ключи от машины, но потом вспомнила, что ее любимое авто вчера закапризничало, и его пришлось сдать в автосервис, так что пару дней до работы предстоит добираться на общественном транспорте. Хорошо хоть детский сад находился прямо во дворе!

Выйдя на остановке из автобуса, Агата поглубже натянула на голову капюшон и поспешила по тротуару. Эти предновогодние дни были на редкость светлыми, солнечными и очень морозными. Вот и теперь, хотя на часах без нескольких минут девять, а в конце декабря в это время еще только-только светает, сегодня небо уже совсем утратило ночную черноту. Однако мороз здорово пощипывал за нос, заставляя ускорить шаг.

Агате предстояло еще немного пройти по прямой, а потом свернуть за угол. А когда она повернула, то увидела придвинутый к стене здания небольшой стол с книгами и стоявшую рядом с ним женщину в длинном пуховике. Едва глаза Агаты разглядели книги, в ней сразу проснулся книголюб. Она остановилась и быстрым взглядом окинула предлагаемый товар.

Это были совершенно разные по тематике и по качеству печатные издания. Несколько любовных романов в мягких обложках, отечественная классика в отличных дорогих переплетах и даже несколько красочных детских книжечек. Это были не новые книги, однако великолепно сохранившиеся. Агата уже собралась продолжить свой путь, как сердце ее вдруг дрогнуло — она заметила в верхнем ряду маленькое издание в темно-синей тканевой обложке с золочеными буквами... Боже, неужели? Две точно такие же книги стоят у нее на полке, но это были первая и третья часть знаменитой трилогии, любимой Агатой с юности. Однако вторую часть найти никак не удавалось, хоть она и перерыла весь Интернет. Это было издание еще прошлого века, но почему-то роман больше ни разу не переиздавался, хотя произведение просто отличное, по нему даже несколько раз снимали фильмы.

Агата взяла в руки книгу и с замиранием сердца перевернула обложку. Да-а-а, это была она, та самая недостающая вторая часть!! У Агаты от радости перехватило дыхание.

— Вы их продаете? — неожиданно охрипшим голосом спросила она у женщины.

— Да, — качнула та головой и, повнимательнее взглянув на Агату, почему-то пояснила: — К дочке уезжаю, очень далеко. Книги перевозить несподручно, да и места им там нет... В ее голосе послышалась легкая грусть, потом на губах появилась мягкая улыбка, и хозяйка книг поспешно добавила: — Я их совсем недорого продаю... Бесплатно бы отдала, но деньги нужны — меня там двое внуков ждут.

— А почему тогда детские продаете? — поинтересовалась Агата.

— Внуку — пятнадцать, внучке — двенадцать, — снова улыбнулась женщина. — Им теперь другие книги подавай, эти же — для маленьких. — Она взглянула на томик, который Агата взяла со столика. — Вот вы книгу выбрали, а я ей вообще цену не назначала, она не моя. Сколько помню, книга всегда была в нашем доме. Но откуда взялась и почему только середина трилогии — ума не приложу. — Она бросила взгляд на Агату и слегка пожала плечами: — Станный у вас выбор.

И тогда Агата рассказала, что очень любит этот роман, что у нее как раз и есть те самые первая и третья часть, но вторую никак найти не удавалось. А тут такое совпадение — мало того, что именно второй том, так еще и издание совпадает точь-в-точь! Да так просто не бывает!

Удивленная словами Агаты женщина с радостью отдала ей книгу и категорически отказалась взять за нее деньги, как покупательница не уговаривала ее. И только после шуточного возмущения покупательницы, что из-за этих уговоров она сейчас опоздает на работу, взяла из ее рук пару купюр. Расставались они почти друзьями. Агата поздравила владелицу книг с наступающим Новым годом, а также пожелала ей легкой дороги и удачного устройства на новом месте. Женщина в долгу не осталась, от всего сердца пожелала ей всего самого наилучшего и добавила:

— Скоро ведь Новый год, а я так люблю этот праздник! Мне уже немало лет, но все равно почему-то именно в эти дни очень хочется верить в чудеса. Я, конечно, не волшебница, но пусть эта книга принесет вам счастье!

— Спасибо! — просияла Агата и помчалась на работу.

Вечером, рассказав Варюше обязательную сказку на ночь, Агата поцеловала дочь и вспомнила про свое утреннее приобретение. Достав заветный томик из сумки, она поставила его на полку, между первой и третьей книгами. Присмотрелась. Да, по корешкам отличия почти не было, но если взять книги в руки, то становилось заметно, что у приобретенного

тома жизнь была более спокойная. Это и неудивительно — Агата не раз и не два перечитывала первую и третью части...

Варюша сначала старательно делала вид, что спит, но ресницы ее подрагивали — девчушка наблюдала за матерью. Заметив, что та держит в руках книгу, не выдержала и поинтересовалась:

— А что это за книжка, мам? Она новая?

— Да нет, не совсем, — ответила Агата и рассказала дочери об утренней встрече.

Страницы томика, оттого, что его никто давно не открывал, были плотно спрессованы. «Разбудив» их, Агата с удовольствием вдохнула запах бумажной книги. «На новогодних каникулах нужно будет непременно перечитать!» — успела подумать она, как вдруг в веере быстро перелистываемых страниц заметила какой-то бумажный прямоугольник. Взяв его в руки, Агата увидела черно-белую фотографию.

— Мам, а что это? — Варя уже выбралась из-под одеяла и вытягивала шею, как гусенок.

Агата и сама пока не знала, что именно нашла в книге. Снимок был старый, уже не очень четкий от времени... Небольшая елочка, наряженная явно в честь Нового года, рядом стоит молодой мужчина в военной форме. Агата не разбиралась в званиях, однако, будучи весьма начитанной, без труда определила, что фотография сделана в сороковых годах прошлого века — знаки различия у военного были на петлицах, а не на погонах — погоны в нашей армии появились уже во второй половине Великой Отечественной войны, где-то в году сорок третьем. Военный был очень симпатичный, к тому же так искренне улыбался, что казалось, будто сама фотография пропитана теплом и радостью. Агата перевернула ее и, прочитав сделанную красивыми крупными буквами надпись, убедилась в своих предположениях: «Моей любимой Марусеньке на добрую память. Желаю в Новом 1943 году Победы!» И внизу приписка помельче: «Навеки твой, Михаил. Село Дивный Бережок».

Она бережно держала старый снимок в руках и с интересом вглядывалась в него. Да, небольшая елка наряжена просто — несколько бумажных гирлянд, большой белый бант из марли и два яблока. Но, несмотря на скудность убранства, ее макушку украшала пятиконечная звезда, вырезанная из бумаги.

— Мам, а там тоже Новый год, да? — Варенька из-за материнского плеча с любопытством разглядывала старое фото. — Елочка наряженная...

— Да, Варюш. И мы с тобой завтра свою нарядим. У меня на работе короткий день, так что мы придем домой пораньше и все сделаем.

— Ага, мам, — легко согласилась дочь и тут же заинтересовалась: — А кто этот дядя? Он солдат?

— Нет, Варя, он офицер. Это очень старая фотография. Помнишь, я тебе рассказывала про войну?

— Помню, — кивнула девчушка.

— Так вот в то время этого офицера и сфотографировали.

— Понятно... А где он сейчас?

— Не знаю.

— А почему он отрезанный?

— Он не отрезанный, это фотография обрезана, — поправила дочь Агата.

— А почему? — не унималась девочка.

Приглядевшись к снимку, Агата догадалась, что рядом с мужчиной еще кто-то стоит, так как просматривалась светлая полоска. Снимок просто разрезали на две части, но не обрезали военного по контуру, потому так и получилось. «Возможно, это женщина. Она в чем-то белом — в платье или, может быть, в медицинском халате», — подумалось Агате. Но кто они? Почему снимок обрезан, и как он вообще оказался здесь, ведь книга издана спустя много лет с момента рождения этого фото? И какое же красивое название села — Дивный, да еще и — Бережок, а не просто Берег.

Агата сказала дочке, что эта часть фотографии, видимо, была подарена молодым военным на память своей любимой девушке.

— А она, что, потеряла ее? — спросила Варя.

На этот вопрос у Агаты ответа не было.

Уже засыпая, дочка вдруг пробормотала:

— Если потеряла, то, наверное, очень плакала...

Мысли закрутились-завертелились в голове Агаты сами собой. На всякий случай она еще раз внимательно просмотрела всю книгу, но больше ничего в ней не нашла. Тогда она обратилась к Интернету. Каково же было ее удивление, когда село с таким названием нашлось всего в часе езды от их города. И во время войны в нем, оказывается, размещался госпиталь. Неужели в этом что-то есть? Засыпая, Агата решила — машину ей к обеду обещали сделать, а завтра — короткий день, так почему бы не съездить, не посмотреть все на месте? Как знать, может, права Варюша, и этот снимок по-прежнему кому-то очень дорог? А если он просто случайно затерялся? Ведь он может оказаться настоящей семейной реликвией...

Утром Агата с Варей снова заговорили о найденной фотографии. Может, все-таки стоит попытаться отыскать хоть какие-то следы ее хозя-

ев? Посовещались и решили, что стоит. «Ты пообедаешь в садике, и я тебя сразу заберу. Машину мне обещали часам к двенадцати сделать. Съездим в это село, посмотрим, а елку можно нарядить и вечером», — сказала Агата дочке. «Ага, мам», — обрадовалась девочка, любившая путешествовать. На том и условились.

День тридцатого декабря выдался очень красивый. Ярко светило солнце, на небе не было ни облачка. Мороз, правда, пощипывал щеки весьма ощутимо, но это не беда — настроение у Агаты все равно было приподнятое. А зачем грустить? Впереди самый красивый, самый волшебный праздник в году, который они с Варюшей собирались встретить вдвоем. А в новогодние каникулы они непременно навестят бабушку и дедушку, и даже проведут у них несколько дней...

До Дивного Бережка оставалось километров десять, которые машине Агаты предстояло преодолеть по широко расчищенной грунтовой дороге. Сегодня даже в городе было как-то по-особенному светло и нарядно, а здесь, в сельской местности, в этой звенящей тишине и на нетронутых просторах вольно раскинувшихся полей вообще было сказочно красиво! Ветки придорожных кустов были сплошь в инее, и казалось, что вся округа на какое-то время погрузилась в сказку.

— Смотри, как красиво, мамочка! — восторженно восклицала дочка, с восхищением глядя по сторонам.

В конце концов Агата не удержалась, остановила машину и вместе с Варенькой вышла из салона. Вдохнув полной грудью свежий морозный воздух, они с замиранием сердца любовались природной красотой, поэтому Агата не сразу заметила, что они на дороге не одни. Вдалеке показалась движущая им навстречу темная точка, которая вскоре приняла очертания... лошади и всадника на ней.

— Ух, ты, мам, настоящий ко-о-онь! — ахнула Варюша. — Ничего себе! Настоящий, мам!!!

— Здравствуйте! — поприветствовал Агату и Варю приятный мужской голос. — У вас что-то случилось?

— Нет. Почему вы так решили?

— Просто вы тут одни и стоите прямо на дороге, — пояснил всадник, останавливая коня.. — Вот я и подумал, не требуется ли помощь?

— Да нет, все нормально, — улыбнулась Агата.

— Просто здесь очень красиво, вот мы с мамой и любуемся. — Варенька точь-в-точь скопировала мамин жест и тоже из-под ладошки смотрела на мужчину.

Конь — роскошный жеребец в коричневых «яблоках» — словно соглашаясь с ней, закачал головой. Он и сам был сейчас великолепным дополнением ко всей этой красоте, и, переступая ногами в белых «носочках», словно пританцовывал.

— Да, деньки стоят нарядные, — похлопал коня по шее мужчина. — Хотя у нас здесь в любую пору красиво. А вы, наверное, городские?

— Мы — да. А вы местный?

— Местный, — кивнул незнакомец. — Может, вам что-то подсказать?

— У вас здесь село такое есть — Дивный Бережок. Мы ведь правильно едем?

— Правильно. — В голосе мужчины послышалось легкое удивление. — Пока прямо, а километра через три увидите развилку направо. Там лесок небольшой, его проедете, и на пригорке село уже будет видно.

— А оно жилое сейчас, зимой?

— Конечно! Хотя странный вопрос — если вы сами туда направляетесь, то ведь явно же к кому-то?

— Да, нам кого-нибудь из старожилков нужно найти. Желательно с хорошей памятью.

Мужчина немного подумал, потом подробно объяснил, как найти дом бабы Кати, Скоркиной Екатерины Семеновны.

— Она там, пожалуй, самая старшая будет. И голова у нее светлая. А если что, то уж она вам точно подскажет, куда или к кому идти дальше.

Агата поблагодарила его, и он вежливо попрощался. Однако, отъехав немного, обернулся и помахал им рукой:

— С наступающим вас, снегурочки-красавицы!

— И вас с наступающим! — Агата и Варенька тоже помахали в ответ, и обе почему-то широко, словно старому знакомому, улыбнулись ему.

Дом Екатерины Семеновны отыскался легко, да и хозяйка оказалась дома. Невысокая пожилая женщина в белом платочке внимательно выслушала Агату, а потом пригласила их с Варей в дом. Присев на табурет, хозяйка нацепила на нос очки и сказала:

— Вот теперь давайте вашу фотокарточку. А то я хоть и не слепая, вдали-то все хорошо вижу, а вот вблизи уже не очень.

Она долго всматривалась в старый снимок, потом перевернула его, несколько раз прочитала надпись на оборотной стороне и произнесла:

— Маленькая я была в ту пору, мало чего помню. Я ведь тридцать шестого года... Вот такая же примерно, как дочка твоя, тогда была, — ласково посмотрела она на притихшую Варюшу и начала рассказывать.

В селе действительно размещался госпиталь. Вот в нем-то по мере сил и трудилась Екатерина Семеновна, тогда еще просто Катюша. Ее мама была санитаркой, и дочка помогала ей, как могла.

— А что вы делали? — с интересом спросила Варя.

— Делала что? — баба Катя с грустью вздохнула. — Водичку раненым носила, чтобы они попить могли, кормила некоторых с ложечки... И выступала вместе с другими ребятами перед ранеными — они пели песни, рассказывали стихи и даже танцевали. Кто постарше — читали газеты, письма от родных, писали под диктовку за тех, кто не мог этого сделать сам.

Вот только не помню я никого, ни лиц, ни имен. Маленькая очень уж была... Хотя праздник новогодний помню. — Она показала на снимок: — Это ведь наша елка. Мы вместе с мамой моей наряжали, звезду вот эту мальчик один, Митя, вырезал и раскрасил. У него карандаши цветные были, он их очень берег. Художником потом стал... — Лицо пожилой женщины осветила улыбка. Она коснулась пальцами снимка: — Тут не видно, но на елке еще несколько конфет висело, их потом сняли и нам, ребятам, каждому по штуке дали. И яблоки на кусочки разделили, тоже каждому досталось... А бант этот моя мама завязывала... Из простой марли он, а мне казался таким красивым... Да, вот так — война кругом грохотала, а люди все равно праздники не забывали, и нас, детишек, чем могли, радовали. Что бы не происходило на земле-матушке, а люди людьми оставались.

— Может, кто-то, как и ваша мама, из местных, в госпитале работал? Девушка или молодая женщина по имени Маруся или Маша? Не помните?

Баба Катя снова задумалась.

— Работала или нет — не помню. А вот учительница у нас тут была, Мария Павловна. Из эвакуированных. Но она недолго здесь прожила, после войны в город уехала, вроде бы к ней муж приехал и забрал. Но этого я точно не знаю, мала еще была, а нас раньше во взрослые дела не посвящали.

Пока это была вся информация, но Агата решила не расстраиваться. По крайней мере, они с Варей пошли верным путем: снимок сделан точно в этом селе, и уже появилась молодая женщина по имени Мария (а значит, она могла быть и Марусей), которая работала в школе. Школьные документы вполне можно отыскать в архиве — вполне возможно, что бумаги сохранились.

Баба Катя немного расстроилась, что ничем не помогла им с Варей в поисках, но, услышав про школьные документы, успокоилась. Напоив неожиданных гостей чаем, она вышла проводить их.

Зимний день короток. И теперь, несмотря на безоблачное небо, было заметно, что скоро легкой прозрачной синевой на землю начнут опускаться сумерки. Кажется, Агата с Варей совсем недолго были в доме Екатерины Семеновны, но тени за это время заметно удлинились, а небесный купол начал менять светло-голубой цвет на более густой, синий. Снег под ногами весело поскрипывал, вкусно пахло морозцем. На душе у Агаты, несмотря на совсем малый результат, стало вдруг радостно, почему-то именно сейчас она почувствовала приближение самого волшебного праздника в году. Тепло распрощавшись с Екатериной Семеновной, Агата и Варюша сели в машину.

— Мы сейчас домой, мам? — спросила Варя.

— Да, — кивнула Агата и тронула машину с места. — А у тебя есть еще какие-то предложения?

— Может, покатаемся немного? Тут так хорошо...

Надо же, и она почувствовала то же самое, уловила настроение мамы...

Агата медленно поехала по улицам села. Их было пять, словно пальцев на ладони, и все они вольно расположились на ровной местности. Расчищенные дороги, ухоженные дома — село явно не было только летним пристанищем для дачников. Хотя оно и понятно, до города было совсем недалеко, потому и жили люди здесь постоянно.

— Мамочка, мамочка! Смотри! Смотри, какая красота! — неожиданно воскликнула Варюша.

За домами одной из улиц Агата увидела еще одно строение. Издалека оно было похоже на большой терем, проехать мимо которого было просто невозможно.

Приметив поворот с дороги, явно ведущий в его сторону, Агата направила машину туда. Рубленый двухэтажный дом перенесся сюда словно из сказки. К нему вела ровная аллея из молодых деревьев. Все было сделано основательно и с любовью. Красавец-дом был так хорош, что Агата с Варей вышли из машины, чтобы как следует его рассмотреть. Полубоившись на терем, они вернулись в салон автомобиля. Книга с вложенной в нее фотографией лежала на пассажирском сиденье. Взяв ее в руки, Агата бережно достала снимок. «Кто же вы, товарищ офицер? Кто такая ваша любимая Маруся? Встретились ли вы после победы? Наряжали вы потом вместе новогодние елки?»

Ответом ей был звук автомобильного сигнала. Подняв взгляд от фотографии, Агата увидела остановившуюся рядом машину.

— Ну что, снегурочки, нашли вы бабу Катю? — водитель опустил стекло, и Агата услышала знакомый голос.

Это был тот самый мужчина, что встретился им верхом на коне, когда они с Варей ехали в село. Теперь она смогла лучше его рассмотреть. Лет тридцати пяти, коротко стриженный, темные глаза смотрят весело.

— Нашли. — Агата тоже открыла окно и улыбнулась: — А вы одного коня на другого сменили?

— Точно! Ну и как, помогла вам баба Катя?

— Немного, — кивнула Агата.

— Вообще-то она здесь у нас старейшая жительница, и память у нее хорошая. Если что из давних времен нужно, так лучше ее никто другой не расскажет.

— Да, она сказала нам, что знала. Теперь я хотя бы представляю, куда нужно обратиться.

— Если не секрет, вы ищете кого-то или по другим вопросам приезжали? — спросил мужчина.

Скрывать Агате было нечего, и она рассказала ему все, как есть. Выслушав ее, незнакомец вышел из машины.

— А можно взглянуть на фотографию?

Агата тоже вышла из салона и протянула ему снимок.

Некоторое время мужчина молча разглядывал его, и что-то подсказывало ей, что это не простое любопытство. Когда он поднял глаза на нее, его лицо стало серьезным и даже удивленным.

— Вы не поверите... Но, кажется, я могу вам помочь.

Теперь уже настала ее очередь удивляться. Чем же он может ей помочь?

Незнакомец обернулся и посмотрел в сторону дома-терема, которым только что любовалась Агата.

— А кто в этом доме живет? — поинтересовалась с заднего сиденья Варя. — Он такой красивый, как из сказки! Мы даже ближе подъехали, чтобы на него посмотреть.

— Спасибо за комплимент, юная леди! — улыбнулся мужчина и приложил руку к сердцу.

И тут Агата запоздало сообразила, что он как раз и едет со стороны дома.

— Так он ваш?!

— Мой.

— Офигеть! — восхищенно воскликнула Варя.

— Это комплимент? — уточнил незнакомец.

— Конечно! — воскликнула Агата. — Такой красавец!

— Спасибо, я старался. Вообще это не просто дом, это семейная база отдыха. Я обычно принимаю одну-две семьи и обеспечиваю им загородный

отдых по полной программе: круглый год — баня, шашлыки; летом — рыбалка, велопрогулки; зимой — лыжи, катание с горки.

— И конь ваш? — Варя вспомнила про каурого красавца.

— И конь мой, — улыбнулся мужчина. — Я с детства лошадьми занимаюсь.

— Офигеть! — снова восхитилась девочка.

Агата тоже с восхищением смотрела на него и качала головой.

— Надо же, вы и сами, как принц из сказки! — покачала головой Агата. — Я думала, что такие люди только в кино бывают.

— Да нет, вот он — я! — шутливо раскланялся мужчина. — Кстати, могу я узнать имена прекрасных незнакомок, а то мы с вами, уже можно сказать, не в первый раз беседуем?

— Конечно! Меня зовут Варя. А мою маму — Агата. — Варино личико просто светилось от радости, было видно, что этот человек ей очень понравился.

— Очень приятно. А я — Роман, — подмигнул он девочке. — Так вот, возвращаюсь к вашей фотографии... Я понимаю, что звучит немного странно, но вы не согласитесь проехать ко мне? Это совсем ненадолго, и вы обе даже можете не выходить из машины, просто хочу вам кое-что показать.

На то, чтобы оказаться в доме, пусть даже и очень красивом, буквально только что познакомившись с его хозяином, Агата, конечно же, была не согласна. Но Роман и не настаивал. Однако любопытство взяло верх, и через несколько минут они уже подъехали к воротам дома. Роман чуть ли не бегом, словно боясь, что его новые знакомые передумают и уедут, не дождавшись его, помчался в дом. А Агата с Варей, выйдя из машины, немного прошлись и осмотрелись. Оказалось, что не только сам дом был красив, но и место для него хозяин выбрал с умом. Чуть дальше начинался спуск к реке, и вообще отсюда открывался потрясающий вид. «Вот уж точно — дивный бережок, лучше и не скажешь! Точно старые люди подметили, когда давали название селу!» — подумала Агата.

Роман вернулся довольно быстро и принес большой старый альбом для фотографий. Перелистнув несколько страниц, он протянул его Агате:

— Вот, смотрите!

Не веря своим глазам, она смотрела на часть черно-белого снимка, закрепленную за уголки в прорезях на плотном картоне. Девушка в светлом платье замерла в небольшом напряжении и вглядывается в объектив, словно ожидая от него какого-то чуда... И чудо действительно про-

изошло, только спустя много-много лет! Это была та самая вторая часть фотографии, что лежала в книге Агаты. Варя сбегала в машину и принесла ее половинку. Сложили обе, и получился полный снимок, с которого на них смотрели темноволосая девушка в светлом платице и молодой военный. А на скромно, но с такой любовью наряженной новогодней елке белел бант из марли...

— Не может быть... — прошептала потрясенная Агата.

— Я и сам, когда увидел вашу половинку, так подумал... — тоже тихо произнес Роман. — Но это ведь правда!

— Правда... — с восторгом выдохнула она. Помолчала немного, словно привыкая к мысли, что это не сон, не видение, а потом добавила: — Вот они и встретились... Интересно, а встретились ли они потом, после победы?

— Да ! — широко улыбнулся Роман. — Конечно же, встретились, поверьте уж мне! Это же мои прабабушка и прадедушка! Кстати, все говорят, что я очень на прабабушку похож. Агата, ну что же вы плачете?!

Она замахала руками и сквозь слезы улыбнулась.

— Ой, это я от радости! Просто никак не ожидала такого, честное слово! Я ведь совершенно случайно увидела книгу на улице, у меня как раз не было этой части трилогии! А ведь я могла пройти мимо! Но как же фотография попала в нее?

— Вот этого я не знаю,— развел руками Роман. — Знаю только, что эта часть снимка всегда была у прадеда, он с этой фотографией своей Маруси всю войну прошел. Это бабушка и дед моей мамы, и уже она мне рассказывала, что они познакомились здесь, в госпитале. Прабабушка была учительницей, а по ночам дежурила, ухаживала за ранеными. Прадед, когда поправился, снова на фронт ушел. А через некоторое время и прабабушка тоже — не смогла без любимого просто так жить... Но ее вскоре тяжело ранило, и она была комиссована. Вот тогда-то и затерялась эта часть снимка, которую Маруся тоже, как и прадед Михаил, взяла с собой на фронт. Потом прабабушка вернулась сюда, а прадед уже после войны приехал и нашел ее. Эта история была в нашей семье всем известна. А несколько лет назад я решил сам сюда съездить. Интересно было посмотреть, откуда история моей семьи началась, да и название красивое поманило. Приехать-то я приехал, посмотрел места, а уехать обратно уже не смог. Дом, вот, построил, решил своим делом заняться. Такая получилась история с продолжением... И когда у меня будут дети, я им ее тоже расскажу.

— А я теперь тоже знаю вашу историю! — подала голос выбравшаяся из машины, но молчавшая до сих пор Варюша. — И мама тоже!

— Но ведь это же неплохо, правда? — спросил Роман у девочки.

— Не-а, — мотнула она головой. — О-о-чень интересно!!!

Роман вдруг пристально взглянул на Агату.

— А, знаете, что — приезжайте в гости! В любое удобное для вас время.

— Нам еще елку надо наряжать, она у нас не наряженная! — сообщила Варя, прижимаясь к материнским ногам.

— Ну вот, видите! А у меня уже наряженная! Большая, до самого потолка! Так что мое предложение очень актуально. Сколько вас — четверо, пятеро? Вот все и приезжайте! И без всякой оплаты!

Агата смутилась, положила руки на плечики дочки. Та почувствовала ее замешательство и вдруг выпалила:

— А нас всего двое! Я и мама!

— Двое?! — расплылся в улыбке Роман. — А разве двое — это не семья? По-моему, самая настоящая семья!

Девочка в ответ утвердительно кивнула, и было видно, что ей очень хочется принять предложение Романа.

— Спасибо, — кивнула Агата, глядя на белоснежный простор, начинавший уже потихоньку менять сверкающую белизну на нежный голубоватый оттенок.

Зимний морозный день начинал неумолимо клониться к вечеру. Завтра праздник — полный веселья, подарков и волшебства. Но сердца Агаты и Романа вдруг одновременно почувствовали, что судьба уже преподнесла им самый главный подарок. И в этот миг, словно в подтверждение этого, на доме-тереме вспыхнули разноцветные гирлянды.

— Я не тороплю вас с ответом, — тихо произнес Роман. — Я понимаю, что это очень неожиданно, ведь мы так мало знакомы... Но и вы, и Варя точно не пожалеете!

Огни гирлянд начали переливаться, словно танцуя и радуясь тому, что все сложилось так удачно и рано ставить точку в этой случившейся под самый Новый год истории. Наверняка у нее будет хорошее продолжение... □

Кажется, ее судьба была предрешена еще до рождения — дочь талантливого артиста и режиссера Ивана Верховых, создавшего в Саратове театр «Академия театральных художеств», всегда была окружена творчеством, искусством и музыкой. Красавица Варвара Верховых — восходящая звездочка на небосклоне олимпа театра и кино, уже известна зрителям по ролям в фильмах и сериалах. Окончив мастерскую В. В. Мирзоева в ГИТИСе,

Варвара Верховых



Варя удивляет различной актерской палитрой сыгранных ролей — это может быть жертва в триллере, а может — дочка А.В. Суворова в исторической драме. Лично мне удалось увидеть Варю в опере и мюзикле в совершенно разных ипостасях, сыгранных блестяще, органично и оригинально.

«Для меня самое важное — найти персонаж в себе, а не играть какой-то образ»



Фото из личного архива

— Варя, сейчас на твоем счету несколько десятков ролей в кино и театре, и с выбранной карьерой актрисы все очевидно и ясно. А кем ты мечтала стать в детстве?

— Я с самого раннего детства понимала, что моя жизнь будет связана с творчеством, да и выбора у меня особо не было. Единственное, я не могла разобраться, что мне нравится больше: танцевать, петь,

рисовать или просто играть? Бале-риной я не стала (огромное спасибо родителям, они отговорили со слезами). Между музыкой и театром было сложнее выбрать, но в результате я поняла — зачем выбирать, если можно попробовать успеть и то, и другое? В наше время вопрос самоопределения стал очень важным — люди так и стремятся получить какой-то штамп в виде профессии или образования. Почему бы нам не взглянуть на эти вопросы пошире? Мне хочется быть не просто актрисой, певицей или учителем, а человеком, который умеет любить, созерцать и стремится к прекрасному. Да, мне проще всего это делать через музыку или актерское искусство, но и останавливаться только на этом я не хочу.

— Твое детство прошло в Саратове, где твой отец создал собственный театр «Академия театральных искусств». Принимала ли ты участие в спектаклях? Что запомнилось из всего?

— До 8-ми лет я жила в Саратове, но достаточно большую часть времени проводила у бабушки и дедушки в Уральском селе Агаповка. Я безумно любила проводить там время, заставляла местных ребят участвовать в моих спектаклях и прочих сумасшедших идеях. А Саратов — мой родной город, там волшебная творческая атмосфера, очень самобытная. К сожалению, сейчас большинство знакомых творческих лю-

дей оттуда уехали, но когда я была маленькая, у нас каждый вечер собирались удивительные люди, которые жили искусством и любовью. И театр моего папы АТХ — главная школа в моей жизни, я безумно горжусь, что, будучи совсем маленькой, выходила на сцену с этими людьми, они меня многому научили. Кстати говоря, он еще «призрачно» существует, папа старается раз в год выпускать спектакли, но сейчас это не просто, потому что половина людей живет в Саратове, а другая в Москве. В последнем таком спектакле мне посчастливилось принимать участие — это был спектакль «Карта Мира» по роману испанского писателя Хуана Майорги, где я пела несколько песен.

— Ты поступила в 2013 году в ГИТИС, на курс оперы к Исаакяну, где, проучившись два года, перешла к другому мастеру — Мирзоеву. Что тебя напугало или удивило во время обучения в стенах прославленного вуза?

— Курс музыкального театра казался мне идеальным выходом — ведь там я могла и петь, и играть, и даже танцевать. У нас были замечательные педагоги по речи, сценическому движению и многим теоретическим предметам. Но не могу сказать, что у нашего курса получилось стать семьей, а это важно для театрального коллектива. А может, у меня просто не получилось стать частью этой семьи. Тут никто не ви-



новат, такое просто бывает — мы все разные, найти своих по духу людей — огромное счастье. Я и сейчас в поиске настоящей творческой семьи. Но, несмотря на прекрасных педагогов по многим предметам — сказать честно, я ждала от этого вуза больше. И знаний, и навыков. Но, может, мне просто следовало больше рваться к этим знаниям.

— Ты окончила оперное отделение ГИТИСа. Твоя любимая опера?

— Сложно выделить какую-то одну. Я особенно схожу с ума по барокко и классицизму. Если плохое настроение — стоит включить любую оперу Моцарта, и все начнет становиться на свои места. Но больше всего я, пожалуй, «заслушала» оперу «Ринальдо» Генделя.

— Кто привил тебе любовь к пению?

— С самого раннего детства я безумно любила петь. У меня была гитара, обычно на ней было не больше трех струн, и уже с трех лет я сочиняла песни и заставляла всех слушать мои «концерты». Есть даже видеозаписи парочки таких «квартирников». Мне почти все говорили, что я совсем не попадаю в ноты (особенно, когда пою не свои произведения), и в результате это начало меня очень сильно задевать. Петь хотелось безумно, родители всеми способами пытались вразумить меня, уговаривали не тратить зря столько времени, но моя вредность не дала мне оставить в покое уши близких. Я сама договаривалась с педагогами, помню, втихаря бегала в соседнюю «музыкалку», чтобы побольше по-

заниматься. В результате начало что-то получаться. Кстати, моя мама прекрасно поет, и слух у нее от природы прекрасный, но со мной она этим даром не поделилась, пришлось учиться самой.

— Расскажи, пожалуйста, о своем кинодебюте.

— В своем первом фильме я играла дочь фельдмаршала Суворова Наталью, и во время съемок поняла, что это именно то, чем я хочу заниматься всю жизнь! Так мне было здорово в этой роли. Я не испытывала никакого волнения и смогла полностью погрузиться в историческую эпоху. Мы обсуждали с режиссером, какой у моей героини характер. Наталья очень любила отца, переживала, когда он куда-нибудь уезжал. Хотя Суворов был строгим и даже где-то деспотичным: дочери почти все запрещалось. Когда я ее играла, у меня был большой внутренний конфликт. Отец ей все запрещает, замуж Наталью выдали не за того, за кого она хотела, очень рано, и при всем этом дочь любила отца всей душой. Не злилась на него, хотя Суворов, например, не пускал ее в





Петербург. Наталью приглашали быть при дворе, но Александр Васильевич не разрешил. Она прожила в глуши почти всю свою жизнь.

— А какие у тебя остались впечатления от фильма-триллера «Синдром», где ты сыграла одну из главных ролей. Там очень атмосферно показан Санкт-Петербург — того и гляди, из-за поворота покажется герой Достоевского...

— Да, большая часть съемок проходила на Васильевском острове. Наш режиссер Слава Руденко не стал выбирать какие-то туристические места, всем известные. Он восхищается архитектурой города, но ему интереснее были локальные питерские закоулки, дворики. Мы как-то с ним гуляли после съемок, Слава внимательно осматривал каждую улочку, каждый закуток и снимал на телефон, чтобы потом как-то использовать в проекте. И хочу сказать, что этих съемок я не забуду никогда. Это к вопросу о творческой семье — там она, можно сказать, случилась. Ребята работали с искренней отдачей, никто не халтурил, и все мы мечтали сделать классное кино. Для многих этот проект был дебютной большой работой, а это всегда придает особенный драйв.

— Твои любимые фильмы и кинорежиссеры? С кем из звезд мирового ки-

нематографа ты бы хотела сотрудничать, если бы представилась такая возможность?

— Я очень люблю кино, сложно выделить конкретных любимых кинорежиссеров. Могу сейчас вспомнить Джима Джармуша, братьев Коэнов, Финчера, Паоло Соррентино, Дэвида Линча... Их еще очень много, разумеется. В свое время на меня произвел большое впечатление фильм «Выживут только любовники». Также в восторге от «Бойцовского клуба», «Большого Лебовски», «Молодости» Соррентино. Классиков тоже не обделяю вниманием, но перечислять не буду, и так все с ними ясно. Хотела бы я встретиться на площадке не столько со звездой, сколько с человеком, с которым мы сможем друг друга понять, найдем, чем поделиться творчески и сможем полностью довериться друг другу. Конечно, есть звезды, у которых я бы очень хотела поучиться и понаблюдать за тем, как они работают. Яркий тому пример — Джон Малкович. Только есть один страх — а вдруг от такой встречи я потеряю самоконтроль и не вынесу никаких знаний, помимо щенячьего восторга.

— Вернемся к твоей семье. Твой отец — режиссер по специальности и актер в театре «Мастерская Петра Фоменко». Как он оценивает твоё творче-

ство? Дает ли какие-нибудь советы, прислушиваешься ли ты к ним?

— Оценка моих родителей всегда была для меня самой страшной и волнительной. Я доверяю их вкусу и чувству прекрасного, а также знаю, что они не будут меня хвалить только потому, что я их дочь. В детстве они меня критиковали достаточно часто, и у меня была цель — убедить их в том, что я все могу и умею. Наверное, я до сих пор стараюсь их удивить и не разочаровать. Папа — мой главный учитель. Я наблюдала, как он работает и что делает. Он не дает четких советов и инструкций, а скорее, направляет тебя туда, куда надо. Он очень тонко чувствует, а еще он может работать только тогда, когда видит полную отдачу и любовь к своему делу, а иначе ему это неинтересно. Возможно, поэтому у него и получилось в свое время создать такой театр, как АТХ.

— Помимо актерской деятельности, ты еще сочиняешь музыку и песни. Откуда черпает вдохновение?

— Да, я пишу песни и недавно, наконец-то, начала ими делиться. Мой музыкальный проект называется VARYA, и на любом музыкальном сервисе можно послушать мою музыку. На данный момент у меня вышло три трека: «Метро»,

«Надо» и «Тень». Впервые я увлеклась сонграйтингом года в четыре — у меня была трехструнная гитара (остальные струны были потеряны), и я устраивала целые авторские концерты, у меня даже сохранились видеозаписи. Сейчас, конечно, у моей гитары гораздо



больше струн, а еще клавиши, флейта, ноутбук и даже арфа, но авторские концерты устраивать стало немного сложнее. А сами песни, естественно, о том, что меня особенно волнует. Иногда они берутся из воздуха, и я не понимаю, как это происходит — вот просто еду в метро, и вдруг в голове появляются какие-то строчки. Очень часто они приходят ко мне во время бессонницы — я ею ужасно страдаю, даже как-то попала из-за нее в больницу. Но зато картинки, мелодии и мысли приходят особенно интересные. А еще я пою в замечательном джаз-бэнде Soda Of Brass, что приносит мне огромное удовольствие. Мы играем и джазовые стандарты, и несправедливо подзабытые ретро-песни, песни из кинофильмов, и даже современные хиты в неожиданной брабботке. Выступаем в разных форматах: в консерватории, на различных фестивалях, поддерживаем музыкой пациентов в больницах, а еще с радостью украшаем праздники и торжества.

— Как ты работаешь над ролью?

— Ох, про это можно очень долго говорить, и это вопрос не на одно интервью. Конечно, я, как и большинство актеров, стараюсь работать по системе Станиславского, и все мы понимаем, что большинство популярных техник

выросли из нее, но иногда очень интересно и поэкспериментировать. Если речь идет о кино, то для меня самое важное — найти персонаж в себе, а не играть какой-то образ. Иногда случаются очень неожиданные находки. Я постоянно учусь чему-то новому с моими героями. Если они представители какой-то профессии, стараюсь хоть немного изучить ее, чтобы лучше понимать персонаж. Вот недавно играла психически больную девушку, пришлось углубиться в психиатрию, много всего прочитать и посмотреть кучу видеointервью пациентов психиатрических лечебниц.

— Ну и последнее, не могу не сказать о том спектакле, в котором, как ты сказала о своих детских перформансах, тоже «всех заставляла участвовать». Одним из них стало мероприятие в центре для детей, больных раком, где ты выступила и режиссером, и актрисой, и даже танцовщицей ирландских танцев. Благотворительность и ты идут рука об руку?

— У меня с детства была мечта — открыть свой маленький детский дом, где бы дети росли в любви и с хорошими педагогами, но это все мечты. Пока что я только раздаю одежду, подкидываю монетки и могу бесплатно сняться в благотворительном проекте. Да, был такой



спектакль, для меня это непростой опыт — веселиться, петь и танцевать для детей. Хочется верить, что они получили хотя бы маленький кусочек радости, могли и петь, и танцевать, и гулять. А я, в свою очередь, очень надеюсь, что в скором будущем буду делать больше хороших дел. □

Беседовала **Дарья Парчинская**



Евгения Гордиенко

РЕФОРМАТОР от балета



Родись наш сегодняшний герой в другое время, он стал бы абсолютной, непререкаемой звездой, возможно, единственным светилом балета своего поколения. Но ему довелось стать частью плеяды, которая сияла в России начала XX века, и оттого, вероятно, блеск его кажется чуть более тусклым — лишь потому, что рядом с ним находились светила не менее, а то и более яркие. Сегодня многие ценители балета хорошо помнят Дягилева, Нижинского, Павлову, и лишь на четвертом, а то и более дальнем месте в этом списке идет имя Михаила Фокина — танцовщика и балетмейстера. Между тем, он привнес в русский балет не меньше, а, возможно, и больше своих великих современников.



Родившийся в купеческой семье Миша Фокин имел минимальные шансы на то, чтобы стать частью балетного искусства. Его отец, купец и ресторатор Михаил Фокин, считал это занятие совершенно недостойным мужчины в принципе и своего сына в частности: «Не хочу, чтобы мой Мимочка был попрыгунчиком», — твердо заявлял он,

надеясь, вероятно, что сын продолжит семейное дело.

Остальная часть семьи — мать, старшие братья и сестра — напротив, считали, что у Миши есть все данные для того, чтобы стать танцовщиком: мальчик был длинноног, грациозен, обладал пластичностью и внимательно смотрел на мир темными, глубокими глазами.

Екатерина Андреевна, мама Миши, отважилась поступить наперекор мужу, и в 1889 году, когда сыну исполнилось 9 лет, отвела его в Петербургское театральное училище. Мальчика приняли, и в дальнейшем он учился мастерству у таких талантов, как Николай Легат, Платон Карсавин и Павел Гердт. Воспитывали юное поколение здесь строго, внимание уделялось лишь профессиональной подготовке, юных учеников регулярно привлекали к большинству постановок Мариинского театра. Репетиции главенствовали в учебной программе, изучению же остальных предметов большого внимания не уделялось.

В училище выяснилось, что помимо танцевальных у Михаила есть еще множество талантов: он мог и играть на музыкальных инструментах, и рисовать. В музее Ленинградского хореографического училища сохранилось несколько живописных работ Фокина, выполненных в реалистической манере. Он принимал участие в различных музыкальных кружках,



даже играл на балалайке в знаменитом в свое время оркестре народных инструментов В. Андреева. Все это, впрочем, не мешало девятилетнему мальчишке становиться организатором всевозможных шалостей, к которым он охотно привлекал своих соучеников.

Впоследствии он вспоминал: «Поступив в школу, я слышал рассказ о том, как издевались старшие над маленькими, как вывешивали вновь принятых за окно на полотенцах. Слышал

я, как старшие заставляли новичков себе повиноваться, служить. Но в мое время уже ничего подобного не было».

Уже на второй год своей учебы Михаил стал участником детских танцев в балете «Спящая красавица», а еще через пару лет танцевал на премьерном показе балета «Щелкунчик». Вскоре он уже исполнил в этом балете главную роль.

По окончании училища в 1898 году Фокин сразу был принят в труппу Мариинского театра, причем на место солиста, «пройдя мимо» привычного для выпускников кордебалета. Это произошло благодаря тому, что преподаватели еще в училище отмечали его успехи. Через несколько лет участия в постановках Михаил превратился в Михаила Михайловича — стал преподавать классы в балетной школе — сначала у маленьких девочек, затем ему доверили и более старшие группы.

Ему все чаще казалось, что он может больше, чем просто танцевать и преподавать. Он видел себя постановщиком, человеком, который может изменить подход к балету, считавшийся тогда классическим. Он написал и подал в дирекцию театра план постановки балета «Дафнис и Хлоя», однако ответа не получил. Самолюбие его было оскорблено, но театр Фокин не покинул, остался в труппе. Он также составил записку, где изложил принципы, которые хотел бы использовать в постановках. Принципы эти были новаторскими:

костюмы в балете должны быть связаны с сюжетом, артистки не могут всегда танцевать в одинаковых пачках; движения в постановке стоит соотносить с ее стилем, не следует использовать только классический танец, пластику можно придумывать; настроение музыкальных композиций должно сочетаться с эмоциональным насыщением балета. Сейчас это кажется очевидным, но тогда дирекция не ответила и на эту записку.

К 1904 году Фокина перевели в разряд первых танцовщиков, где он исполнял сольные партии в балетах «Спящая красавица», «Пахита», «Корсар», «Пробуждение Флоры» и других.

Возможность поставить, наконец, собственный спектакль пришла с другой стороны: он делал выпускную постановку своих учеников — балет «Ацис и Галатея», где смог частично осуществить свои идеи о танце, который должен составлять единое целое с музыкой и живописью. Для того чтобы поставить этот спектакль, Фокин немало времени провел в архивах, изучая историю искусства и танца Древней Греции.

В том же году в жизни Михаила Фокина произошло еще одно знаковое событие: он встретил Веру Антонову, свою бывшую ученицу, которая стала его женой. Скорее как исключение в творческой среде, этот брак оказался счастливым и долговечным, Михаил и Вера прожили вместе всю жизнь, она помогла мужу во всех его начинаниях,

стала для него настоящей опорой.

Для страны, как мы помним, 1905 год был беспокойным, и даже в такой далекой от политики сфере как балет настроения бурлили. Молодежь театра организовала оппозиционную группу и стала требовать от дирекции улучшения условий работы. Михаил Фоккин тоже был в этой группе, и дирекция этого не одобрила:



в театре его оставили с условием — не допускать до руководящей работы в балете.

Однако весной 1906 года все понемногу улеглось, и ему все же удалось поставить школьный спектакль «Сон в летнюю ночь» по комедии Шекспира. На постановку были приглашены критики и художники из объединения

«Мир искусства», которые с интересом и уважением отнеслись к новому слову в балете. Коллективно «миriskусники» решили, что когда-нибудь Фокин станет глашатаем их мировоззрения в балете.

После следующей постановки, акта из еще не поставленного балета Антона Рубинштейна «Виноградная лоза», сделанной в рамках благотворительности, Фокин получил записку с восторженным отзывом от самого Петипа.

Сотрудничество с «Миром искусства» не заставило себя ждать. Возглавлявший его Александр Бенуа предложил Фо-

кину совместно создать новый балет. Со своей стороны он готовил либретто и оформление, композитором стал молодой музыкант-новатор Николай Черепнин. Постановка называлась «Оживленный гобелен» и имела огромный успех.

Следующими совместными работами стали балет «Египетские ночи» на сюжет новеллы Теофиля Готье «Ночь в Египте» и новый вариант «Шопенианы». В этих постановках Фокин искал способ создания танцевально-симфонической сюиты, и, по мнению многих, ему этот способ найти удалось.

Наконец мастерство Фокина как балетмейстера признал и родной для него Мариинский театр.

Дирекция поручила ему постановку «Египетских ночей» и «Шопенианы», а весной там же была показана «Эвника». Именно этот спектакль стал реформой в области сценического балетного костюма — внешность актеров стала более образной и



*Михаил и Вера
Фокины в балете
«Шехерезада»*

менее «балетной». Эти спектакли были оплачены, то есть Михаил Михайлович «официально» получил статус постановщика.

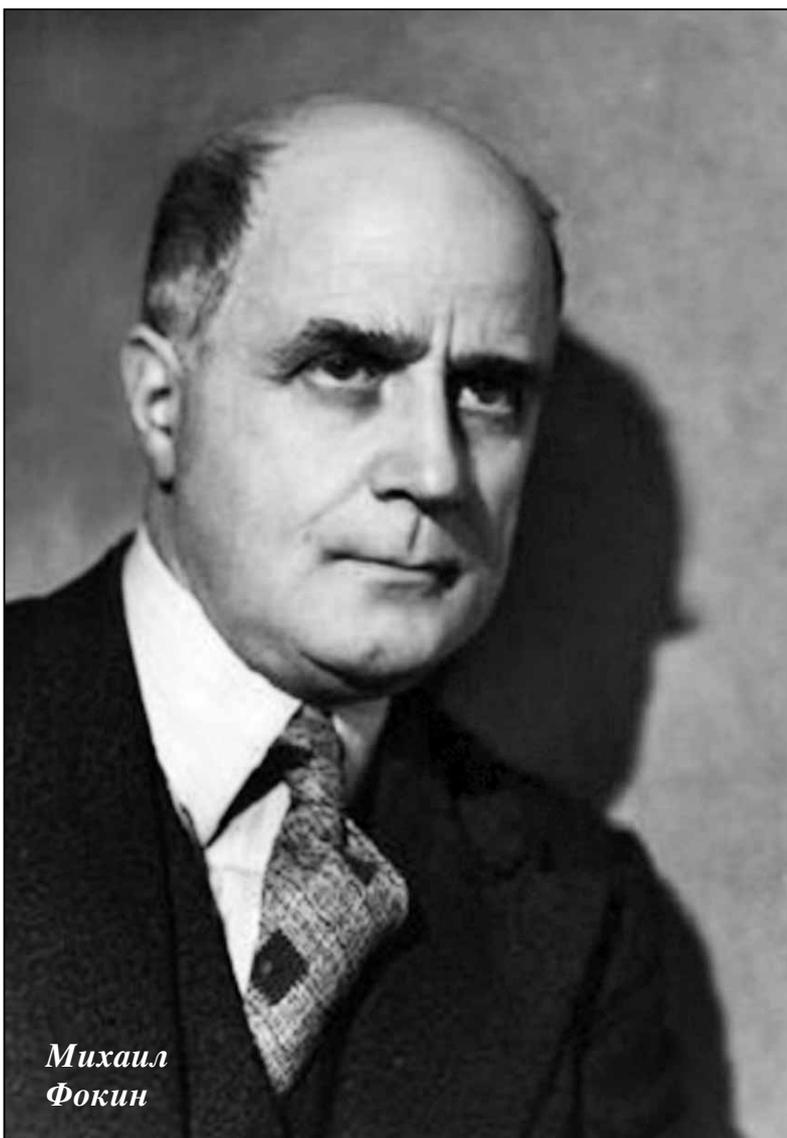
Для балерины Анны Павловой он поставил номер «Умиравший лебедь», который впоследствии стал ее визитной карточкой. Постановка заняла всего одно утро — заболел партнер Павловой, и на вечернее выступление ей срочно нужен был сольный номер, которого у танцовщицы не было.

По воспоминаниям Тамары Карсавиной, Михаил Фокин был очень эмоциональным в работе: «Мы, его последователи, были преданы ему из-за его искренней увлеченности своим делом и требовательности к окружающим, хотя он был чрезмерно раздражительным и порой терял над собой контроль. Сначала это нас выводило из равновесия, но со временем мы привыкли к тому, как он швырял стулья, уходил посреди репетиции или вдруг разражался страстными речами. Во время сцени-



ческих репетиций он усаживался в партере, чтобы оценить эффект своей постановки. Его голос, охрипший от крика, обрушивался на нас словно пулеметная очередь через головы оркестрантов: «Отвратительное исполнение. Небрежно, неряшливо. Я не допущу такого наплевательского отношения!»

В те же годы Сергей Дягилев собирался продемонстрировать русский балет в Париже, организуя знаменитые «Русские сезоны». Именно Фокина Сергей Павлович пригласил в качестве постановщика — на долгих три года.



*Михаил
Фокин*

Дягилев, безусловно, сыграл огромную роль в судьбе Михаила Фокина, хотя отношения между двумя чрезвычайно талантливыми людьми были очень сложными. Фокин признавал талант Дягилева как импресарио, но не терпел, когда тот вмешивался в его творческую часть.

Каждый сезон балетмейстер старался сделать особенным, не похожим на другие. Так, программа первого сезона включала в себя совсем разные истории: «Клеопатра», «Павильон Армиды», «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» и «Шопениану», переименованную в «Сильфиды». Эффект достигался за счет того, что балеты были очень разными.

Для следующего сезона была подготовлена «Шехерезада» на музыку Римского-Корсакова, которая словно продолжала линию пластической драмы «Клеопатры», но показала больше чувственности и эротизма. «Карнавал» на музыку Шумана был призван создать контраст с «Шехерезадой». Центральным же событием сезона стал долгожданный балет на русскую тему — «Жар-птица», в котором использовались фольклорные образы. Сам Фокин во время парижских гастролей исполнял партию Ивана-царевича, не теряя и свое мастерство танцовщика.

Сезон 1911 года был выстроен в импрессионистской манере: новаторские балеты-миниаютюры базировались на подражании пластике растения, создающей образ благоухающего, хрупкого цветка. «Подводное царство» Римского-Корсакова, «Нарцисс» Черепнина, «Призрак розы» Вебера. Парижская публика была в восторге от прежде не виданного балета. Русскую тему

продолжил «Петрушка» на музыку И. Стравинского, который продолжают ставить до сих пор.

В 1912 году Фокин перестал быть единственным балетмейстером «Русских сезонов» Сергея Дягилева. Тот привлек к работе Вацлава Нижинского, блистательного танцовщика. Это обидело Фокина, и он покинул Дягилева, чтобы продолжить работу в Мариинском театре. Но государственная сцена, конечно, отличалась от вольного нрава дягилевской труппы.

Через два года сотрудничество Фокина и Дягилева возобновилось: Фокин поставил три балета — «Легенду об Иосифе» Штрауса, «Мида-са» Штейнберга и оперно-балетную версию «Золотого петушка» Римского-Корсакова. Но прежнего успеха эти постановки не снискали, и сотрудничество двух великих людей на этом закончилось, а Фокин продолжил работать в Мариинском театре до 1918 года.

Революция вынудила Михаила Михайловича покинуть Россию, и хотя он планировал вернуться, сбыться этим планам было не суждено. Прожив некоторое время в Швеции, он перебрался в Америку, где работал в Нью-Йорке и Чикаго. Множество постановок на русскую тематику говорят нам о том, что Михаил Михайлович скучал по родине: «Громова птица» Бородина и «Русские праздники» Римского-Корсакова.

В 1930-е годы Фокин работал в Буэнос-Айресе, в Парижской опе-

ре, в «Балле рюс де Монте-Карло», «Балле рюс де Базиль». Там он возродил свои балеты «Шопениана», «Карнавал», «Видение розы», «Петрушка», «Шехерезада» и поставил несколько новых спектаклей. Тогда же американская балерина Люсия Чейз организовала «Американский балетный театр». Выступления этого коллектива в Нью-Йорке начались со спектаклей Фокина.

До 1933 года (ему было уже 53!) он продолжал выступать и как исполнитель. Еще в 1921 году Фокин при помощи жены открыл балетную студию, в которой работал до самой смерти.

Его «хореографическая реформа», если можно так выразиться, заключалась в том, что он предложил создавать не отдельные танцы, а целостные произведения, в которых гармонично сочетались пластика, музыка и декорации. Вообще за свою жизнь он поставил семьдесят балетов, каждый из которых был оригинален и отличался от предыдущих. Последними его крупными работами стали балеты «Паганини» на музыку Рахманинова и «Русский солдат» Прокофьева.

Сын Михаила Фокина вспоминал: «Перед смертью, придя в сознание и узнав о событиях под Сталинградом, отец спросил: «Ну, как там наши?» И, услышав ответ: «Держатся...», прошептал: «Молодцы!» Это были его последние слова».

Умер Михаил Михайлович Фокин 22 августа 1942 года. □

Игорь Гордин

Полет, которого не было



Имя легендарного летчика Валерия Чкалова известно в нашей стране практически всем. Как и то, что этот невероятно смелый и во многом бесшабашный пилот пролетел как-то чуть ли не на спор под Троицким мостом Ленинграда, за что был строго наказан, но вызвал восхищение у миллионов советских граждан и получил прозвище «воздушный хулиган». Но так ли было на самом деле, и пролетал ли вообще Чкалов под тем мостом?!



Биография Валерия Чкалова (1904–1938) хорошо известна, и нет нужды ее повторять. Он прожил очень короткую, но, вместе с тем, невероятно яркую и насыщенную жизнь. И, вне всякого сомнения, действительно был настоящим героем. Курьезом миллионов советских граждан. Казалось, в его биографии давным-давно уже не должно остаться белых пятен. Однако не будем столь категоричны.

Уже после трагической гибели отважного летчика, на киностудии имени М. Горького в 1941 году был создан историко-биографический фильм «Валерий Чкалов», главную роль в котором сыграл Владимир

Белокуров. Чкалов по-прежнему оставался одним из культовых героев Страны Советов, одним из знаковых символов молодого советского государства. И все, связанное с его жизнью и деятельностью, героизировалось в сознании миллионов советских граждан. Эпизод с пролетом Чкалова под мостом — один из центральных в картине и, вне всякого сомнения, невероятно яркий и зрелищный. Согласно сюжетному ходу киноленты и народной молве, Валерий Чкалов совершил очень рискованный пролет над Невой, под мостом Равенства, на истребителе Fokker D. XI на глазах своей невесты и будущей жены, ленинградской учи-

тельницы Ольги Ореховой. И был за свой из ряда вон выходящий поступок серьезно наказан командиром полка И.П. Антошиным — посажен на гауптвахту. Даты того инцидента приводятся разные: 1924 или даже 1928 год.

Однако это лишь малоправдоподобная версия, на поверку не выдерживающая никакой критики. В Ленинград молодой военный летчик-истребитель Валерий Чкалов прибыл 14 августа 1924 года для дальнейшего прохождения службы в 1-й отдельной эскадрилье истребителей, базировавшейся на комендантском аэродроме. Вряд ли еще совсем молодой летчик, незадолго перед тем выпустившийся из располагавшейся в подмосковном Серпухове Высшей военной авиационной школы воздушной стрельбы и бомбометания, был способен на столь дерзкий и отчаянный шаг как пролет под мостом Равенства. Кстати, летчиком-инструктором у Чкалова в Серпухове был Михаил Михайлович Громов, а другой летчик-инструктор А.И. Жуков из этой же школы дал Чкалову следующую характеристику: «Окончил обучение с аттестацией «очень хорошо». Как летчик и человек очень спокойный. Нарушений дисциплины не наблюдалось...»

Никаких официальных документов о строгом и суровом наказании Чкалова за пролет под мостом Кирова (Равенства), в каком бы году он ни состоялся, нет, и никогда не бы-

ло! Хотя, по идее, они за такой проступок должны были непременно остаться в его персональном летном деле, ведь, согласно народной молве, за свой дерзкий пролет под Кировским мостом в Ленинграде Чкалов загремел на гауптвахту. Но...так мост стал называться лишь в 1934 году, когда Чкалов уже давно служил в Москве. Но народная молва упорно связывала пролет героя именно под мостом Кирова, а не Равенства, как он назывался много ранее.

Кстати, личное дело знаменитого пилота В.П. Чкалова за № 268818 давным-давно рассекречено и сегодня доступно для всестороннего изучения пытливых исследователей. Из имеющихся в его деле документов следует, что в 1928 году краснофлотец В.П. Чкалов служил в «15-й эскадрилье» Брянской авиабригады и в Ленинград ни разу не прилетал. Неофициально совершить такой полет Чкалов, разумеется, тоже не никак не мог. Свадьба у него так вообще состоялась в феврале 1927 года, то есть за год до приписываемого ему народной молвой пролета под мостом Кирова в Ленинграде. А Ольга Эразмовна Чкалова, оставившая ряд книг и воспоминаний о яркой жизни своего легендарного мужа, никогда не упоминала о пролете Чкалова под мостом в Ленинграде. И.П. Антошин, командир 1-й Краснознаменной эскадрильи, тоже ни за какой пролет под мостом Чкалова не наказывал и всегда говорил, что слышал о нем лишь от тре-



тых лиц. Да и разве можно было наказать за несуществующий полет?!

Наконец, самое главное: дерзкий и рискованный пролет в самом центре города под мостом Равенства (Кирова) неизменно должен был остаться в памяти многочисленных свидетелей того происшествия. Однако таких тоже не нашлось ни тогда, в момент самого пролета, ни позже. Нет ни одного упоминания о пролете и в советской прессе тех лет. А вот о пролете в 1940 году летчика Евгения Борисенко во время съемок фильма «Валерий Чкалов» под Кировским мостом с восторгом писали ленинградские газеты.

К началу работы над фильмом в 1940 году, мост Равенства уже давно был переименован в честь С.М. Кирова, чье имя и носил до конца советской эпохи, когда одному из символов нынешней северной столицы было возвращено его историческое название — Троицкий. Именно под этим мостом в фильме «Валерий Чкалов» летал летчик Евгений Борисенко на гидросамолете Ш-2. Вот он-то и выполнил во время съемок фильма в 1940 году рискованный трюк аж целых четыре раза — два в первый съемочный день и два во второй. Смелый и отважный летчик Борисенко сделал все как надо еще с самого первого дубля, но вот только пленка почему-то оказалась испорченной. Кстати, режиссером этого фильма был Михаил Калатозов, единственный советский киносценарист, получивший в будущем «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля.

Благодаря силе искусства, в полном соответствии с указаниями вождя мирового пролетариата о том, что важнейшим из всех его видов является именно кино, легенда стала былью,

ушла в народ и превратилась в до сих пор устойчивую мифологию.

И все же, Валерий Чкалов, с присущим ему стремлением к риску и некоторой бесшабашностью, под мостом пролетал. Правда, не под ленинградским, а в поселке Вялка Новгородской области. Вот как об этом реальном случае вспоминала жена Чкалова, та самая Ольга Эразмовна, ради которой он якобы и пролетел в Ленинграде под мостом Кирова: «Вылетев из Новгорода, он попал в сложные метеорологические условия. Самолет обледенел, лететь пришлось низко, над самым лесом. Под крылом тянулось железнодорожное полотно. Вдали показался поезд. Нужно было совершать вынужденную посадку. Неожиданно впереди мелькнул мост. Выход один — нырнуть под мост и сесть. Чкалов нырнул, но сесть за мостом помешал семафор. Через мгновение они с механиком лежали на земле среди самолетных обломков». Летчики отделились царапинами, однако по факту аварии самолета было заведено уголовное дело. В итоге, экипаж оправдали с формулировкой: «Виноваты метеоусловия».

На самом деле, впервые под мостом Кирова пролетали отважные авиаторы еще в царской России. Впервые совершил этот виртуозный маневр летом 1916 года морской летчик лейтенант Г.А. Фриде на самолете М-5. А осенью того же 1916 года другой морской летчик, лейтенант А.Е.Грузинов, пролетел под

всеми невскими мостами сразу! Об этих экстраординарных событиях захлеб наперебой писали практически все тогдашние газеты Петрограда. Видимо, рассказы консультантов фильма «Валерий Чкалов» о том, как еще в царское время пилоты пролетели под Троицким мостом, и натолкнули режиссера Михаила Калатозова на создание в фильме безусловно одного из самых ярких, зрелищных эпизодов — опасного и рискованного пролета главного героя под мостом ради завоевания сердца любимой женщины.

Рождение и формирование устойчивого мифа о дерзком пролете под мостом легендарного летчика объясняется просто: предвоенному СССР (а в Европе к моменту выхода фильма про Чкалова в 1941 году уже вовсю шла Вторая мировая война) срочно нужны были на экране и в массовом сознании яркие и харизматичные герои — Чкалов с его невероятно яркой биографией и героической гибелью в небе подходил на эту роль идеально. В результате рожденный на съемочной площадке миф о Чкалове-воздушном хулигане после выхода фильма «Валерий Чкалов» на экраны ушел в народ и далее стал жить своей жизнью. До сих пор, между прочим. Сказка, рожденная на съемочной площадке режиссера Калатозова, стала былью. Совсем прямо как в Авиамарше 1923 года «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Именно так в итоге все и вышло. □



В течение своей жизни она носила имена и титулы Маргариты Французской, королевы Наваррской, королевы Франции, графини Ажанской и герцогини де Валуа. Но уже четыре столетия для всего света она — единственная и несравненная королева Марго. Красота, шарм, утонченность и редкий ум этой женщины вскружили немало голов и разбили немало сердец. О ее любвеобильности ходило множество слухов и легенд. Такова была «божественная Марго», супруга великого Генриха IV, сестра трех королей, последняя из династии Валуа.

Она появилась на свет в Сен-Жермен-ан-Лей недалеко от Парижа 4 мая 1553 года. Назвали ее в честь двоюродной бабки Маргариты Наваррской, сестры короля Франциска I. Отец ее, Генрих II из династии Валуа, был сыном достопочтенного Франциска I. Мать, Екатерина Медичи, происходила из одного из самых известных аристократических семейств Италии. У Маргариты было восемь братьев и сестер. Девочке исполнилось шесть лет, когда отец был смертельно ранен на рыцарском турнире в Париже. Отцовский трон занял его старший сын Франсуа — Франциск II. Впрочем, правление его продолжалось немногим более полутора лет. После его безвременной кончины корону Франции наследовал его юный брат Карл. Регентшей при нем стала Екатерина Медичи.

Детство Маргариты проходило в замке Амбуаз. Воспитательницей к ней была приставлена баронесса де Кюртон, женщина образованная и превосходный педагог. Она первая заметила незаурядные способности девочки и в немалой степени способствовала их развитию. Маргарита изучала древние и современные языки, правила стихосложения, обожала верховую езду, увлекалась охотой. К пятнадцати годам она превратилась в обворожительную девушку, красота которой вдохновляла многих, а первый поэт эпохи Ронсар называл ее «новой Авророй, рождающейся вместе с зарей». Тем не менее, у самой Марго не было особых

амбиций. Она росла при матери в атмосфере такой скованности, что не только не осмеливалась заговорить с ней, а сжималась от страха, когда Екатерина обращалась к ней, опасаясь, не допустила ли какую-нибудь оплошность, которая могла разгневать мать. Впрочем, постепенно девушка заслужила уважение матери, проявляя во время бесед с нею незаурядный ум и проницательность. К этому же времени относится ее сближение с братом Генрихом, герцогом Анжуйским. Маргарита восхищалась братом, его многочисленными талантами. Он первым привил ей интерес к политике.

В Париже Марго встретила и страстно влюбилась в двадцатилетнего красавца князя Генриха де Гиза. Он ответил ей взаимностью — честолюбивый лотарингский князь мечтал о браке с сестрой короля. Однако Карл IX и Екатерина Медичи вовсе не горели желанием принять в семью Гиза, а упрямство Маргариты, которая отрицала свою связь с лотарингцем, заставила брата и мать потерять всякое терпение. В королевском кабинете Карл и Екатерина Медичи буквально с кулаками набросились на Марго. Они разорвали на ней одежду, а, возможно, и угощали тумаками. Екатерине потребовался целый час, чтобы скрыть следы этой «воспитательной беседы» и вернуть дочери приличный внешний вид, прежде чем отправить ее к себе.

Чтобы окончательно разлучить Маргариту с де Гизом, было решено



Маргарита в детстве

выдать ее замуж. Однако планам ее брака сначала с наследником испанского престола доном Карлосом, а затем и молодым королем Португалии доном Себастьяном, так и не суждено было осуществиться. И тогда Екатерине Медичи пришла в голову мысль выдать дочь замуж за молодого короля — соседа Генриха Наваррского. Правда, его королевство было, мягко говоря, невелико, но брак этот мог иметь и положительные последствия. Ведь из союза гугенота Генриха и Маргариты могло родиться примирение католиков и протестантов внутри Франции, что было необычайно важно.

Вскоре Генрих встретился со своей невестой. Он помнил ее еще девочкой и был буквально сражен, увидев перед собой обольстительную, элегантную и образованную молодую женщину. Король Наварры, как истый гасконец, не склонен был тушеваться перед дамами, и все-таки испытывал известную робость перед этим, по общему мнению, «неземным созданием». Сама Маргарита отнюдь не была очарована «наваррским мужланом». За день до бракосочетания она, до сих пор испытывавшая непреодолимый страх перед матерью, решительно отказалась идти под венец с нелюбимым человеком. Екатерина Медичи призвала на помощь Карла IX. Объединив усилия, они заставили горько рыдающую Маргариту склониться перед их волей. 18 августа 1572 года в Соборе Парижской Богоматери состоялась церемония венчания. Заплаканная невеста даже не услышала ри-



Отец — Генрих II



Мать — Екатерина Медичи

туального вопроса, с которым в ходе церемонии обратился к ней кардинал Бурбонский. Королю пришлось резко толкнуть сестру, чтобы заставить ее склонить голову в знак согласия...

Свадьба Генриха и Маргариты должна была упрочить мир между католиками и протестантами. Этого, увы, не случилось. Уже через четыре дня на главу протестантской партии адмирала де Колиньи было совершено покушение. Екатерине Медичи, герцогу Анжуйскому и их советникам удалось убедить недалекого, слабовольного короля в том, что адмирал готовит мятеж и гражданскую войну. Первоначальное решение покарать главарей гугенотов довольно быстро трансформирова-

лось в план покарать всех парижских протестантов. В то же время Карл IX никак не мог допустить, чтобы Маргарита стала вдовой через несколько дней после свадьбы. Да и Екатерина Медичи предпочитала держать зятя при себе в качестве политического заложника.

В воскресенье 24 августа все церкви Парижа ударили в набат, а улицы огласились воплями жаждущих крови убийц. Одним из первых был убит адмирал де Колиньи. Наемники нанесли ему удар рогатиной, а потом прикончили кинжалами. Маргариту, спавшую в своей опочивальне, разбудил оглушительный грохот. Из-за дверей, в которые барабанили руками и ногами, доносился крик: «Наварра, Наварра!»



нотов, упросила Карла IX даровать им жизнь.

Между тем, в городе продолжалась вакханалия убийств и насилий. Перед окнами короля навалили огромную гору трупов. Лишь к обеду Карл IX приказал остановить кровопролитие. Что же касается Генриха Наваррского, то он отделался относительно легко: отказаться от религии отцов и принять католичество, как настаивал король, было ему не так уж сложно, поскольку к этому времени религиозные чувства в нем

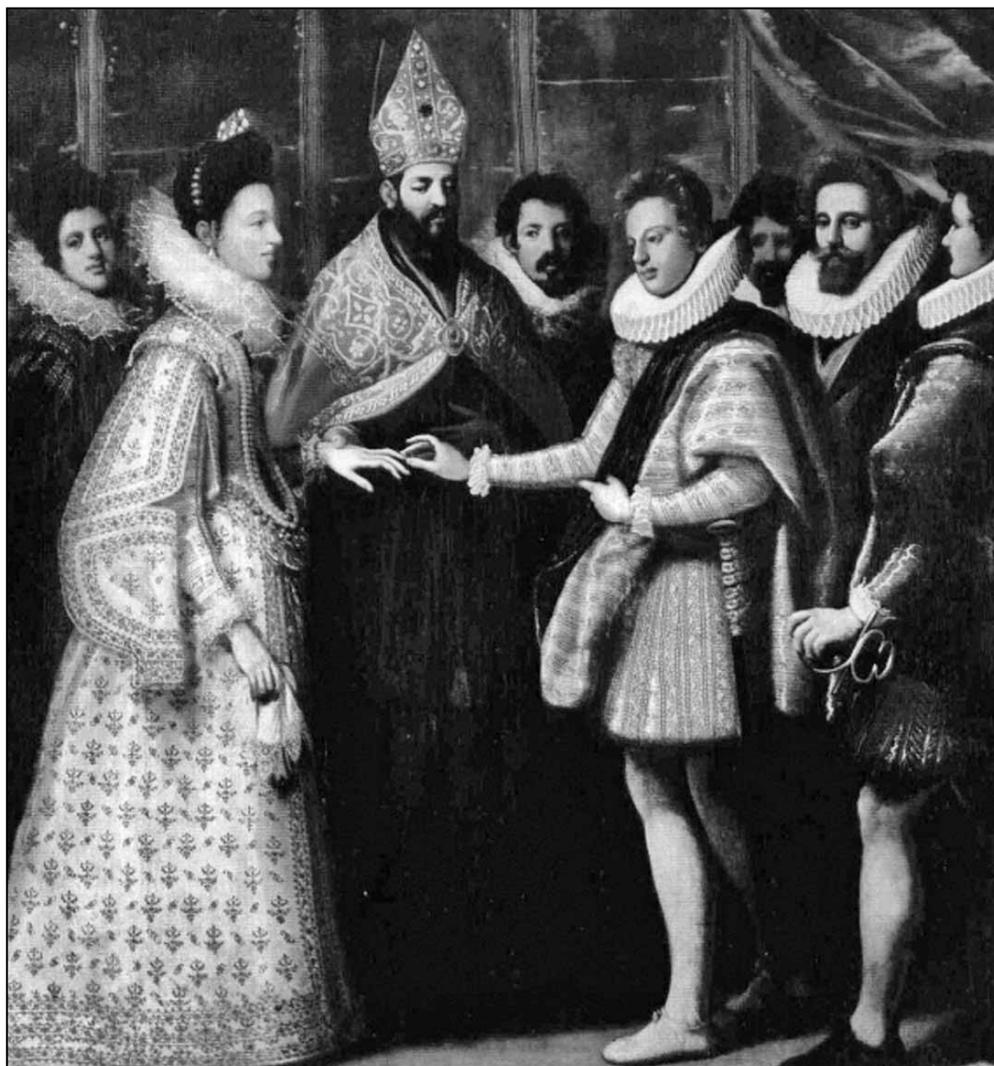
У девочки были незаурядные способности. Маргарита изучала древние и современные языки, правила стихосложения, обожала верховую езду и охоту. К пятнадцати годам она превратилась в очаровательную девушку, красота которой вдохновляла многих, а первый поэт эпохи Ронсар называл ее «новой Авророй, рождающейся вместе с зарей»

Кормилица королевы решила, что вернулся муж Марго, и открыла. В дверях показался окровавленный дворянин, за которым гнались четверо королевских лучников. Дворянин, его звали месье де Леран, обхватил Маргариту за талию, и оба упали на кровать. Появившийся капитан гвардейцев понимающе ухмыльнулся, решив, что королева Наваррская находится в объятиях любовника, и отчитал подчиненных за бестактное поведение. Некоторое время спустя Маргарита, уже в покоях своего брата, герцога Анжуйского, спасла двух дворян — гуге-

почти угасли. В начале октября Генрих направил Папе Григорию XIII послание с просьбой даровать ему прощение и принять в святую католическую веру. Тем не менее, Екатерина Медичи предложила Маргарите развестись с мужем, однако та отказалась. «Это была ваша воля, и я должна остаться с ним», — гордо заявила она. Чем же можно объяснить это решение? Разумеется, дело здесь не в дочернем непослушании и тем более не в страстной любви Марго к мужу, о страсти речи здесь не было. Зато между ними установились отношения, основан-

Слева:

Генрих де Гиз



*Венчание
Маргариты
и Генриха
Наваррского*

ные на взаимной симпатии и уважении. Марго часто приходила на помощь Генриху, давая ему полезные советы. Со своей стороны, он часто баловал супругу щедрыми подарками — роскошными тканями для ее туалетов и драгоценностями. К тому же ему и в голову не приходило вмешиваться в амурные дела супруги.

Весной 1573 года Марго без памяти влюбилась в элегантного офицера из Прованса по имени Гиацинт-Бонифас де Ла Моль. Ему было уже сорок три года — возраст по тем временам не малый. Ла Моль пользовался репутацией непревзойден-

ного волокиты. Список его любовных побед вызывал зависть всех придворных кавалеров. Увы, его связь с супругой наваррского короля длилась не так уж долго — чуть меньше года. Ла Моль, как и любовник герцогини де Невер, итальянец из Пьемонта Аннибал Коконнас, принял участие в заговоре, который возглавили Генрих Наваррский и брат короля, герцог Алансонский. Участники заговора должны были ворваться в Сен-Жерменский замок, в котором находился больной Карл IX, и потребовать для герцога Алансонского должность генерального на-



*Луи де Клермон
Бюсси д'Амбуаз*

местника королевства. Однако планы заговорщиков были сорваны. Генриху Наваррскому и Алансону удалось оправдаться, но менее высокопоставленных участников было решено примерно наказать. После допросов и пыток 30 апреля 1574 года Ла Молю и Коконнасу на Гревской площади отрубили головы. Той же ночью Марго и герцогиня Неверская в карете с наглухо задернутыми кожаными шторками прибыли к месту казни и выкупили у палача головы осужденных. Забальзамированные головы своих возлюбленных женщины сами похоронили в часовне Сен-Мартен на Монмартре. Согласно другой версии, Маргарита и герцогиня похитили не только головы, но и тела любовников. Ну а самая пикантная и маловероятная версия гласила, что экстравагантные дамы распорядились забальзами-

ровать сердца Ла Моля и Коконнаса, уложили их в золотые футлярики и потом носили в мешочках под своими фижмами.

В конце мая 1574 года Карл IX скончался. На престол взошел его брат Генрих, герцог Анжуйский под именем Генриха III, последнего монарха из династии Валуа. А в жизнь Маргариты снова вошла большая любовь. Ее очередного избранника звали Луи де Клермон Бюсси д'Амбуаз, и он был одним из самых обворожительных кавалеров королевского двора. Его могучая стройная фигура приводила в экстаз дам. Он слыл непревзойденным фехтовальщиком и выходил победителем из всех поединков, а его храбрость и дерзость не знали границ. Однажды он один отбил от пяти подосланных к нему убийц — притом, что накануне участвовал в дуэли и был ранен в правую руку, которую носил на перевязи. Это, кстати, был шарф, подаренный ему Марго. В конце концов Генриху III надоели бретерские выходы и безоглядная бравада Бюсси, и он сослал его подальше от Парижа, в Анжу. Марго обожала Бюсси, но достаточно быстро нашла ему замену в лице другого бесшабашного дуэлянта Шарля д'Антрага по прозвищу «красавчик д'Антраг». Но и этот храбрец не так уж долго владел изменчивым сердцем Маргариты.

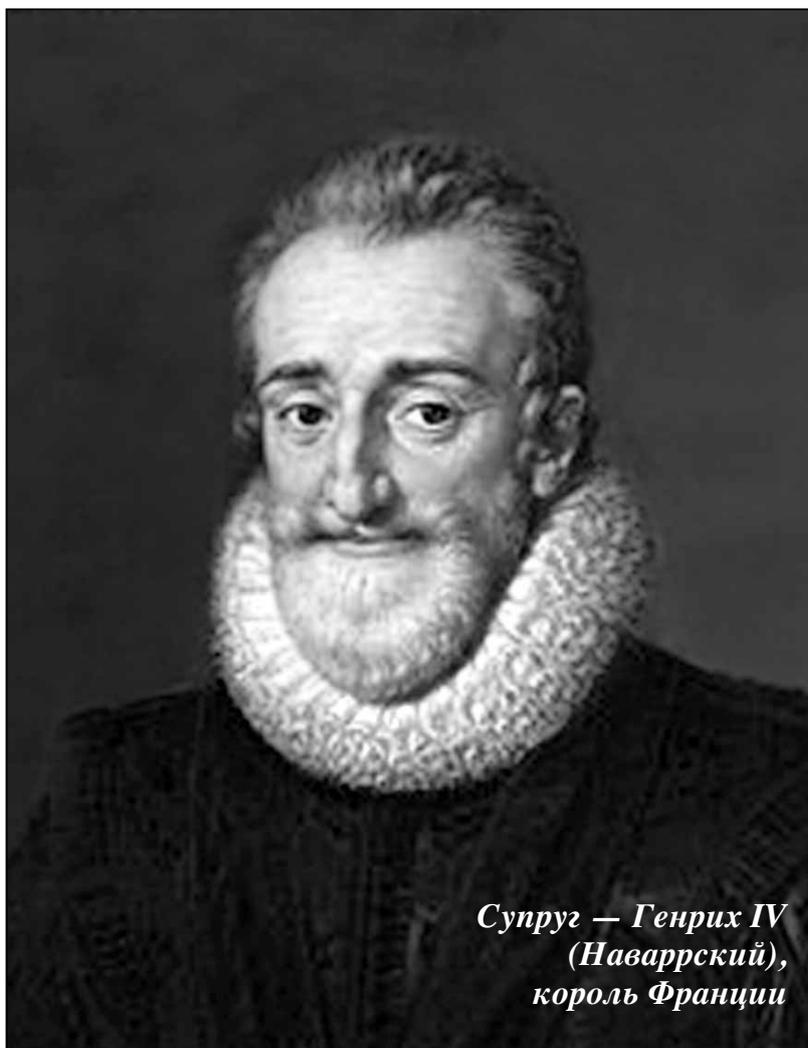
А Генриху Наваррскому удалось бежать из Парижа в свою Наварру, где он вернулся в протестантское вероисповедание, от которого отрекся

в день Святого Варфоломея. Он, как и прежде, «порхал» от одной любовницы к другой, но, по его собственному признанию, Маргариты ему все-таки не хватало, как советчицы и друга.

Она тем временем путешествовала по Фландрии, где поражала тамошних аристократов не только царственной внешностью и изысканным вкусом в выборе туалетов, но и умом, редкой эрудицией и тонким знанием поэзии. Марго безукоризненно владела латынью, читала в подлиннике Гомера и Платона, превосходно знала испанский и итальянский языки. Кроме того, искусно играла на лютне и чарующим голосом пела под ее аккомпанемент.

Вернувшись в Париж, Марго снова встретила Бюсси, который получил разрешение вернуться в столицу. Впрочем, вскоре он снова отбыл в Анжу, где при герцоге Анжуйском занял должность правителя Анжера.

Шло время, и Генрих III после долгих раздумий принял решение



*Супруг — Генрих IV
(Наваррский),
король Франции*

послать Маргариту к мужу. Для ведения переговоров с Генрихом ее должна была сопровождать Екатерина Медичи, которая надеялась склонить наваррца к примирению, а, возможно, и возвращению его в лоно католической церкви.

Генрих встретил жену и тещу в городке Ла Реоль. Его переговоры с Екатериной Медичи длились долго, более полугода, но никаких реальных результатов не принесли.

В начале августа 1579 года Маргарита с мужем прибыла в его резиденцию — крепость Нерак. Там до нее дошла печальная весть о смерти ее бывшего возлюбленного Бюсси. Этот храбрец и покоритель женских сердец, правитель Анжера, отчаянно скучал в своем замке до тех

пор, пока не познакомился с очаровательной супругой главного ловчего короля графиней де Монсоро. Обстоятельства их любовной связи покрыты завесой тайны. Известно лишь, что в руки Генриха III попало письмо Бюсси к его другу, в котором он рассказывал о своей любовной победе. Король недолюбливал Бюсси из-за его независимого, не-

И тут Бюсси доказал, что сердце его и в самом деле не знает страха. Он дрался, как лев. Скоро в руке оказался лишь обломок шпаги, но он продолжал сражаться, пуская в ход стулья, табуреты, скамьи... Увы, врагов было слишком много, и Бюсси нашел свою смерть у окна, из которого собирался выброситься, чтобы спастись. Нужно сказать,

В 1589 году король Генрих III погиб от руки фанатика. Династия Валуа угасла. На трон взошел супруг Марго, Генрих Наваррский, из династии Бурбонов. Теперь он именовался Генрихом IV, а Маргарита, королева Наваррская, номинально стала королевой Франции. Но при этом Генрих понимал, что ему нужен новый брак и законный наследник для упрочнения династии, поэтому начал бракоразводный процесс, о чем позже было объявлено при огромном стечении народа в приходской церкви Лувра. После этого Маргарите, по ее просьбе, был присвоен титул герцогини де Валуа, а Генрих заключил брак с Марией Медичи

уживчивого характера и решил наказать его. Он показал компрометирующее письмо графу де Монсоро и дал ему понять, что не станет вмешиваться, если тот отомстит за нанесенное ему оскорбление. Граф немедленно отправился домой, объявил супруге о том, что знает об ее измене, и приказал ей назначить любовнику свидание вечером следующего дня. Графиня не посмела слушаться, и Бюсси, поспешивший на зов любимой женщины, попал в засад. На него накинулась добрая дюжина вооруженных слуг графа.

что эту сцену блистательно описал Дюма в своем романе «Графиня де Монсоро». По мнению специалистов, ни в одном из своих произведений, даже в многотомной эпопее о мушкетерах, Дюма не дал такого мастерского и подробного (на нескольких страницах) описания рукопашной схватки.

Марго была очень опечалена, получив известие о смерти своего бывшего любовника, но не в ее натуре было долго предаваться скорби. За пару месяцев в Нераке у нее сменилось несколько фаворитов,

*Жан-Оноре
Фрагонар.
«Сцена
в спальне
Маргариты
де Валуа
во время
Варфоломе-
евской ночи»*



пока, наконец, в замке Фуа-Кантала родилась третья, после герцога де Гиза и Бюсси, большая любовь Маргариты. Ее нового возлюбленного звали Жак де Арле де Шамваллон, и он был конюшим герцога Анжуйского. Два месяца гостила она в замке Кадиллак, принадлежавшем герцогу Анжуйскому, и каждый день наслаждалась обществом Шамваллона. Для Марго он был «великим чудом природы». Она исписывала стены домов и стволы деревьев буквами имени своего возлюбленного. Однако вскоре Шамваллон вынуж-

ден был уехать, сопровождая своего герцога, и Маргарита вернулась к мужу в Нерак. На Генриха в очередной раз навалилась «огромная слабость», и она преданно ухаживала за ним. При этом не оставляла надежды родить от него сына и наследника, неоднократно отправляясь на воды в Анкосс, в Баньер, которые, как утверждала молва, обладали целебными свойствами. Увы, своей цели Марго так и не достигла.

Весной 1582 года Маргарита вернулась в Париж, но без супруга,



*Брат — Генрих III,
последний король
династии Валуа*

который не очень-то доверял королю и Екатерине Медичи. Очередная встреча с Генрихом произошла только в апреле 1584 года, однако внутренние связи между ними были уже утеряны. Маргарите исполнилось тридцать два года, и на своем браке она поставила жирный крест. Ответственность за свои обиды и неудачи Марго возлагала на Генриха. Она считала, что их пути окончательно разошлись, и начала готовить мятеж. Вместе со своим двором покинула Нерак и переехала в город Ажан, одно из своих владений. Теперь она именовала себя графиней Ажанской, перестала величать мужа королем, пренебрежительно именуя его просто «князем Беарна», отказалась от титула королевы Наваррской и свои ордо-

нансы подписывала именем Маргариты Французской.

Войско Маргариты численностью около двух тысяч человек провело несколько операций против соседних городов, в которых стояли гарнизоны короля Наваррского. Поначалу перевеса не могла добиться ни одна сторона, но затем солдаты Генриха осадили Ажан и прорвались через ряды его защитников. Потерявшая присутствие духа Маргарита приняла решение спастись бегством. Ее конюший капитан д'Обиак посадил свою госпожу позади себя на круп лошади и, пустив коня галопом, вырвался из города. После шести дней скачек по горам беглецы добрались до города Карлата в Оверне. Там Марго вознаградила своего спасителя, сделав его своим любовником. Правда, чуть позднее она предпочла ему шестнадцатилетнего сына местного аптекаря. Бедняга, однако, прямо на глазах Марго был заколот другим ее воздыхателем, неким Линьером. Д'Обиак снова получил доступ к телу госпожи.

Между тем король Генрих III, которому надоели сумасбродства мятежной сестры, решил захватить ее в плен. В конце октября 1586 года Маргарита была арестована и доставлена в неприступную крепость Юсон в Овернских горах. Здесь ей предстояло провести целых девятнадцать лет. Впрочем, условия ее жизни даже в первые годы вряд ли можно было назвать суровыми. Мар-



го сумела очаровать коменданта крепости, маркиза Канияка, и, в конце концов, тот попал в полную зависимость от своей узницы. Ну а когда весной 1589 года Канияк погиб, сражаясь за дело католической лиги, Марго стала полновластной хозяйкой Юсона.

В августе 1589 года король Генрих III погиб от руки фанатика. Династия Валуа угасла. На трон возшел супруг Марго, Генрих Наваррский из династии Бурбонов. Теперь он именовался Генрихом IV. Маргарита, королева Наваррская, номинально стала королевой Франции. Однако фактически властью она

обладала только в крепости Юсон. Любовь продолжала владеть мыслями королевы, которая уже приближалась к сорокалетнему рубежу. Маргарита дарила свою благосклонность молодым певцам из юсонского хора. Особым ее благоволением пользовался их хормейстер, Клод Франсуа. Под крышей своего замка Марго пережила еще множество любовных историй — жизни без увлечений она просто не представляла. Столь же сильное удовольствие доставляло ей чтение, королева буквально проглатывала произведения Горация, Овидия, Петрарки и Боккаччо.

В июле 1593 года Генрих IV снова перешел в католичество. Это случилось уже в третий раз. Его слова «Париж стоит мессы» вошли в историю. Он, однако, понимал, что для упрочения династии ему нужен новый брак и законный наследник. Но для этого необходимо было сначала развестись с Маргаритой. Та не возражала, но потребовала немалую материальную компенсацию. В декабре 1599 года о расторжении брака короля было торжественно объявлено при большом стечении народа в приходской церкви Лувра. Недели позже Маргарите, по ее просьбе, был присвоен титул герцогини де Валуа, а в начале октября 1600 года Генрих IV заключил брак с племянницей великого герцога Тосканы Марией де Медичи.

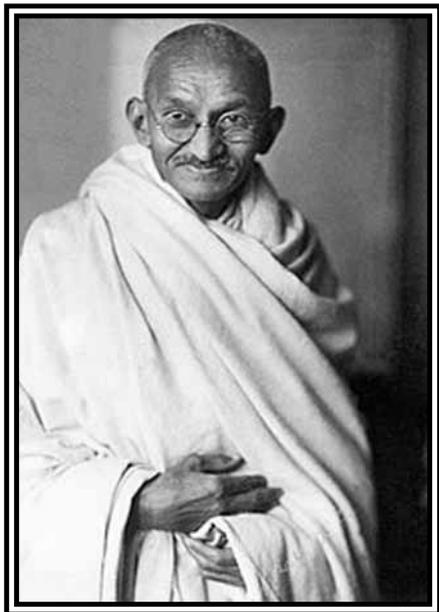
И снова потекли годы... Марго, ставшая герцогиней де Валуа, по-прежнему жила в своем заточении в Юсоне. Однако ее не оставляла надежда на возвращение в столицу. Наконец Генрих сдался на ее неоднократные просьбы и разрешил ей вернуться в Париж, который Марго покинула двадцать три года назад.

Когда король увидел свою бывшую супругу он, должно быть, испытал шок. Вместо «розовоперстой Авроры», богини, слава о которой достигла всех уголков Европы, перед ним предстала, по канонам начала XVIII века, очень немолодая, непомерно полная женщина, единственной отрадой которой в течение многих лет было помимо любви

бражничать, объедаться сладостями, да не в меру много спать.

Марго поселилась в бывшем дворце парижского епископа. В этом великолепном жилище она и жила, как королева: окруженная учеными, музыкантами, поэтами и ... красивыми мужчинами. Вокруг нее, как всегда, кипели страсти. В апреле 1606 года ее возлюбленный Дат де Сен-Жюльен, сидевший рядом с ней в карете, был убит выстрелом из пистолета ее бывшим и отвергнутым любовником де Вермоном. Марго не находила себе места от горя. «Да пусть она утешится, — вскричал король Генрих, узнав о случившемся, — мы найдем ей целую дюжину молодцов, еще и получше этого!»

Смерть короля Генриха в мае 1610 года от руки религиозного фанатика Равайяка глубоко опечалила Марго. Ей суждено было пережить бывшего супруга на четыре с лишним года. Зимой 1614/15 года она простудилась и стала быстро терять силы. А в марте ее духовник предупредил, что конец близок. Марго поблагодарила священника и подарила ему все свое серебро. 27 марта королева Марго скончалась. Ей было шестьдесят два года. С нею ушел в небытие целый мир. Прах ее был погребен в часовне Святых Августинцев. Год спустя останки королевы были перенесены в Сен-Дени, в часовню, которую построила ее мать, Екатерина Медичи. □



Мохандас Карамчанд ГАНДИ

и принципы ненасильственного
сопротивления

Деятельность лидера индийского национально-освободительного движения Мохандаса Карамчанда Ганди (1869-1948) тесно связана с реализацией положений философии ненасилия. В отличие от тех политических лидеров, которые лишь изредка обращались к религии и этическим принципам, провозглашая необходимость изменить существующий строй и опираясь на религиозные верования, Ганди всегда последовательно и бескомпромиссно отстаивал ненасильственные идеи.

Его автобиография «Моя жизнь» неоднократно издавалась в переводе на русский язык, вызывая читательский интерес.

Знаменитый индус родился 2 октября 1869 года в Западной Индии, в Гуджарате, в семье индийского чиновника. С ранних лет он очень много читал, хорошо знал священные тексты индуизма, много раз перечитывал «Бхагаватгиту» — философскую поэму, часть индийского эпоса «Махабхарата», — черпая из нее силы и вдохновение. Ганди получил юридическое образование и переселился в конце XIX века в Южную Африку, где была

большая колония индусов. Там он работал в качестве адвоката.

Сильное влияние на формирование мировоззрения Ганди оказало знакомство с трактатом Л. Толстого «Царство Божие внутри вас», который он прочитал в переводе на английский язык.

Оценки толстовскому наследию Ганди давал неизменно превосходные: «Книга Толстого «Царство Божие внутри вас» захватила меня.

Она оставила неизгладимое впечатление. Перед независимым мышлением, глубокой нравственностью и правдивостью этой книги, казалось, потускнели все другие...»; «я усиленно изучал также произведения Толстого. «Краткое евангелие», «Так что же нам делать?» и другие его книги произвели на меня сильное впечатление. Я все глубже понимал безграничные возможности всеобъемлющей любви». Ганди принимал участие и в переводах некоторых произведений Толстого, в том числе народных рассказов, на английский язык. В 1921 году на вопрос журналиста: «Каковы ваши отношения с графом Толстым?» — Ганди ответил: «Отношения преданного почитателя, который обязан ему во многом в жизни». Иногда Ганди называл Толстого своим гуру, духовным учителем.

Переписывались Толстой и Ганди в 1909–1910 гг. Ганди писал русскому мыслителю по-английски, Толстой отвечал по-русски, а затем его письма переводили на английский язык знакомые или родственники. В первом письме Ганди к Толстому, отправленном из Лондона 1 октября 1909 г., индийский юрист сообщал о пассивном сопротивлении индусов местным властям в Южной Африке, которые устанавливали дискриминационные для индийского населения законы, и о тех преследованиях, которые терпят индусы. Также Ганди просил у Толстого разрешение распространить среди местного населения его «Письмо к ин-

дусу», выпустив несколько строк, где содержалась критика реинкарнации, в которую верили многие индусы. После получения согласия писателя Ганди опубликовал это письмо в издаваемом им журнале в январе 1910 года (это первая публикация «Письма к индусу» на английском языке). В завязавшейся между Толстым и Ганди переписке высветилась духовная близость мыслителей, писатель высказал сочувствие и поддержку пассивно сопротивляющимся индусам, подчеркнув, что «та же борьба мягкого против жестокого, смирения и любви против гордости и насилия с каждым годом все более и более проявляется и у нас, в особенности в одном из самых резких столкновений закона религиозного с законом мирским — в отказах от военной службы. Отказы становятся все чаще и чаще» (ПСС Толстого, т. 80, с. 110–111). В апреле 1910 г., вместе с третьим письмом, Ганди прислал Толстому свою книгу на английском языке «Самоуправление Индии». Книга вызвала большой интерес, яснополянский мыслитель симпатизировал изложенным в ней взглядам, о чем свидетельствуют его дневниковые записи (т. 58, с. 40–41), письма (в том числе и письмо к Ганди от 8 мая 1910 г. — т. 81, с. 248) и высказывания. В письме к Черткову Толстой отмечал, упоминая о Ганди: «очень он близкий нам, мне человек» (т. 89, с. 185–186).

Приятно было Толстому узнать от Ганди о том, что он организовал

в Южной Африке «Толстовскую ферму», на которой жили и работали индийские беженцы (письмо Ганди от 15 августа 1910 года). 6 сентября 1910 года Толстой отметил в дневнике: «Приятное известие из Трансвааля о колонии непротивленцев» (т. 58, с. 100). Последнее письмо Толстого к Ганди, посвященное изложению учения любви и отправленное 7 сентября 1910 г. (т. 82, с. 137-141), индус получил уже после смерти яснополянского мыслителя. Ганди откликнулся на него небольшим письмом к Черткову, в котором благодарил за перевод письма Толстого.

Деятельность Ганди-политика была тесно связана с ненасильственными принципами. Еще в 1901 году он написал «Обращение к общественности Индии», где осветил суть новых подходов в политической борьбе: «Наш метод в Южной Африке заключается в том, чтобы любовью победить ненависть. Во всяком случае, такова наша цель». Соратники индийского адвоката не подчинялись дискриминационным положениям местного законодательства, несмотря на репрессии. Ганди создал неологизм сатьяграха (букв.: упорство в истине) для обозначения данного метода сопротивления. Позже, переехав в Индию, он возглавил национально-освободительное движение индусов у себя на родине.

Ранее индусы пытались вести против англичан вооруженную борьбу. Иногда происходили даже довольно

крупные восстания, например сипайское в 1857–1859 годах. Однако лучше вооруженные англичане почти всегда побеждали отряды восставших. Ганди, возглавив Индийский национальный конгресс, стал делать акцент на ненасильственное сопротивление англичанам, массовые кампании общественного неповиновения. Характерны следующие слова политика: «наше продвижение к поставленной цели прямо пропорционально чистоте наших средств».

Активизация национально-освободительной борьбы индусов происходила в 1919-22 годах и в начале 1930-х.

Программа действий против английских властей была одобрена в 1920 году на сессии Индийского национального конгресса. Она состояла из нескольких пунктов: «1) отказ от почетных титулов и почетных должностей, 2) неучастие в правительственных займах, 3) бойкот правительственного судопроизводства, 4) бойкот государственных учебных заведений, 5) неучастие в правительственных партиях и иных официальных представительствах, 6) уклонение от государственной или военной службы» и др. В 1922 году кампания гражданского неповиновения была прекращена из-за возникавших вспышек насилия.

В марте 1930 года произошло событие, которое вошло впоследствии в учебники истории Индии. Под руководством Ганди начался «соляной поход», целью которого было нару-

шение существовавшей монополии англичан на добычу и продажу в Индии соли. Индийский политик и его сторонники в количестве нескольких десятков тысяч человек двигались по направлению к Аравийскому морю, где намеревались выпарить соль из морской воды. Данное событие имело большой общественный резонанс, оно стало символом ненасильственного сопротивления. После этого деятельность Индийского национального конгресса была запрещена.

Но, несмотря на аресты лидеров движения (сам Ганди часто сидел в тюрьме), попытки силового воздействия на участников массовых акций, репрессивные меры не достигали успеха: движение приобретало массовый характер, популярность Ганди росла. При этом колониальные власти всерьез опасались применять против лидера индусов чересчур жестокие репрессии, которые могли бы вызвать недовольство народных масс и спровоцировать новое восстание.

Любопытна связь религии и политики в мировоззрении Ганди. Как известно, многие политические деятели лишь использовали религию для своих целей. Что касается Ганди-политика, то для него религия всегда стояла на первом месте, он верил в возможность осуществить на практике религиозные принципы: «Конечная цель человека состоит в постижении Бога, и во всей его дея-

тельности — политической, социальной и религиозной — ему надлежит руководствоваться этой целью».

Ганди не раз говорил, что «не создан для академических занятий», что его сфера — действие. Характерен лозунг индийского лидера «действуй или умри», где действие противопоставлялось бездействию, означавшему смерть. При этом нужно признать, что Ганди приветствовал не деятельность ради самой деятельности, а деятельность ради постижения воли Бога; именно этому подчинена его концепция.

Огромное влияние на Ганди оказала западная культура. При этом он никогда не идеализировал ее достижения. Политик обличал все язвы цивилизации и считал, что Индия должна пойти своим путем. Цель политической деятельности — достижение свараджа (самоуправления Индии) — оставалась все время неизменной. Но подходы к достижению цели были разными.

Ганди и его сторонники организовали движение против колониальных товаров, заполонивших индийский рынок и разорявших местных производителей. Любопытно, что Ганди и сам лично внес немалый вклад в поддержку отечественного производства товаров. Одно из увлечений политика — ручное прядение. У Ганди была прялка, за которой он проводил долгие часы работы, так как считал это ремесло обязательным для каждого индуса.



Ганди с прялкой. Фото конца 1920-х годов

Как и Толстой, Ганди подверг критике все институты современного ему общества — суды, карательные органы, всю современную ему капиталистическую инфраструктуру, машинное производство. Будучи сторонником патриархального строя, мирного сосуществования земледельцев и мелких ремесленников, Ганди писал, что «машина — главный символ современной цивилизации; она олицетворение великого греха».

Религиозные взгляды Ганди во многом близки индуистским воззрениям, но в чем-то от них отличаются. Ганди признавал Бога как основу всего, как вечное и неизменное начало, однако Божество в его представлении, в отличие от многих ин-

дуистских богов, лишено человекоподобных черт: «Для меня Бог — истина и любовь; Бог — этика и мораль; Бог — бесстрашие. Бог — источник света и жизни, и все же он выше и вне всего этого <...>, он даже атеизм атеистов <...>, он находится за пределами речи и разума».

Ганди полагал главным устремление к истине, писал о тождественности ненасилия и истины: «я поклоняюсь Богу только как истине. Я еще не нашел его, но ищу. Я готов в этих поисках пожертвовать всем самым дорогим для меня. Я отдам даже жизнь, если это понадобится». Как и Толстой, индус считал, что главное в религии — нравственная основа.

Любопытно, что Ганди-мыслитель не претендовал на абсолютную оригинальность своих взглядов, он воспринимал себя лишь как выразителя вечных по своей сути религиозно-нравственных идеалов: «Я не претендую на то, чтобы создавать какие-то новые принципы и доктрины <...> Истина и ненасилие — такие же древние, как горы».

Как и Лев Толстой, индийский мыслитель был сторонником единства религиозной истины, выраженной мыслителями и философами разных эпох. Вся жизнь, как считал Ганди, заключается в стремлении к истине. Говоря о взаимосвязи истины и политики, он называл себя практическим идеалистом, желающим осуществить в реальной жизни религиозный идеал.

Ганди полагал, что ненасилие (ахимсу) нельзя смешивать с пассивностью, с квиетистским, безразличным взглядом на окружающий мир; наоборот, это действенный, активный метод. Осуществление ненасилия требует большой силы духа, мужества («ненасилие есть вершина храбрости»), готовности переносить страдание (тапасья) во имя торжества всеобщей любви.

Из джайнизма Ганди заимствовал и идею нестяжательства (апариграха), которая также связана с философией ненасилия. Желание приобрести материальные блага предполагает агрессивно-потребительское отношение к миру; у Ганди же, наоборот, преобладает альтруистический взгляд.

Ахимсу Ганди распространял и на животный мир. Индийский политик всю свою жизнь был убежденным вегетарианцем, противником убийства коров, что также характерно для индуистской традиции.

Писал Ганди о необходимости стремиться к нравственному совершенствованию, о воздержании от телесных грехов и контроле за мыслями, словами и поступками.

Конечно, Ганди не был и не мог стать «идеальным» политиком, преодолевшим все недостатки, свойственные представителям этой сферы деятельности. Но он вполне может служить примером для многих, особенно современных, политиков. Так, он вполне приблизился к идеалу нестяжания, от которого нынешние политические деятели, как правило, очень далеки. После смерти Ганди выяснилось, что он не оставил после себя банковских счетов, дорогих автомашин и яхт. Все «наследство» политика состояло из одежды, обуви и предметов домашнего обихода.

Индия стала независимым государством еще при жизни Ганди — в августе 1947 года. После этого возникли индо-мусульманские столкновения, в которых пострадали миллионы людей с обеих сторон. Ганди считал индусов и мусульман братьями, что не могло вызвать одобрения у фанатиков с той и другой стороны. В январе 1948 года в возрасте 78-ми лет Ганди был убит индийским националистом. Но дело, за которое он боролся всю жизнь, победило. □



Эдвард Хоппер.
Автопортрет

Ирина Опимах

«ДВА КОМЕДИАНТА» Эдварда Хоппера



Эдвард Хоппер (1882-1967) оказал огромное влияние на мировое искусство XX века, причем не только на изобразительное, но и на искусство театра, кино. В то время, когда в живописи царствовала беспредметность, он упрямо придерживался реализма, изображая вполне правдиво жизнь, которую видел вокруг. Только вот очень часто на его полотнах нет людей — лишь городской пейзаж, дома, улицы. Иногда люди на его полотнах все-таки появляются, но все они несчастные, глубоко одинокие, разобщенные. Современному человеку, говорит нам художник, не так-то просто найти свое место в жизни, приспособиться к противоречивому, жестокому миру, найти близкого человека, друга, любимого. Однако на его последней картине «Два комедианта», написанной в 1965 году, мы видим сразу двух людей, мужчину и женщину, и они держатся за руки, они вместе! Спектакль закончен, и актеры выходят на сцену под аплодисменты зрителей. Они только что закончили свою работу, они поддерживали друг друга на протяжении всего спектакля, и вот теперь заслуженно принимают овации зала. В лицах актеров современники Хоппера узнали самого художника и его жену Джозефин. Вот так Хоппер попрощался с миром — держа за руку свою жену. Их связывали очень непростые отношения, но он хорошо понимал — без нее он бы не стал тем Хоппером, которого узнал весь мир...

Эдвард Хоппер родился в городке Найяке, недалеко от Нью-Йорка. Его родители, глубоко набожные, да к тому же баптисты, воспитывали детей в строгости и в духе отречения от мирских радостей, что, однако, не помешало им заметить

способности сына к рисованию. Он сможет иллюстрировать книги, рисовать картинки в журналах, подумали они, а это верный кусок хлеба, и в 1899 году отдали Эдварда в художественную заочную школу — он получал задания по почте, а потом

отсылал выполненную работу. Осенью того же года Эдвард стал студентом Нью-Йоркской школы искусства и дизайна. Тут он попал в класс Роберта Генри, выдающегося американского художника и педагога. Генри был убежден, что искусство призвано «будоражить мир», и его ученики, как могли, старались это делать. Вот и Хоппер мечтал научиться «будоражить мир»... Почуввшись у Генри, он решил отправиться в Париж — ведь всем было известно, что именно там живет настоящее, большое искусство. Родители Эдварда, конечно же знали, что Париж — рассадник разврата, а потому согласились отпустить сына, только если он будет жить в парижской баптисткой миссии. Может, там их мальчика как-то оградят от искушений и соблазнов французской столицы.

В течение четырех лет, с 1906 по 1910 год, Эдвард трижды съездил в Европу (Париж, Лондон, Берлин и Амстердам), страстно полюбил Рембрандта и пропитался импрессионизмом — манеру письма молодого Хоппера было не отличить от манеры французских художников, однако успеха ему это не принесло — в 1913 году ему удалось продать одну картину, «Парусный спорт», за которую он получил 250 долларов, а потом последовали долгие десять лет, когда никто не желал покупать его творения. Вот тут и пригодились навыки иллюстратора — с огромным отвраще-

нием ему пришлось трудиться в рекламных журналах, делать обложки, буклеты, в общем, зарабатывать на жизнь абсолютно коммерческим искусством, которое и искусством-то назвать трудно, скорее, это было ремесло. Но оно приносило деньги.

В то время Хоппер уже почти перестал верить, что когда-нибудь у него получится стать настоящим художником, но тут в его жизни появилась женщина. Ее звали Джозефин Нивисон, и она была очень милой и симпатичной. Вообще-то они были уже знакомы — оба учились у Роберта Генри. Джозефин относилась с огромным уважением к Генри. Она называла его «великим пророком нашего времени», говорила, что он учил своих студентов не только тому, как класть краски на холст — он учил их философии жизни. Генри, видно, любил Джозефин, недаром он даже написал ее портрет в полный рост: вот она на его картине 1906 года, маленькая, с живыми темными глазами, с буйными непослушными волосами, очень обаятельная. Но тогда, в годы учебы, Хоппер не обратил на нее внимания.

А вот теперь, спустя годы, отдыхая и работая летом 1923 года в художественной колонии в Глостере (в таких колониях собирались художники, они общались, создавали свои творения и обсуждали их), он снова встретился с Джозефин Нивисон. Они были очень раз-

*«На
волнах
прибоя»*



ные: он — высокий, почти два метра, худощавый, угловатый, а она — худенькая, маленькая, чуть больше полутора метров, быстрая, ловкая. К этому времени Джозефин успела не только позаниматься живописью в школе Генри, но еще и поработать учительницей в школе для больных детишек, и немножечко — в театре. К тому времени Хопперу было 41, а ей — 40, некий жизненный опыт у них уже имелся. Поняв, что их многое объединяет — любовь к поэзии (они оба обожали Верлена и Верхарна и вместе вспоминали их строки), любовь к искусству, готовность посвятить живописи жизнь, а еще уйти от своего одиночества, они уже через год сочетались законным браком.

Встреча с Джо стала поворотным событием в жизни Хоппера. Дело в том, что в 1923 году Джозефин Нивисон уже была вполне состоявшейся художницей. Она часто и с успехом участвовала в самых разных выставках — ее картины можно было увидеть во многих нью-йоркских галереях рядом с работами таких признанных мастеров, как Пикассо, Модильяни, Ван Донген и Ман Рей. Перед поездкой в Глостер Бруклинский музей предложил Джо показать свои акварели на очередной выставке, в которой должны были принять участие Джорджия О'Киф и Джон Сингер Сарджент! О ней уже писали критики, и ее карьера в искусстве активно шла вверх. Между тем Хоппер медленно, но верно погружал-



*«Утро
на Кейп-Код»*

Справа:
«Полуночники»

ся в депрессию — никто не хотел покупать его картины, никто в него не верил, даже он сам уже не верил в свое будущее как художника. А Джозефин, увидев его работы, в него поверила! Она почувствовала, что перед ней — человек необыкновенно талантливый, надо только ему помочь, и уговорила кураторов Бруклинского музея взять на выставку шесть работ Хоппера. Именно с той выставки и начался путь Хоппера вверх, путь к признанию. Его, наконец, заметили! Одна из работ, «Крыши мансард», привела в восторг критиков и была куплена музеем за 100 долларов. (Кстати, спустя годы он благополучно забыл о роли Джо в его успехе.)

Постепенно Хоппер избавился от влияния французского искусства. В его творчестве появились чисто американские сюжеты — побережье Новой Англии, город, улицы, многоквартирные дома, витрины аптек, офисы, заправки. Ему удавалось передать, как писал известный советский искусствовед А.Д. Чегодаев, «душу города, его дисгармоничный, нередко нелепый и хаотичный облик». Эти картины пришлись по душе его соотечественникам — простые американцы, жители маленьких провинциальных городов и бедных районов больших мегаполисов видели на его полотнах мир, в котором они живут.



Вскоре Хоппер полностью бросил работу в коммерческих изданиях — теперь у него появились деньги, и он мог спокойно делать в искусстве то, что хотел. В 1927 году он продал картину «Двое в проходе» за 1500 долларов и, совершенно счастливый, купил на эти деньги свою первую машину — «бьюик».

В 1930-е годы его работы, живопись, акварели, графика, офорты стоили уже тысячи долларов, и их приобретали для своих собраний такие известные музеи, как Метрополитен и Музей американского искусства, который даже организовал его первую ретроспективную выставку. Это был большой, настоящий успех.

Из Джозефин получилась хорошая жена. Решив однажды для себя, что он гений, а она — посредственность, Джо полностью посвятила свою жизнь Эдварду, его творчеству, его делам. Она писала в своем дневнике: «Если может быть место только для одного из нас, то это, несомненно, должен быть он. А я могу быть рада и благодарна за это». Джо не только взяла на себя все бытовые и финансовые заботы, общение с журналистами, кураторами выставок и критиками, но еще и позировала ему. Она оказалась неплохой актрисой (вспомнила, как в юные годы играла в театре) и умело изображала героинь его картин, персонажей сюжетов, которые они вместе придумы-



*«Комната
в отеле»*

Справа:
*«Крыша
мансарды»*

вали. Однако, по мнению Эдварда, у нее были серьезные недостатки: она не очень стремилась готовить и без энтузиазма занималась домашним хозяйством, а ее строгому супругу хотелось бы еще, чтобы она наводила порядок в доме, варила супы и пекла пироги. Они были очень разные: Джо любила людей, любила общение, а Хоппер же был молчалив и самодостаточен. Ему никто не был нужен, люди его интересовали мало. Ей приходилось общаться со своими друзьями так, чтобы не нарушать его уединение. По сути, он лишил ее привычного окружения, а его общение с Джо было очень скупым. «Иногда разго-

варивать с ним — все равно, что бросать камни в колодец, разница только в том, что с Эдди даже всплесков не слышно», — говорила она. Больше всего конфликтов вызывали все более редкие попытки Джо взять в руки краски и кисть. Глядя на творения жены, Эдвард всегда отпускал издевательские реплики и недобро подсмеивался. Он с удовольствием рисовал злые карикатуры на нее, оставляя их в самых видных местах — чтобы она обязательно их увидела. Конечно, Джо не была выдающейся художницей, но это не давало ему право унижать ее в присутствии их друзей и знакомых, что он делал часто



и с удовольствием. Все это привело к тому, что Джо, начинавшая как художница совсем неплохо, совсем забросила живопись.

И вообще супружескую жизнь Хопперов назвать спокойной было бы совсем неправильно. Иногда Джо восставала против тирании Эдварда, и когда оскорбления были уж чересчур болезненны, набрасывалась на него с кулаками, кусалась, царапалась, а он отвечал ей довольно сильными тумаками — ему было легче драться, ведь он был большой, высокий, и руки у него были длинные. Порой она переставала с ним разговаривать, а он воспринимал это как подарок судь-

бы. Очень часто они ссорились из-за машины. Джо любила водить автомобиль, но, видно, делала это отнюдь не блестяще, и Эдвард запрещал ей садиться за руль. Она же говорила, что в этом выражается его всегдашний эгоизм. Однажды посетители ресторана в Кейп-Коде с удовольствием наблюдали, как Хоппер тащил свою жену за ноги из автомобиля, а та упрямо, с дикими воплями цеплялась за руль. Сцена была еще та!

Но даже после самых сильных ссор они всегда мирились. У супругов Хопперов хватало любви, чтобы относиться с юмором к этим своим «боям местного значения» — на

25-ю годовщину свадьбы Джо заметила, что они оба заслужили собственный «Круа-де-герр» — орден за боевые заслуги. Эдвард понял шутку правильно и придумал герб Хопперов — в форме креста из скалки и половника.

Постепенно их существование приобрело некую стабильность. Они жили в маленькой квартирке, в доме номер 3 на Вашингтон-сквер, в Гринвич-Виллидж. Зимы проводили в Нью-Йорке, а летом путешествовали — ездили на юг США или в Мексику, а также любили проводить время и в своем домике на Кейп-Коде.

Вторая мировая война внешне не затронула их жизнь, но внесла горечь и напряжение, которые, конечно же, отразились в творчестве Эдварда. Его картина «Полуночники» 1942 года вся пропитана тревогой, беспокойством, ожиданием чего-то страшного и неотвратимого...

В 1960-е годы у Хоппера начались нелады со здоровьем, болезни буквально отравляли жизнь, ухудшали его и без того тяжелый характер, делали раздражительнее, капризнее, но удивительным образом не мешали работать. А может, работа давала возможность забыть о том, что что-то не так с его телом, что-то там понемногу отказывает...

Эдвард Хоппер умер 16 мая 1967 года в той самой своей любимой маленькой квартирке в Гринвич-Виллидж. Несмотря на то, что жизнь

с ним — более 40 лет! — была трудной, а порой невыносимой, его смерть стала тяжким ударом для Джо. «У меня отрезали половину тела, бросив истекать кровью», — говорила она и смогла прожить без Эдварда недолго, меньше десяти месяцев — Джо умерла 6 марта 1968 года.

Когда-то она написала в своем дневнике: «Эд — центр моей вселенной. Какое счастье, что мы есть друг у друга. Мне будет позволено уйти, только когда не станет его». Барбара Новак говорила: «Мы не знаем, от чего она умерла, но я думаю, что она умерла от его отсутствия. И он бы умер от ее отсутствия. Это было самое настоящее «помешательство вдвоем».

Джо завещала все картины, которые хранились у них в доме, — свои и мужа — Музею американского искусства Уитни. Музей принял работы Хоппера, но отверг картины Джо. Отверг, как не заслуживавшие храниться в музее. (Позже, уже в начале 2010-х годов, ее картины все-таки были показаны на нескольких выставках). Но как бы сложилась ее судьба в искусстве, если бы Хоппер хоть чуть-чуть ее поддерживал, чуть-чуть направлял? Можно только гадать...

В 1966 году Хоппер написал свою последнюю большую картину — «Два комедианта». Финал спектакля, два актера дель-арте вышли на поклон. В тот год Хопперы оба очень болели, наверное, поэтому за



«Два
комедианта»

их спинами — темный, тяжелый фон, он словно несет боль и смерть. Артисты прощаются с публикой, вот-вот они, повернувшись спиной к зрителям, исчезнут в этом мраке, исчезнут навсегда... Высокий мужчина в белом костюме (в нем все критики увидели самого Хоппера) благодарит зрителей за аплодисменты, а маленькая актриса, которую мужчина держит за руку (конечно же, это Джо), указывает на него, как бы говоря: вот кто у нас тут главный. Он всегда был главным в их паре, но в жизни они были вместе. Вот и теперь они вместе — взявшись за руки, вышли на последний поклон.

Эта картина Хоппера (сегодня она хранится в частной коллекции) — прощание с жизнью, с искусством, с публикой, которая была к нему многие годы благосклонна, с критиками, которые уже давно записали его в главные художники Америки. А еще это благодарность той, что была для него всегда опорой, верным другом, помощницей, натурщицей. Той, что всегда была рядом, терпела его эгоизм и эгоцентризм, его грубость и злость. Той, что забросила свое собственное творчество ради него. Благодарность и признание в любви главной женщине в его жизни — жене Джозефин. □

ЗИМА ПОЁТ...

Елена Мозжухина

Какая тихая печаль,
Какая странная погода.
О, август! Ярость небосвода,
Калин рубиновая шаль.

Ты напоил меня сполна
Своей отеческой юдолью.
Я, как могла, справлялась с болью,
И это не твоя вина.

Бодрит пронзительная синь,
И свежий воздух ранним утром.
И все мне кажется как будто
Звенит на берегу полынь.

И все мне кажется вернуть
Еще прошедшее возможно,
Но осторожно, осторожно
С низин туманом веет грусть.

И звездная мерцает сталь
До алой зорьки неустанно.
И кажется с рассветом странной
Калин заснеженная шаль.

Так бывает навеки
Рядышком навсегда,
И сливаются реки
В океан без труда.
И сжимаются звезды
До вселенной одной,
Разряжается воздух
Золотою грозой.

Имена обрастают
Вмиг легендой одной,
Из веков проступают
Непростой новизной.
Хороши неизменно
Рядышком навсегда
Константин и Елена —
И огонь, и вода.

Это было, было, было
Всему свету вопреки.
В синей вечер вьюга выла,
Не укрыться от тоски.
Свое сердце не жалела
И твое не берегла.

Я в твоих руках горела,
И тобой одним жила.
Пусть разлука мельтешила
И другая стерегла.
Я любить тебя спешила,
По-другому не могла.

И снег, и месяца горбушка,
Заиндевавшие с утра.
И звезды — тертые полушки
С поблекшим цветом серебра.
Зимы морозной украшенья.
Калины ягоды в снегу
Горят на зорьке утешеньем
И греют сонную тайгу.
И кедры в пышном одеянье,
Березы в куржаке ночном.
И силуэты — сновиденья
Из труб потянутся дымком.
И так тепло, и так приятно
Пить чай у мерзлого окна.
Поленьев слушать треск занятный
И знать, что все ж придет весна.

Москва-река плескалась у причала.
Был вечер тих, и кланялись воде
Деревья низко, сердце же стучало
Мое как полоняночка в ладье.
Ты обнимал меня одной рукою,
В другой — мотоциклетные шлема.
В Коломне Кремль возвысился горою
И воздух лучше пряный, и дома.
И низок Млечный путь, и неказисто
С него свисает месяца ветла.
А мы по трассе мчим — мотоциклисты,
А нам навстречу зорюшка взошла .

Алексей Борычев

ЧАСОВЫЕ ПАМЯТИ

В январской тлеющей золе
Иду по снежным дням устало,
И вижу я в закатной мгле
Всех тех, кого давно не стало.

Сгорает памяти свеча,
Пред ней — они еще живые.
И все стоят, и все молчат,
Времен былых сторожевые...

СКАЗКА О ЗВЕЗДЕ

Холодное небо коснулось Земли
Сырым снегопадом,
А в полночь созвездия тихо зажгли
Цветные лампы.
По снежной пустыне плыла тишина,
Как воздух, густая,
Смотрела задумчиво с неба луна,
Совсем молодая,
На лес и упавшую ночью звезду,
На снежные скалы.
Но долго звезду на подтаявшем льду
Созвездья искали.
В ночи замелькают и дни, и года —
Метелью, порошей;
Исчезнет под ними навеки звезда,
И прошлое — тоже...

ЗИМНЕЕ

По русским просторам лесным
Гуляет седая Печаль.
Я с нею до самой весны
Бреду в календарную даль.

Осины тихонько грустят.
Уснули на солнце дубы.
Снега под ногами хрустят.
Мечтается до воровжбы.

О сонное царство лесов!
О снега сыпучая гладь!
Ничьих не слышать голосов,
Вокруг никого не видать;

Лишь только сверкающий сон,
Слепящий до боли узор.
И с солнцем густым в унисон
Играет блистающий бор.

Остывает, согрето надеждами,
Наше время в объятых зимы,
Возвращая в проклятое «прежнее»
Из «грядущего» наши умы.

Солнце клоуном в небе кривляется,
Утопая в заснеженной мгле,
И глядит, как сердитой красавицей
Разгулялась зима по Земле!

ЗИМНИЕ БЛИКИ

Лучи — как протяжные клики,
Как сердце, молящее страсти. —
Любви отлетевшие блики
На сером бесчувствия насте.
Как холодно вы, неживые,
Ласкаете тихие взоры!
И ваши лучи ножевые
Тоскливо рисуют узоры.
Не может холодная искра
Согреть остывающей тени.
Зимою нет пламени риска,
Печаль. Тоска и смятенье.
Но все же горите, горите
Стальным и немеющим светом
И руки свои протяните
Тому, кто зовется поэтом.
Фантазией быстрой, безумной
В себе зажигает он пламень
От вашей искры неразумной:
Лед топится, плавится камень.

К ИСПОВЕДИ СЕРДЦА

Среди поэтов начала девятнадцатого столетия М.В. Милонов был поэтом заметным.

А.А. Бестужев писал о нем, что он «...поэт сильный в сатирах и чувствительный в элегиях», а известный литературный критик В.Г. Белинский позднее назвал Михаила Васильевича «замечательным сатириком».



Родился Михаил Васильевич 16 марта 1792 года в родовом имении Придонский Ключ, что недалеко от уездного городка Задонска. Отец его, Василий Милонов, коллежский советник, принадлежал к мелкопоместному дворянству. В 1803 году он поместил своего сына в одно из лучших учебных заведений того времени — Московский университетский благородный пансион. Из стен этого заведения вышло немало писателей и поэтов: А.Ф. Мерзляков, А.Ф. Воейков, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич. Одновременно с Милоновым в пансионе обучались «первый декабрист» В.Ф. Раевский

и А.С. Грибоедов. В старших классах пансиона преподавали профессора Московского университета. Преподаватели поощряли литературные опыты своих воспитанников, которые издавали рукописный журнал «Утренняя заря». Михаил Васильевич был одним из первых учеников в пансионе. По окончании этого учебного заведения «при публичных экзаменах» получил две книги, серебряную и золотую медали и одобрительный лист за отличные успехи в науках. Имя Милонова было записано в числе лучших выпускников пансиона золотыми буквами на мраморной доске. В 1805 году он стал

студентом Московского университета, который окончил в 1809 году, получив степень кандидата, и переехал в Санкт-Петербург.

Он уже твердо решил посвятить себя поэзии. Но человеку, материально не обеспеченному, жить только литературным трудом было невозможно. Гонорары были ничтожными, и Михаил Васильевич поступил на службу мелким чиновником в Глав-

земским, А.И. Тургеневым, Н.И. Гнедичем, К.Н. Батюшковым.

В 1812 году Михаил Васильевич совместно с И.М. Фовицким, Д.М. Княжевичем и А.Х. Востоковым стал издавать журнал «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» — «Санкт-Петербургский вестник», где было опубликовано немало его произведений. Появлялись его стихи в журнале «Вестник

Преподаватели пансиона поощряли литературные опыты своих воспитанников, которые издавали рукописный журнал «Утренняя заря», в котором самое активное участие принимал юный Михаил. Он был одним из первых учеников в пансионе и по окончании этого учебного заведения получил серебряную и золотую медали, а также одобрительный лист за отличные успехи в науках

ное правление мануфактур. В письме своему другу по пансиону Н.Ф. Граматину от 15 февраля 1810 года он писал: «Я всякий день в совершенном бездействии сижу между приказной челядью, питаю к ней более и более мою ненависть и теряю самое драгоценное и лучшее в жизни время...»

Тем не менее, в это время он много писал и в 1810 году был принят в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», благодаря которому у него сложились тесные отношения со многими уже известными литераторами. Особенно Михаил сблизился с И.И. Дмитриевым, В.А. Жуковским, П.А. Вя-

Европы» и других литературных изданиях.

Накануне Отечественной войны 1812 года Милонов перешел на службу в Министерство юстиции под начало И.И. Дмитриева. А в разгар войны с Наполеоном Михаил Васильевич предпринял попытку определиться в Московское ополчение, чтобы принять участие в военных действиях, однако по каким-то причинам это намерение не было осуществлено. Зато его стихи о тех грозных событиях наполнены патриотизмом и ненавистью к захватчикам.

Служба в Министерстве юстиции продолжалась, но она тяготила поэ-

та. По его словам, «редкий день проходит, чтоб не было неприятностей, и я час от часу деревенею». И он все чаще и чаще начал искать утешение в вине.

В 1815 году Михаил Васильевич вышел в отставку и последующие три года жил в имении у отца, иногда наезжая в столицу. Часто гостил у своего дяди А. Бехтеева в его имении Дубки Владимирской губернии.

Некто Н. Гольц-Миллер оставил портрет поэта: «Лицо Милонова было умное и чрезвычайно выразительное; он был светлый блондин,

нущая на службу. Сначала определился в департамент духовных дел, а в 1819 году перешел в департамент военного министерства.

Но Михаил Васильевич чувствовал себя уже приговоренным. У него все чаще стали проявляться признаки тяжелого психического расстройства. В 1820 году, будучи в Дубках у дяди, он даже попытался покончить с собой — к счастью, неудачно...

Многое при жизни поэта осталось в рукописях и не сохранилось. В числе незавершенных и несохра-

Многое при жизни поэта осталось в рукописях и не сохранилось. В числе этого — поэма «Сотворение мира», которую друзья Милонова считали лучшим его творением. Особую известность ему принесли его сатиры, в которых он негодовал против социальной несправедливости, обличал вельмож-временщиков и высмеивал негативные стороны и нравы дворянского общества

волоса у него были курчавые и никогда не причесанные; одевался он крайне неряшливо... но в глазах его видна была светлая мысль, а на устах постоянно мелькала грустно-саркастическая улыбка. Когда же на него находили веселые минуты, он говорил увлекательно и с особым воодушевлением».

Испытывая особенно острую нужду — а бедность была постоянным спутником жизни Милонова, — он был вынужден в 1818 году при содействии А.И. Тургенева вновь вер-

нившихся произведений — поэма «Сотворение мира», которую друзья Милонова считали лучшим его творением. Современники высоко ценили гражданскую лирику Михаила Васильевича. Его сатиры продолжали лучшие традиции жанра стихотворной сатиры 18-го века. Милонов негодует против социальной несправедливости, обличает вельмож-временщиков, высмеивает негативные стороны и нравы дворянского общества. Характерной особенностью милоновских сатирических

произведений является создание сатир на «лица». Знаменитую сатиру «К Рубеллию» современники воспринимали как направленную против графа Аракчеева:

*Царя коварный льстец, вельможа
напыщенный,
В сердечной глубине таящий
злобы яд,
Не доблестями души,
пронырством вознесенный...*

Он смело обличал тогдашние пороки российской действительности. Высмеивал «скучный бред» Вздоркина, Балдуса, Бессмыслова, и все эти персонажи имели реальных прототипов: Д.И. Хвостова, П.А. Ширинского-Шихматова и дядю А.С. Пушкина — Василия Львовича. Известен он был и как автор элегий. Среди них «Падение листьев», «На кончину Державина» были особенно популярны в читательской среде. Образ «золотых дней весны моей» из элегии «Падение листьев» Александр Сергеевич Пушкин использовал в предсмертной элегии Ленского.

Конечно, Милонов был далек от революционных устремлений будущих декабристов, но при этом его гражданственность была демократична. Народ для него — главный герой не только в войне, но и в мире. В оде «На истребление Наполеоновых армий в России» он писал:

*Там каждый селянин сразился,
как герой,*

*Ты зрел их: страшна месть к тебе
их приводила,
На лицах их читал решимость,
крепость сил,*

И вид их говорил:

Тебе иль мне могила!..

С большими симпатиями Милонов обратился к крестьянам-труженикам в «Послании к земледельцам»:

*Я ваши петь хочу полезные
труды:*

*В них жизнь сокрыта царств,
их счастье и свобода!*

*Они источники их гордой
красоты,*

И ими самая красуется природа.

Еще при жизни он был оценен современниками. Поэт-декабрист К.Ф. Рылеев отозвался о нем емко и выразительно: «Милонов — бич пороков». П.А. Плетнев замечал: «Кто, читая стихи Милонова, не скажет, что он был истинным поэтом...» П.А. Вяземский писал, что «Милонов имел блестящее начало в жизни своей», и «он рано обратил общее внимание на свои поэтические опыты».

А болезнь между тем не отступала, наоборот, прогрессировала все сильнее. Можно сказать, что разлад с окружающей действительностью, нищета, а также спиртное стали причиной ранней смерти поэта. Поздним вечером 29 октября 1821 года Михаил Васильевич Милонов скончался. Ему было всего 29 лет... □

Денис Логинов

ЧТО В БУДУЩЕМ?



*Сергей Юрьевич
Родионов*



Фото из архива ФК «Спартак» Москва

К сожалению, российский футбол, мягко сказать, нынче переживает не самые лучшие времена. А что будет в недалеком и далеком будущем — этот вопрос волнует не только десятки миллионов болельщиков, но и подавляющее большинство россиян.

В связи с этим есть смысл поговорить с теми, кто сегодня работает на это будущее. И, в первую очередь, с Сергеем Юрьевичем Родионовым* — президентом Академии «Спартак» имени Ф.Ф. Черенкова — московской футбольной детско-юношеской школы высшей категории.

Он родился 3 сентября 1962 года в Москве. Дитя «Спартака» в полном смысле этого слова, один из лучших советских футболистов, отдав-

* Сергей Родионов — нападающий «Спартака» (1978–1990; 1992–1995), выходил на поле в составе спартаковских команд в 384 официальных матчах, в которых забил 153 гола. За эти годы трижды становился чемпионом СССР (1979, 1987, 1989), серебряным (1980, 1981, 1983–1985) и бронзовым (1982, 1986), призером первенства СССР и финалистом Кубка СССР (1981). В 1994 году стал чемпионом и обладателем Кубка СССР. То есть в составе «Спартака» 13 раз поднимался на пьедесталы почета отечественного футбола. В составе сборной СССР (1980–1990) забил 8 голов в 37 матчах. Восемь раз входил в список 33 лучших футболистов СССР, из них 4 раза под №1 (1983, 1984, 1987 и 1989), два раза под №2 (1982 и 1986) и под №3 (1981 и 1985).

ший много лет тренерской работе и карьере функционера, опять же в футбольном клубе «Спартак». Человек, который прошел все ступени эволюционного и революционного развития вместе с родным клубом и сборной страны.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в Интернет и посмотреть хотя бы голы Родионова за сборную СССР. Посмотреть, что творил на поле замечательный нападающий, и еще раз убедиться в том, что были времена, когда наши клубы и наша сборная блистали и на европейском и мировом уровнях.

В «Клубе Григория Федотова» занимает 11 место (162 мяча). В «Клубе 100» лучших отечественных бомбардиров на 5 месте (164 мяча).

По завершении карьеры футболиста в 1996 — 1998 годах тренировал «Спартак-2», а в 2001 — 2003 годах — дублеров. С 26 апреля 2006 года по январь 2011 года — второй тренер основной команды. В 2011–2015 — президент футбольной Академии «Спартак». Со 2 июня 2015 — генеральный директор ФК «Спартак». 18 декабря 2018 года стал спортивным директором. С 6 августа 2019 года работает президентом Академии «Спартак» имени Ф.Ф. Черенкова. Мастер спорта СССР международного класса.

— *Сергей Юрьевич, вы — «коренной спартаковец», причем очень «скороспелый» — в десятилетнем возрасте переступили порог Детско-юношеской спортивной школы «Спартака», в 1978 году оказались в команде «Красная Пресня», в которой играли... несколько дней. И почти мгновенно, осенью того же года, попали в основную команду, а с началом сезона 1979 года уже выходили на замену в чемпионате страны. Вряд ли это было серией случайностей. И как все так «скороспело» случилось?*

— «Красной Пресней» в то время руководил Сергей Сергеевич Сальников — олимпийский чемпион, легенда «Спартака», а начальником

команды был Анатолий Александрович Коршунов. Мы же, ученики ДЮСШ, зачастую наблюдали за их тренировками, поскольку и они, и мы тренировались в одном манеже. И однажды Анатолий Александрович говорит мне: «Красная Пресня» заинтересовалась тобой и приглашает тренироваться с ними».

Через неделю тренировок я сыграл десять минут в единственной игре, выйдя на замену, к сожалению, уже не помню, на каком стадионе и с какой командой. После этой игры в раздевалку зашел Николай Петрович Старостин и спросил у меня: «А ты что здесь делаешь?» Я оторопел. Представьте себе — мне еще не было шестнадцати

лет, а вопрос задает сам Николай Петрович, для всех нас, мальчишек, «Царь и Бог». «Я не знаю, что сказали, то и делаю», — пробормотал я в ответ. Он улыбнулся и, отойдя к Коршунову, несколько минут с ним поговорил, после чего опять подошел ко мне, я еще бутсы не успел снять, и сказал: «Завтра должен быть в Сокольниках, автобус отправляется от метро в 13 часов. Понял?»

Мы-то думали, что про нас никто и ничего за пределами школы не знает, а оказалось, что самый главный руководитель «Спартака» держит все под контролем, в полном смысле этого слова. Так осенью 1978 года я оказался в «Спартаке», а в 1979 году стал уже выходить на замену.

— Но вы ведь отличились еще один раз в подтверждение своей «скороспелости». 27 августа 1980 года, будучи уже игроком сборной СССР, в матче против сборной Венгрии вышли на поле за шесть минут до окончания матча и через минуту умудрились забить гол. Вам не было еще и 18 лет. Пожалуй, единственный человек, который попал в сборную страны, будучи немного моложе вас (на несколько месяцев), — Эдуард Стрельцов. И вряд ли это тоже было случайностью?

— Эта история интересная, и, в первую очередь, с точки зрения воспоминаний о Федоре Федоровиче Черенкове. 1980 год, матч с венграми в Будапеште, мы с Федором си-

дим рядом в резерве, он вслух восхищается игрой венгра Андраша Теречика и вдруг говорит: «Серег, сейчас выходишь на замену, Гаврилов получает мяч, отдает тебе, ты выходишь один на один и подсекаешь». Через несколько минут Константин Иванович Бесков произносит в мой адрес: «Раздевайся!» Я на поле, Юрий Гаврилов получает мяч, я открываюсь, передача мне, я выхожу один на один, а у меня в подсознании слова Федора — «подсекай». Подсекаю и забиваю свой первый мяч за сборную СССР. Мы выиграли 4:1.

— Сейчас, наверное, нет смысла спрашивать вас о том, откуда Федор Черенков знал о вашем выходе на замену, и почему акцентировал внимание на ударе с подсечкой. Спросить у Федора Федоровича уже невозможно. Можно допустить, что Константин Иванович обещал вас выпустить хотя бы на несколько минут, и это знали игроки, или же предположить, что Федор Черенков, зная, как вы играете в паре с Гавриловым в «Спартаке», в ходе игры увидел слабое место венгерского вратаря и понял, что лучше всего забить ему гол ударом с подсечкой. Но, быть может, это и есть высочайший профессионализм, когда игрок не просто видит и слышит, но и чувствует игру, даже сидя на скамейке запасных. Вы не случайно произнесли замечательные слова: «...в первую очередь, с точки зрения воспоми-

наний о Федоре Федоровиче Черенкове». В продолжение этих слов, расскажите, пожалуйста, почему именно Федору Федоровичу — первому из футболистов (помимо братьев Старостиных) поставлен памятник у стадиона «Спартак». Его же имя носят футбольная Академия и Южная трибуна стадиона.

— Да, Федор Федорович Черенков (25.07.1959 — 04.10.2014) — это одна из самых знаковых фигур «Спартака», точнее, легенд.

Но давайте сначала и по порядку. С 1971-го по 1977 год Федор занимался в СДЮШОР «Спартак», не подозревая о том, что она станет футбольной Академией имени Ф.Ф. Черенкова, а его первый тренер, Анатолий Евстигнеевич Масленкин, спартаковец, олимпийский чемпион (1956) и обладатель золотой медали первенства Европы (1960), будет гордиться учеником всю свою, к сожалению, тоже, как и у Федора, недолгую (57 лет) жизнь. В 1977 году Николай Петрович Старостин пригласил Федора играть за дубль «Спартака». А в основной состав его позвал Константин Иванович Бесков, и в этом составе Федор до 1993 года сыграл в 398 матчах — в играх чемпионата страны СССР/РФ, забив в них 95 мячей. Он играл очень изобретательно, нестандартно и ярко, отличался филигранной техникой и потрясающей реакцией, которые позволяли ему буквально вытаскивать мячи из-под носа соперников, тут же отдать пас или просто обвести и за-

бить. И в этих филигранных баталиях получал и по ногам, и по голове, что, к сожалению, сказалось на его здоровье. Он как-то незаметно и быстро стал ключевым организатором игры, как никто другой мог выдать точнейший пас, завязать комбинационную и неожиданную для соперника игру в атаке. Защитники соперников в ответ на требования тренеров нейтрализовать Черенкова отвечали, что его просто невозможно поймать.

Болельщики его боготворили. Это был тот самый случай, когда даже болельщики самых «вечных соперников» — «ЦСКА» и динамовских команд — его уважали и «аплодировали». Он и в жизни был «не стандартом». Единственный из всех футболистов уровня «Спартака» и сборной поступил в 1976 году на дневное отделение Горного института, как тогда говорили, «без отрыва от производства». Учились многие футболисты, но, в основном, на спортивных факультетах. А Федор в 1981 году успешно окончил Московский Горный. И это, пожалуй, в самый ответственный период его футбольной карьеры: «прописка» в основном составе «Спартака» и первые шаги в сборной СССР.

— Существует расхожее мнение, что, поскольку он играл настолько нестандартно, Валерий Лобановский, тренер сборной СССР с 1986 по 1990 годы, терялся и не мог его вписать в состав сборной, в кото-



Федор Черенков и Сергей Родионов

рой большинство было из киевского «Динамо» — очень прагматично играющего клуба, жестко нацеленного на результат, для которого красивый футбол — излишняя лирика.

Но есть и противоположные мнения экспертов.

Дело в том, что у Федора в то время уже были проблемы со здоровьем, причем обострения четко накладывались на четные годы — годы финальных матчей чемпионатов мира, Европы и Олимпийских игр. То есть он эффективно играл за сборную в отборочных этапах в нечетные годы, когда нуж-

но было приехать за несколько дней — одна-две тренировки, сам матч, и поехали обратно. Для участия же в финальной части чемпионата мира или олимпиады игроков приглашали на сборы как минимум на месяц, в течение которого шли интенсивнейшие тренировки, а Федор их уже не всегда выдерживал. Поэтому Валерий Васильевич Лобановский, прекрасно понимая, что Федор, в полном смысле этого слова, народное достояние, старался его оберегать.

— Я по этому поводу не могу ничего сказать, поскольку просто не владею достоверной информацией.

Лучше приведу еще один эпизод, характеризующий Федора. 15 июля 1980 года состоялась товарищеская встреча со сборной Бразилии на знаменитом 130-тысячном стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро по случаю тридцатилетия стадиона и 10-летия победы бразильцев в Чемпионате мира 1970 года. Бразильская команда собралась 10 июля и усиленно готовилась к матчу-празднику, а футбольные начальники придумали и соорудили памятный Кубок весом 32 кг — ведь никто не сомневался в победе хозяев. Советская сборная прилетела 14 июля (какая уж там акклиматизация), и 15-го в основном составе на поле вышли спартаковцы: Ринат Дасаев, Вагиз Хидиятуллин, Олег Романцев (с повязкой капитана), Федор Черенков, Сергей Шавло, Юрий Гаврилов, которого на 75-й минуте сменил Вадим Евтушенко из киевского «Динамо», Владимир Бессонов из того же «Динамо», Сергей Андреев из «СКА» (Ростов-на-Дону), тбилисские динамовцы Тенгиз Сулаквелидзе, Александр Чивадзе и Реваз Челебадзе, которого на 66-й минуте сменил Хорен Оганесян из ереванского «Арарата».

Первыми гол забили бразильцы на 22-й минуте, и в душах их болельщиков «зазвучала музыка». Но недолго эта «музыка» играла... Через десять минут Вагиз Хидиятуллин, получив мяч на своей половине поля, отправил его Федору Черенкову. Черенков, изящно обработав, — далее Сергею Андрееву в штрафную

площадку бразильцев, тот — в касание — Юрию Гаврилову. Гаврилов пяткой возвратил его Андрееву, Сергей отпасовал подтянувшемуся Федору. И — счет 1:1. Изящная спартаковская комбинация с участием Сергея Андреева из «СКА» (Ростов-на-Дону). Через несколько минут Сергей Шавло, заработав угловой, успешно подал, а Сергей Андреев головой поставил финальную точку, поскольку в оставшиеся 62 минуты бразильцы ничего не смогли сделать — все мячи в створ наших ворот оказывались в руках Рината Дасаева. В результате двухпудовый Кубок отправился в Москву.

Константин Иванович Бесков (главный тренер сборной СССР) остался Бесковым, сказав игрокам, что он доволен игрой команды. Но уже позже признался: «Я всегда критически ко всему подхожу. Но, честно говоря, победой над бразильцами был очень доволен...»

А Федор Черенков вспоминал о другом. «От пения и скандирований болельщиков шла особенная энергетика. Не агрессивная, а именно праздничная! Я с детства бредил бразильцами. Перед самой поездкой в Рио вышла книга «Чаша Мараканы», и я просто проглотил ее. Для меня это был матч-мечта! Самое приятное, что весь второй тайм мы играли с кудесниками мяча на равных и победили заслуженно. Единственное, что испортило впечатление — реакция бразильских болельщиков. Они свою великую команду

освистали! Мне даже жалко было бразильских игроков...»

— Казалось бы, нужно спросить вас, каким он был вне футбольного поля, но в приведенной цитате и есть весь Федор Федорович Черенков — порядочнейший, немного наивный человек и великий футболист. Бразильские болельщики устроили ему овацию, а он сокрушается от того, что они же освистали свою сборную.

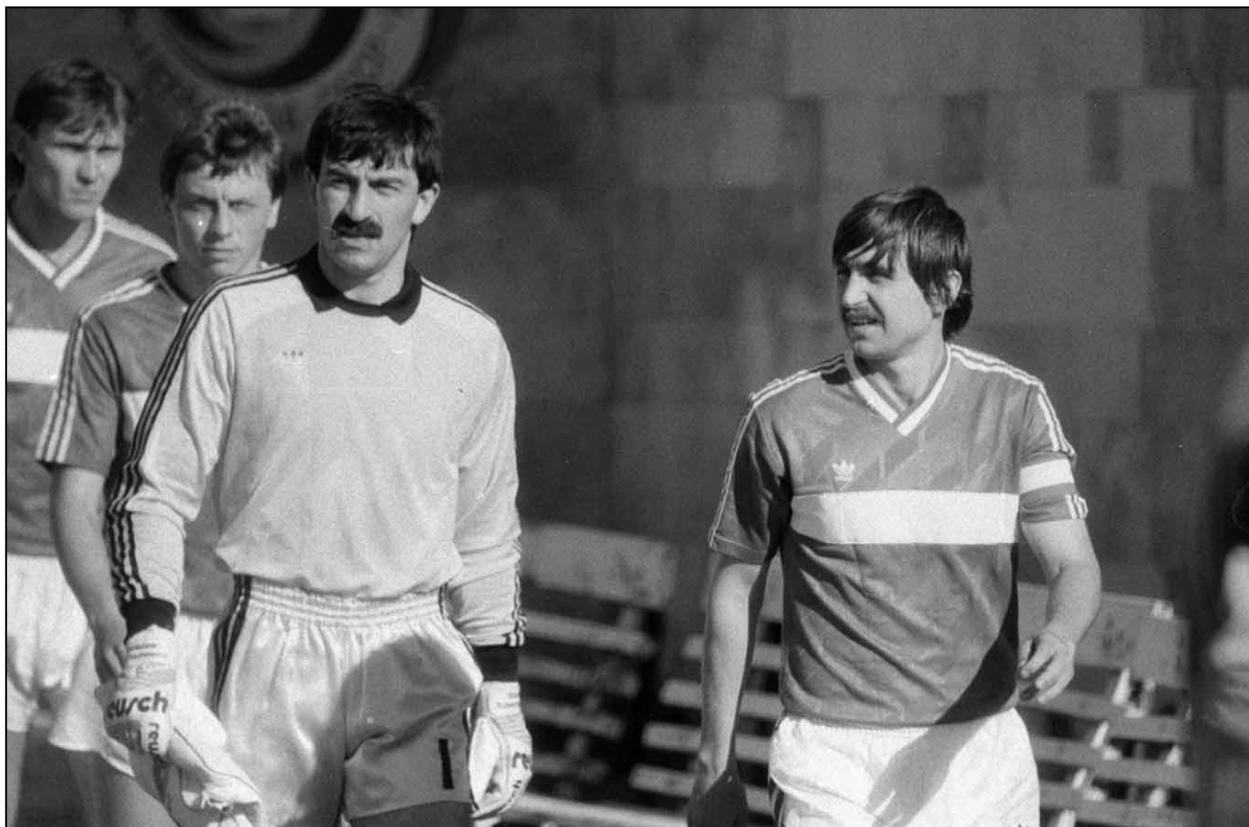
— Вы правы, Федор Федорович — великий футболист и добрый, прекрасный человек. Последний свой матч в составе «Спартака» он сыграл 7 ноября 1993 года против «Ростсельмаша» (3:0 в пользу «Спартака»). А 23 августа 1994 года в Москве на стадионе «Динамо» был организован прощальный матч Федора Черенкова, где соперником в товарищеском матче выступила «Парма» (Италия) (1:1). Как опять же вспоминал Федор Федорович: «Самый главный подарок — это прощальный матч, который мне устроили. Проводить меня собрались 35 тысяч болельщиков со всех концов страны. Квартиру подарили, машину. Перед матчем Николай Озеров зачитал приветствие президента Ельцина, в мою честь на беговую дорожку цветы кто-то бросил, и крик вдруг пронзительный: «Федя, не уходи!» У меня слезы на глаза наворачивались, но я держался».

После этого Олег Иванович Романцев пригласил его работать с дублем. Но в 1997 году Федор, в силу своей природной скромности так и не научившийся жестко разговаривать с футболистами, ушел с тренерской работы. Мы вместе с ним организовали фонд «Форвард» для одаренных детей. На деньги спонсоров покупали детям форму, мячи и тому подобное. Так же вместе ездили по России и зарубежью выступать в ветеранских матчах. Хорошо помню, как нас встречали в Киеве — 60 тысяч человек на матч ветеранов «Динамо» и «Спартака» пришли! А на ответный, в Москве, — 45 тысяч.

В 2013–2014 годах Федор Черенков тренировал молодежь «Спартака».

22 сентября 2014 года он вдруг потерял сознание у своего подъезда, на машине «скорой помощи» был доставлен в больницу, где и скончался 4 октября 2014 года. 7 октября на гражданскую панихиду в манеже Сокольников пришли более 13 тысяч человек, и не только болельщики «Спартака».

В общей же сложности за карьеру он провел 542 матча, забил 138 мячей, сделал 136 голевых передач. В сборной СССР с 1979 по 1990 годы сыграл в 34 матчах, забив 12 мячей, и в 1980 году стал бронзовым призером Олимпиады-80. Кроме этого, трижды становился «золотым» капитаном (в 1979, 1987 и 1989 годах) и 9 раз входил в список 33 луч-



1989 год. «Зенит» — «Спартак». Федор Черенков выводит команду на поле. За ним — Станислав Черчесов, Валерий Шмаров, Сергей Родионов

ших футболистов СССР, причем под № 1 — 4 раза (1983, 1985, 1987 и 1989), под № 2 — в 1980, 1982, 1988 годах. Лучше него в этом списке из спартаковцев выглядят только Игорь Нетто — 13 раз (12 из них — № 1), Ринат Дасаев — 10 раз (9 из них — № 1), Сергей Сальников — тоже 9 раз (правда, три раза в составе московского «Динамо»).

В «Клубе Григория Федотова» Федор Черенков очень достойно выглядит на 24 месте (141 мяч), с учетом того, что львиная доля членов клуба — нападающие.

В «Клубе 100», членами которого являются российские футболисты, забившие 100 и более мячей (создан

в 2003 году газетой «Спорт-Экспресс»). В этом списке Федор Черенков занимает 11 место (149 мячей).

Плюс к тому, после завершения карьеры игрока в 1994 году он в течение шести лет был тренером «Спартака». Заслуженный мастер спорта СССР, кавалер орденов «Знак Почета», Ордена Дружбы, Ордена Почета.

После перечисленного выше становится понятным, почему в 2009 году Федор Федорович получил награду Российского футбольного союза (РФС) «Легенда футбола», и с 1 января 2010 года Академия «Спартак» носит его имя. 12 октября 2015 года был торжественно открыт памятник



Открытие памятника Ф.Ф. Черенкову

у стадиона «Открытие Арена», Южная трибуна которого носит имя Федора Черенкова. 28 июня 2020 года на Троекуровском кладбище Ф.Ф. Черенкову поставлен памятник, созданный на средства руководителей, игроков и болельщиков ФК «Спартак».

— Большое спасибо за светлую память и рассказ о Федоре Федоровиче Черенкове. Но хочу продолжить ...

Похоже, случайностей в истории не бывает. В 1978 году в составе «Спартака» играли будущие легенды: Ринат Дасаев, Олег Романцев, Вагиз Хидиятуллин, Федор

Черенков, Сергей Шавло, Юрий Гаврилов, Георгий Ярцев... Команда заняла 5-место в чемпионате и дошла до 1/8 финала Кубка страны, несмотря на то что Георгий Ярцев забил 19 мячей. В 1979 году Георгий Ярцев вколотил 15 мячей, его поддержал и Юрий Гаврилов, забив за сезон тоже 15 голов. Команда выиграла чемпионат страны и в розыгрыше Кубка добежала до 1/2 финала. Практически костяк команды остался прежним, начальник команды Николай Старостин и главный тренер Константин Бесков тоже на прежнем месте у руля, а результат другой. Но в 1979 году на поле впервые вышел

тот самый «скороспелый паренек», помазанный перстом Николая Петровича еще в «Красной Пресне» — Сергей Родионов.

(Сергей Юрьевич рассмеялся. — Прим. автора)

— Вот вы как повернули. Я-то здесь причем? Это закономерность, но не связанная с моим приходом в команду. Это закономерность и последствия той огромной работы, которую организовали и проводили Константин Иванович Бесков и Николай Петрович, вытаскивая команду из Первой лиги, в которой она оказалась в 1977 году. В 1978 году команда вошла в пятерку лучших, а в 1979 стала самой лучшей. Они собрали команду, сделали единым коллективом, убедили в необходимости много и много работать, помогли, особенно нам, молодым, поверить в себя и всем вместе победить.

— Но опять же в продолжение все той же темы. 2 июня 2015 года вы стали генеральным директором «Спартака», поработали год, и в сезоне 2016/2017 года «Спартак» стал чемпионом страны — второй раз в нынешнем столетии. И выиграл «Суперкубок». Тоже случайность?

(Сергей Юрьевич вновь рассмеялся. — Прим. автора)

— Чемпионаты и Кубки, конечно же, выигрывают тренеры и футболисты. Они — главные видимые герои-исполнители и публичная

часть того самого, что называется футбольным клубом. Они всегда на виду, и им больше всех достается лестных слов, или, наоборот, критических и обидных. Но для победы нужно, чтобы все сотрудники клуба, которые обеспечивают надежную и бесперебойную работу команды, выкладывались, что называется, по полной... .

И особенно следует подчеркнуть значение болельщиков — без их поддержки было бы намного сложнее. Десятки тысяч болельщиков, заряженные одной целью, создают потрясающую атмосферу на трибунах, заряжают куражом футболистов, образно говоря, гонят команду к успеху, именно поэтому забиваются мячи на последних минутах и секундах матча и вырываются победы.

Успех приходит, когда совпадают усилия очень многих людей — футболистов, тренеров, болельщиков и коллектива клуба. Это я четко усвоил еще со времени Николая Петровича и Константина Ивановича. Все должны быть заряжены на успех. Это и есть то, что называется «спартаковским духом». А кто какую роль сыграл, кто и что сделал — это не важно, главное — понимать, что все вместе. Да, могут быть ошибки, споры и конфликты убеждений и разных взглядов на достижение победного результата, но, может быть, и в этом находится главное решение, приводящее к успеху. Так было и в сезоне 2016/

2017, когда спартаковцы получили золотые медали чемпионата России и 14 июля 2017 года выиграли Суперкубок («Спартак» — «Локомотив» 2:1).

— Сергей Юрьевич, если можно еще пару вопросов. Что такое «кураж в игре» или «пруха»?

— Удача или «пруха» — без этого в спорте нельзя, хотя, на первый взгляд, они не объяснимы. Но только на первый взгляд. Бывает, команда ловит кураж, бывает, сам игрок. И когда поймал кураж или «пруха» идет, то все получается, и ты делаешь вещи, которые в другой ситуации у тебя не проходили. Но ведь кураж, наверное, приходит не случайно, он откуда-то появляется. А появляется он, прежде всего, от уверенности в своих силах. Ты сделал один финт, другой, ты забил гол, или команда забила... Чем больше в команде появляется «куражных игроков», тогда и получается та самая «пруха», которую ты и команда заслужили. Заслужили, и она пришла. И команда «на крыльях». Если же игрок боится ошибиться, не уверен в своих силах, то, как правило, ошибается, а если он уверен в себе и знает, что может это сделать, то эта уверенность передается и команде.

— То есть и мысль игрока, и его действия на поле становятся материальными. Сначала подкорка говорит тебе — ты можешь, и у

тебя действительно все получается, и уже твой финт или гол заводят команду?

— Вероятно, так. То, что в футболе существует кураж или «пруха», — это очевидно.

— Вы в десятилетнем возрасте пришли в ДЮСШ «Спартак», с тех пор по жизни идете под руку со «Спартаком» и нынче являетесь президентом футбольной детско-юношеской школы высшей категории — Академии ФК «Спартак» им. Ф.Ф. Черенкова. То есть сегодня мальчишки, которые к вам приходят или приезжают, «имеют честь» (простите за пафос) видеть, общаться, слушать и учиться у человека, который с десяти лет носит спартаковскую форму, который учился у олимпийских чемпионов, который, что называется, пропитан духом «Спартака» и может многое рассказать и многому научить — научить, как играть и побеждать. Не просто показать фотографию братьев Старостиных или Константина Ивановича Бескова, но и рассказать о том, как они «лепили» классного футболиста, рассказать о человеке, которому поставлен памятник на стадионе, который когда-то называл вас Серегой и подсказал, как в течение минуты после выхода на поле забить свой первый гол за сборную СССР. О Федоре Федоровиче Черенкове. Такие рассказы многого стоят, они остаются в

памяти навсегда и закладывают первый камень в фундамент здания, которое со временем превратится в то, что называется «спартаковский дух».

— Действительно, мне в этом смысле легче. Мой первый тренер, Паршин Николай Иванович, не был олимпийским чемпионом (в 1956 году не попал в сборную страны из-за травмы), но в составе «Спартака» стал трижды чемпионом СССР и обладателем Кубка СССР. А с 1965 занимался с мальчишками в СДЮШОР «Спартак». И он нам много рассказывал о своих друзьях — футболистах «Спартака», в том числе об олимпийских чемпионах, от него я впервые узнал, кто такие Николай Тищенко, Сергей Сальников, Никита Симонян...

— К вам родители приводят мальчика, и каковы ваши дальнейшие действия?

— Это вопрос не простой для нас. Мы понимаем, что решается судьба ребенка. У каждого из нас, что называется, «свой глаз», поэтому главное, чтобы его «увидели несколько взглядов». Неправильно, если эту судьбу решает один человек, у которого в тот день может быть плохое самочувствие или настроение. В таком состоянии очень легко сделать ошибку, поэтому мы собираемся на тренерский совет, общаемся, обсуждаем, что видит каждый, и принимаем коллегиальное решение.

А дальше работает программа адаптации. Помимо этого, у нас есть психолог, который тоже помогает влиться в коллектив. В эту программу входят уроки и по истории клуба. Без истории нельзя, без формирования уважительного и патриотического отношения к клубу. Конечно, мальчишкам сначала сложно понять и запомнить кого-то из кумиров 50-х годов, которые творили историю «Спартака», но без этого не будет «Спартака». Мы делаем это в занимательной форме — викторины, игры...

Сегодня в Академии занимается около двухсот человек (с 9-ти до 17 лет), и с 13 лет они выходят уже на большое футбольное поле. Все тренируются 5 раз в неделю, шестой день — игровой, а воскресенье — выходной!

— А финансовое обеспечение в интернате за счет Клуба?

— Да. Родители вообще ни за что не платят.

— Занимаются мальчишки в Академии, становятся юношами, успешно выступая в своих возрастных турнирах и играх. Оканчивают Академию, а какова их дальнейшая судьба? Казалось бы, в теории все так просто — окончили Академию, и прямая дорога, хотя бы для нескольких выпускников, в основной состав. Но это в теории. Не пропадают ли они для «Спартака» и российского футбола вообще?

— В этой связи полезно освежить память. Приведу высказывание Николая Петровича Старостина, которое я периодически перечитываю: «Я смолоду, начиная с «Красной Пресни» и потом в «Спартаке», получил такое спортивное воспитание, что ни частичные, ни временные, ни половинные успехи удовлетворить меня не могут. «Спартак» открыл свою историю еще в тридцатые годы как команда, обязанная постоянно «держаться на мушке» звание чемпиона и Кубок. Таким я продолжаю его видеть и сегодня. Я вообще считаю, что занижение требования неминуемо влечет за собой сдачу позиций, внутреннюю демобилизацию. И тогда сам не заметишь, как окажешься в хвосте».

То есть команда «Спартак» при любых условиях должна ставить одну только цель — побеждать. Пробиться в такую команду воспитаннику Академии сразу сложно. Сложно почему? А потому, что цели высокие. Они не пропадают, просто пока не готовы к этому, не готовы к конкуренции на таком высоком уровне. Их надо обыграть, их надо покрутить в аренде для повышения игровой практики. Чем выше уровень клуба, тем сложнее в него попасть, тем паче при наличии легионеров.

А критерием оценки работы Академий является наличие выпускников в профессиональных клубах и лигах. И тут я вам скажу, что Академия «Спартак» дает очень хороший результат — порядка 80% наших

воспитанников играют в различных профессиональных лигах (ПФЛ, ФНЛ и РПЛ) и, получая хорошую игровую практику, со временем проявляют себя в ведущих клубах и в «Спартаке». Вот критерии оценки. Можно, конечно, сразу включить 6–7 выпускников в основной состав. Но, тогда, где критерии оценки Николая Петровича, где первое место? Его точно не будет.

— Вы сказали о конкуренции в клубах, но, наверное, она имеет место уже и в годы учебы в Академии. Есть, видимо, и другие проблемы в формировании и воспитании будущих футболистов в духе тех же спартаковских традиций?

— Проблемы и сложности есть. Да, мы стараемся воспитывать у ребят чувство патриотизма по отношению к родному клубу, стараемся с детских лет объяснить им, что футбол — игра командная, и за место в основном составе нужно бороться, всегда бороться. Но, зачастую, этого недостаточно, поскольку сегодня, похоже, понятие конкурентной здоровой спортивной борьбы себя тоже изживает, что пагубно влияет на молодого футболиста.

Пример очень простой. Команда состоит не из 11 футболистов, находящихся сейчас на поле, в ней, как правило, 20–25 человек. И как только мальчик оказывается на скамейке запасных, хотя он вчера выходил на поле, включаются «потусторон-

ние» силы: либо родители не готовы ждать, пока их сын восстановит форму, либо посредники, то бишь агенты, поскольку у каждого из мальчишек есть такой. Они тут же предлагают переход в другой клуб, в другую команду, дескать, там тебе дадут играть. Это, конечно же, пагубно влияет на молодых ребят. Потому что это не конкуренция. Вместо того чтобы больше тренироваться, быстрее восстановить утраченную форму и вновь оказаться в основном составе, ему предлагают соблазн — перейти в школу или академию другого клуба, потом еще одного, и еще... И начинается этот самый путь, который фактически ведет в никуда. Ребята теряются при переходе из юношеского во взрослый футбол. У них уже отбили желание бороться за место в составе и конкурировать с теми, кто сегодня сильнее тебя, они не готовы к тому, что место в основном составе, извините за сленг, «выгрызается» упорным трудом на тренировках. Это не воспитание характера, не воспитание бойцовских качеств, не мотивация, это отсутствие мотивации, по большому счету. Когда начинающему футболисту говорят, что я тебяведу и приведу туда, где тебя будут холить и лелеять, зачем трудиться и потеть на тренировках?

Агенту хорошо, он на этом зарабатывает, а мальчишка? То есть срабатывают сиюминутные материальные интересы посредников и

футболистов. Раньше не было таких массовых уходов — переходов в другие клубы. Сегодня без агентов и посредников уже, наверное, обходиться сложно, но нужны добросовестные посредники, которые хотят помочь мальчику в развитии и трудятся не только ради пополнения собственной мощны.

Когда футболисту с юных лет становится все равно, в какой школе учиться, в какой команде играть, на мой взгляд, это неправильно. О каком клубном духе, о какой дружбе или хотя бы уважительном отношении к своим коллегам можно говорить? А без этого не бывает команды, которая может стать чемпионом.

И с другой стороны — молодой футболист едва себя проявил, заиграл чуть лучше других, как у него тут же появляется агент с предложением перейти в другую команду, но уже для того, чтобы больше зарабатывать там. Это тоже портит.

Чем хороша была советская система? Она, конечно, не идеальна, со своими минусами, но была понятна и четко выстроена — в стране были установлены фиксированные ставки, три или четыре, а самая высокая — в сборной команде Советского Союза. И ты понимал, что, если хочешь зарабатывать больше, то и работай больше, тренируйся, попадай в сборную. Переход в другую команду не обеспечивал более выгодные финансовые условия. Да, футболисты переходили в другие

команды, но мотивация была отнюдь не материальная, а чисто спортивная. И это работало.

— Развал Советского Союза, конечно же ударил и по футболу. Если в конце XX века ведущие клубы как-то выживали за счет заделов советского футбола, а лучшие футболисты подались на заработки в европейские клубы, то детский футбол перестал быть массовым. Сотни тысяч мальчишек по всей стране просто не имели возможности с юных лет заниматься футболом. Знаменитый в прошлом Всесоюзный турнир «Кожаный мяч» возродился в 1992 году, мягко скажем, в весьма скупоженном виде. А ведь из турниров «Кожаного мяча» шагнули в чемпионаты страны сотни молодых ребят, в том числе и Валерий Карпин, Сергей Родионов, Олег Романцев, Федор Черенков...

Мало того, десятки тысяч детей (а если честно, то никто не сможет сказать, сколько именно) стали беспризорниками, то есть не имели ни родителей, ни средств к существованию. И, пожалуй, только к 2010 году проблема беспризорности была решена.

А сколько было среди них талантливых ребят уровня Дениса Глушакова, юность которого пришлась на эти годы. Ему повезло, он попал в «Нику» — профессиональный клуб второго дивизиона, который был создан в 1999 году.

Да, в Москве смогли сделать этот клуб для подготовки молодых талантливых ребят, но почти через десять лет.

— К сожалению, последнее десятилетие XX века и первое века XXI нанесли сокрушительный удар по отечественному футболу, и плоды этого удара мы пожинаем нынче.

— В вашем манеже занимаются даже детишки с четырех лет. Можете сказать, кто они, и зачем это вам?

— Сегодня в стране много футбольных школ и различных коммерческих структур, в которых обучают детей футболу.

У нас есть партнерская программа, согласно которой, с двумя из них: «Спартак сити футбол» и «Спартак юниор», несколько лет назад были подписаны трехсторонние договоры: ФК «Спартак», Академия и эти две школы. Мы рассчитываем, что и оттуда тоже будут приходить ребята к нам в Академию.

В феврале 2023 года путем отбора была сформирована команда мальчишек 2014 года рождения, а в январе-феврале 2024 года будем отбирать в команду мальков 2015 года рождения.

— Насколько я знаю у вас уже есть команды девочек.

— Да с 2022 года мы стали комплектовать команды девочек. Будем развивать женский футбол. Жизнь продолжается! □

Инна Битон

ЖИВЫЕ ШАХМАТЫ на Дворцовой площади



О том, что интерес к шахматам в нашей стране не угасал и не угасает, говорит один любопытный факт: все более популярной становится игра в «живые шахматы».



Ровно век тому назад на Дворцовой площади Ленинграда, которая тогда называлась Урицкого, состоялась удивительная игра в шахматы. Там по расчерченным клеткам ходили люди вместе с самими, что ни на есть, живыми лошадьми, и не только.

Игра в «живые шахматы» была популярна еще в средневековье.

Одна из первых таких партий состоялась в 1408 году при дворе арабского правителя Гренады, султана Мухаммеда. В старушке Европе в «живые шахматы» играли военачальник дон Хуан Австрийский и итальянский шахматист Паоло Бои во второй половине XVI века. Красочно описал новое явление их современ-



Живые шахматы на Дворцовой площади

менник, французский писатель Франсуа Рабле в сатирическом романе «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «По окончании ужина в присутствии госпожи королевы был устроен бал-турнир, достойный не только внимания, но и увековечения. Перед его открытием пол в зале застелили огромным бархатным ковром в виде шахматной доски, то есть разделенным на белые и желтые квадраты шириною и длиною в три локтя каждый. Потом в залу вошли тридцать два юных участника и участницы бала, из коих шестнадцать были одеты в золотую парчу, а именно: восемь юных нимф, убранных так, как древние представляли себе свиту Дианы, король, королева, два башенных стража, два рыцаря и два лучника...»

Доподлинно известно, что в России впервые подобная игра состоялась на исходе восемнадцатого столетия, 5 сентября 1796 года, в заго-

родном дворце графа Александра Сергеевича Строганова по случаю приезда в российскую столицу шведского короля Густава IV. Сие занимательное действо почтила своим вниманием и государыня-императрица Екатерина Великая. Зрелище было необычайно оригинальное: на большой лужайке, покрытой зеленым и желтым дерном, правильными квадратами в 64 клетки, были расставлены слуги графа, одетые в средневековые костюмы желтого и зеленого цветов. Самой игрой руководили обер-шталмейстер, знаменитый придворный балагур и повеса Лев Александрович Нарышкин и канцлер империи граф Иван Андреевич Остерман. Несмотря на разряженных по случаю праздничного действия 400 дам и кавалеров, шахматное мероприятие у графа Строганова было закрытым и предназначалось исключительно для специально приглашен-

ных приближенных ко двору российской Минервы, как называли тогда в империи правительницу России.

А вот публично и общедоступно «живые шахматы» впервые были продемонстрированы на петербургском велодроме век спустя, в 1897 году — тогда Михаил Чигорин, первый российский шахматист, претендовавший на звание чемпиона мира, одержал уверенную победу над Эммануилом Шифферсом. Правда, билеты на это представление стоили весьма недешево — от 75 копеек до 25 рублей — и были по карману тем же сливкам петербургского общества, что и под конец екатерининского царствования. Высокая цена отпугнула многих посетителей, к тому же подкачала организация: солдаты на велодроме не всегда вовремя могли переставлять по сигналу горниста на нужные клетки лошадей, которые на потеху зрителям неистово фыркали и упрямылись. Дабы подсластить пилюлю, организаторы завершили турнир фейерверком, изображавшим шахматную доску с вензелями «Ч» и «Ш».

В итоге в популярном еженедельнике «Всемирная иллюстрация» появилась разгромная заметка о состоявшемся в Петербурге шахматном действе: «Это зрелище ни для шахматистов, ни для прочих зрителей не может быть интересным, а потому нечего и жалеть, если «эта профанация шахмат больше не повторится». Однако автор столь разгромного репортажа ошибся — спустя

чуть более четверти века, в 1924 году, в самом центре Ленинграда состоялось грандиозное и роскошное шахматное действо, которое запомнилось как его зрителям, так и непосредственным участникам очень и очень надолго.

Впрочем, в Советской России «живые шахматы» образца 1924 года в Ленинграде тоже были не первыми. 23 августа 1921 года игру устроили в Смоленске по инициативе местного Всеобуча. Она продлилась более двух часов и после 24 ходов закончилась вничью. А в 1923 году были целых три подобных матча в трех различных городах: Керчи, Москве и Омске. В Москве игра прошла на территории Сельскохозяйственной выставки, где играли Владимир Ненароков и Николай Григорьев, а в Сибири партия Адольфа Андерсена и Лионеля Кизерицкого символизировала битву между Трудом и Капиталом.

И все же шахматная партия в Ленинграде на площади Урицкого стала самой масштабной, яркой и зрелищной. Померяться силами на площади сошлись бойцы Красной Армии и ВМФ: краснофлотцы в своей парадной белоснежной форме изображали белые фигуры, а красноармейцы и краскомы (красные командиры) в полевой форме защитного цвета — фигуры черные.

Началу игры предшествовала очень серьезная подготовка. Площадь украсило огромное поле, на разных концах которого построили деревянные постаменты для игро-

ков, ведущих ленинградских шахматистов: Ильи Леонтьевича Рабиновича и Петра Арсеньевича Романовского. Рабинович был победителем международного турнира 1914 года в немецком городе Мангейм и первого в истории чемпионата Петрограда в 1920 году. Романовский в 1923-м стал чемпионом РСФСР. Из-за огромных расстояний на поле была проведена даже телефонная связь, чтобы игроки могли сообщать о своих ходах организаторам.

Брусчатку на площади Урицкого (бывшей Дворцовой) разделили на 64 квадрата, по которым передвигались живые фигуры. В роли черного короля — два красных командира и знаменосец, черный ферзь — девушка в красном сарафане с серпом. Белый король — два моряка и знаменосец, белый ферзь — жена гроссмейстера Рабиновича. В роли коней — всадники на конях, в роли ладьи — небольшие орудия с расчетом. В роли слонов по одной из версий были рабочие-молотобойцы, а пешками — красные солдаты и матросы. Каждый из гроссмейстеров по очереди делал ходы своими «фигурами», которые для команд и зрителей озвучивали ассистенты с рупорами. За игрой также наблюдала судейская комиссия. Для них были сооружены специальные деревянные помосты, расположенные рядом с шахматной доской.

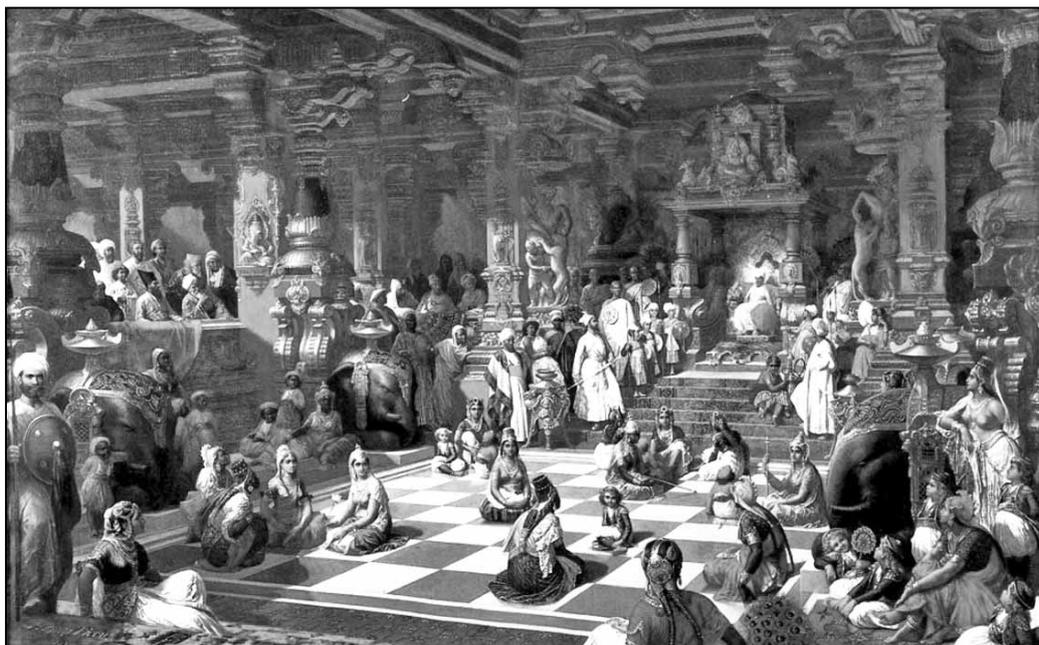
20 июля 1924 года в полдень под звуки духового оркестра белые и черные фигуры торжественно прошептали на свои клетки, и игра

началась. Для публики, которая окружила по периметру расчерченную на площади гигантскую шахматную доску, ходы оглашались в рупор. Партия длилась свыше пяти часов с двумя перерывами. Кстати, вход на игру был по билетам: просто на площадь цена вопроса составляла 10 копеек, а на трибуны — уже 50. Общее количество собравшихся было весьма внушительным, по разным подсчетам число зрителей составляло от пяти до восьми тысяч человек. На 67-м ходу белые предложили черным закончить игру — в итоге победила дружба.

Петр Романовский так позднее вспоминал о тех событиях на странице «Шахматного листка»: «Но все, и я, и мой противник, и зрители, единодушны, полагаю я, в оценке этого замечательного в шахматной жизни Ленинграда дня, на который смотрели более пяти тысяч человек. Все, я думаю, единодушны в одном: этот день подтвердил, что шахматное искусство позволяет собой любоваться не только избранным, но, как и в других искусствах, всякому, кто способен понимать творчество мысли вообще, независимо от того, в каком искусстве или в какой области жизни оно проявляется».

В Советском Союзе, где шахматы были невероятно популярны среди всех возрастов, в «живые шахматы» играли и позднее. Так, в 1936 году, в двух шагах от Кремля, в Колонном зале Дома союзов было показано яркое и оригинальное представление с участием артистов балета и учащих-

*Анри-Пьер
Пику.
Индийские
шахматы*



ся театральных школ, а в 1962 году подобное шахматное действо с участием столичных студентов-физкультурников состоялось в московском Дворце спорта в Лужниках. А спустя три года в запорожском Мелитополе с размахом прошел детский шахматный фестиваль, на котором, разумеется, была разыграна партия с участием «живых шахмат».

В наши дни наиболее популярными и известными «живыми шахматами» в мире является традиционная шахматная постановка в итальянской Маростике. В основе сценария — средневековая романтическая легенда о событиях далекого 1454 года, когда двое юношей претендовали на руку дочери местного правителя. Отец повелел решить спор на шахматной доске, в которую была превращена площадь перед замком. По прошествии пяти столетий на той же самой площади один раз в два года разыгрывается в

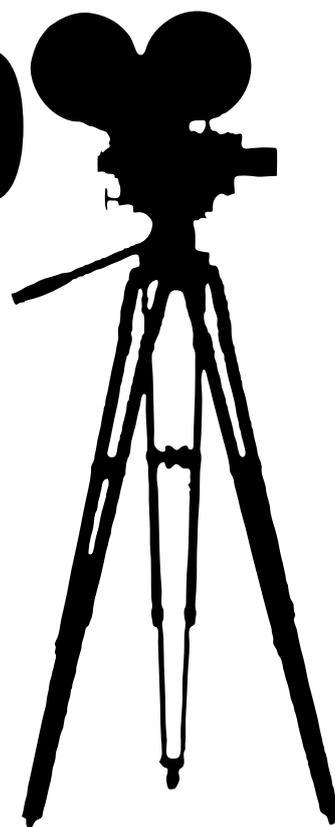
лицах инсценировка средневековой легенды. И каждое представление «живых шахмат» в Маростике сопровождается специальным почтовым гашением.

В 2014 году на Дворцовой площади снова играли в «живые шахматы». А в парках и скверах российских городов игра в «живые шахматы» растет в своей популярности, превращаясь в яркое и красочное интеллектуальное шоу-перформанс.

И... «вишенка на торте» — к вековому юбилею знаменитой игры на Дворцовой площади власти Петербурга готовят горожанам и гостям города ее красочное и фееричное повторение. Причем, как обещают власти Северной столицы, в нынешнем году представление будет поистине фантастическим. Это грандиозное шахматное шоу запланировано на 20 июля 2024 года, когда отмечается Международный день шахмат. □

Юрий Осипов

Эмир Кустурица



*«Я счастлив,
что не сделался
голливудским
режиссером»*



«А у него, у этого серба, все время как раз рыба плавала через экран — и я за ней, ничего не поделаешь, послушно следовал всякий раз, — разницей в двенадцать лет! — ничего не помогало, не было никакого разочарования». Так отзывался о нетленности одного из ранних фильмов Кустурицы «Аризонская мечта» писатель Захар Прилепин. Так же «цепляют» при повторных просмотрах спустя даже много лет и другие ленты этого этнического режиссера: «Время цыган», «Черная кошка, белый кот», «Жизнь как чудо», «По млечному пути»...

Эмира Кустурицу часто называют человеком-легендой, «балканским Федерико Феллини» и одним из наиболее значительных киномастеров XX века. Он буквально ворвался в мировой кинематограф громкой дебютной картиной «Помнишь ли ты Долли Белл?», триумфально показанной на фестивале 1981 года в Венеции. До миллениума получил за свои работы две золотые пальмовые ветви Каннского, а также главных призов Венецианского и Берлинского кинофестивалей.

Он говорит, что своего любимого фильма у него нет, но есть самый трудный в работе — это столь популярная у нашего зрителя «Черная кошка, белый кот». Говорит Кустурица и о том, что сложнее всего ему оставаться «живым» режиссером в 50, 60, 62 и далее... При этом прославленный киноклассик до сих пор не порывает с карьерой музыканта фолк-рока, в котором находит необходимое переключение от водоворота съемочной площадки. А еще преподает в престижных киношколах и всегда окружен молодежью.

Музыка играет особую роль в фильмах Кустурицы. Они насквозь музыкальны, пропитаны ритмами национальных мелодий и мировых шлягеров; они сами воспринимаются как музыка. Недаром утверждают: если музыка и изображение на экране сливаются в «безумном экстазе», так что не разобрать даже, что первично, а что вторично, — это Кустурица! Вот что мы встречаем в его шедеврах «Жизнь как чудо», «Черная кошка, белый кот», «Время цыган».

Сегодня выдающийся сербский режиссер занят проектом «по русской литературе» и одновременно готовится к постановке спектакля на сцене Центрального академического театра Российской армии. Нашу страну он давно любит и в ней частый гость. Счастливое свойство удивления перед жизнью, миром и неувядаемая молодость души ведут этого мэтра современного киноискусства к новым творческим открытиям.



Эмир Кустурица появился на свет в ноябре 1954 года в Сараево. По национальности он босниец, хотя в роду у него встречались и сербы. Отец будущего кинорежиссера был коммунистом и всю жизнь прослужил в Министерстве информации Боснии и Герцеговины. Мать, как и подобает истинной мусульманке, занималась домом и семьей.

В мир кинематографа маленький Эмир втянулся рано, нередко прогуливал школу, чтобы пересмотреть в кинотеатре любимые ленты. Уже

тогда он верил, что это будет его мир. Однако в социалистической Югославии воплотить заветную мечту оказалось непросто. Поэтому после окончания средней школы юноша поехал в Прагу поступать в Академию исполнительских искусств на факультет кино и ТВ. Диплом этого вуза котировался в Европе, ведь его оканчивали Милош Форман, Иржи Менцель и Горан Паскалевич.

Во время учебы Эмир снял короткометражки «Часть правды» и



«Осень», а дипломом его стал документальный фильм о Второй мировой войне «Герника», в котором разоблачались фашизм и антисемитизм. Фильм был премирован на молодежном кинофестивале в Карловых Варах.

Вернувшись в 1977-м году в родное Сараево, Кустурица начал работать на местном телевидении — снимать документалки и мечтать о большом кино. В свободное время играл на гитаре в молодежной рок-группе. Музыку, всегда переполнявшую его душу, он выплеснет затем на экран.

Но это произойдет не скоро. Первый полнометражный дебют режиссера «Помнишь ли ты Долли Белл?» состоится только в 1981-м году. А до

этого в его творческом активе появятся запрещенная цензурой картина «Невесты приходят», где сам режиссер сыграл в эпизоде, и телефильм «Кафе «Титаник», также, как и «Герника», посвященный событиям Второй мировой войны в Сараево.

«Помнишь ли ты Долли Белл?» — фильм, по сути, простой, но производящий сильное впечатление, завораживающий. Некоторые кадры уже кажутся классическими. Мальчик в солнечном Сараево 63-го, снятом из 81-го. Солнце, музыка, любовь, запретное курево, пацанские заботы и забавы... Цветовая гамма картины выдает приверженность автора феллиневскому «Амаркорду», недаром позднее его назовут «балканским Феллини». А еще Адри-



Слева: *«Время цыган»*

«Помнишь ли ты Долли Белл?»

атика, за которой в Италии, как казалось, была другая, лучшая жизнь. И — итальянское кино, служившее тогда Кустурице тем же, чем шедевры корифеев Возрождения служили для позднейших художников.

Глядя в прошлое, Кустурица, подобно Феллини в «Амаркорде», вспоминает нечто глубоко личное, сокровенное. И увлеченный гипнозом мальчик Дино становится первой ниточкой, связующей наш реальный мир с будущим, совершенно нереальным, но таким притягательным миром режиссера Кустурицы, полным фантазмагорий, почти фольклорных персонажей и заводных балканских музыкальных ритмов, — всего того, что явится фирменным стилем этого мастера.

«Помнишь ли ты Долли Белл?» — первый югославский фильм, снятый не на официальном сербо-хорватском языке, а на его боснийском диалекте. И это был первый крупный успех Кустурицы — приз за лучший дебют на Венецианском фестивале и приз ФИПРЕССИ. Перед молодым режиссером открывался поистине звездный путь.

Теперь Кустурица мог, что называется, расправить крылья, однако следующая его картина появилась лишь через четыре года. «Папа в командировке». Действительность послевоенной Югославии, увиденная глазами ребенка. Ко времени создания фильма маршала Тито уже не было в живых, но его ссора со Ста-



линым и некоторые другие темы все еще оставались в стране под запретом для кино. Новая лента Кустурицы касалась и их. На фоне слегка обозначенных исторических и политических реалий агонизирующего режима разворачивается пронзительная семейная драма: жена, страдающая от измен мужа, брат, предающий сестру, сыновья, тоскующие по отцу...

Великолепная игра Миры Фурлан, которая всего четыре раза появляется на экране, но каждый раз это — отправные моменты картины, и сольные партии других актеров Кустурицы, переходящих затем в другие его фильмы, заставляют проникнуться болью и надеждами обыкновенных людей, живущих в сложном и противоречивом мире. Посмо-

трив раз эту картину, ее уже нельзя забыть. Председатель жюри Каннского фестиваля прославленный режиссер Милош Форман, вручая младшему коллеге главный приз — «Золотую пальмовую ветвь», назвал Кустурицу «самой большой надеждой европейского и мирового кинематографа».

Он постарался оправдать столь высокий титул. Третья его картина «Время цыган» (1988), снятая в Македонии, стала первым обращением сербского мастера к цыганской тематике и первым фильмом о цыганах на их языке. Удивительный саундтрек к ленте написал Г. Брегович, с которым Кустурица сотрудничал и в двух своих следующих работах.

«Цыгане — совершенно особые люди, — сказал как-то режиссер. —

Слева:
«Завет»

«Черная
кошка,
белый
кот»



Для цыган существуют только деньги, любовь, семья. Ничего лишнего». Цыганский эпос, заключенный в рамки этой картины, сильно напоминает цикл «Одесских рассказов» Бабеля. Тот же водоворот карнавала жизни, в котором все несерьезно и вместе с тем трагично, пафосно. Та же вывернутость наизнанку житейской реальности на фоне сложной простоты бытия и буквально фольклорной утонченности.

Символическая глубина фильма захватывает с первых минут. Он начинается игрой в кости и ею же заканчивается, как бы подчеркивая, что в судьбе человека все происходит по воле случая, и все полученное можно потерять в один миг. Герой здесь, становясь бизнесменом, попирает все этические нормы и условности, превращается в изгоя... И тоже словно случайно. На самом же деле

его жизненный путь постоянно ставит героя перед выбором.

И вновь — главный приз в Каннах, уже за режиссуру, номинации на «Оскар» и «Золотой глобус».

Примерно в это время Кустурица начинает играть на бас-гитаре в сараевской панк-рок-группе «Не курить!», вскоре, правда, прекратившей свое существование, но возродившейся в последующие годы. Прекратилась также педагогическая деятельность режиссера. Как только в местной киношколе узнали о его музыкальных выступлениях, он был уволен. Впрочем, отлучения от любимившегося ему преподавания не произошло — Милош Форман пригласил его читать лекции в Колумбийском университете.

Вот тогда-то он написал с одним из своих студентов Д. Аткинсом сце-



нарий фильма «Аризонская мечта». Снимал эту картину Эмир в Голливуде в 1993 году. Снимал долго и подчас мучительно, вступая в конфликты с продюсерами. В заглавных ролях у него снялись голливудские мегазвезды Джонни Депп и Фэй Дануэй.

...Розовый воздушный шарик летит по небу, сбежав из чьей-то мечты. Ветер несет его над заснеженной равниной, над волнами моря, над крышами небоскребов... В «Аризонской мечте» мечтают все! Иногда вслух, иногда во сне. Юный и прекрасный Аксель тоже мечтает рядом с двумя влюбленными в него до безумия женщинами, готовыми разорвать предмет своей любви на части. И эта страсть-мечта объединяет

их... А розовый воздушный шарик, пролетев множество километров, однажды находит все же своего адресата и стучится к Акселю в окошко. И тот его впускает. А вдруг и к вам, отправляет режиссер образный посыл зрителям, прилетит однажды из бесконечной синевы воздушный шарик вашей мечты? Не упустите его!..

«Серебряный медведь» прокату фильма не помог, он остался «кино не для всех», что, впрочем, Кустурицу мало огорчило, как и его «несложившийся роман» с Голливудом. Из «фабрики звезд» амбициозный режиссер вернулся в родную Югославию, где в 1992-м вспыхнул кровавый межэтнический конфликт на территории Боснии и Герцеговины. Дом семьи Кустурицы был разру-

Слева:
«Аризонская
мечта»



«По
млечному
пути»

шен, отец вскоре скончался от сердечного приступа. Семья нашла прибежище в Черногории.

Эмир тогда посчитал своим долгом начать работу над фантастическим фильмом-притчей с элементами черной комедии «Андерграунд» по сценарию известного сербского драматурга Д. Ковачевича. Фильм вышел на экраны в 1995-м и принес режиссеру вторую «пальмовую ветвь» Каннского фестиваля. Однако причудливое киноповествование, связавшее прошлое страны на Балканах — вечного яблока раздора — с эпизодами начавшейся там войны, вызвало неоднозначную реакцию критики. Решив, что его не поняли, Кустурица заявил было об уходе из кинематографа, от чего затем отказался.

Смотреть «Андерграунд» нелегко, потому что картину переполняет боль режиссера за истерзанное Отечество, чей дым, увы, не сладок и не приятен. Мы видим в фильме людей, буквально «отравившихся» войной, не понимающих своего сползания за грань безумия... Потрясает финал — сплав боли, счастья и отчаяния, утверждающий выстраданную веру в неизбежное торжество добра и справедливости, веру в истинную дружбу, в очистительный вихрь народной пляски, во все, ради чего стоит жить.

Кустурица неоднократно подвергался и продолжает подвергаться нападкам за свои открыто выражаемые политические взгляды. Он являлся противником распада Юго-



«Андер-граунд»

славии и по-прежнему называет себя югославом, заявляя оприверженности социал-демократическим ценностям, хотя и не исключая при этом анархических устремлений. Много шуму наделал его экстравагантный поступок, когда в 1993-м он вызвал на дуэль одного из лидеров сербских радикальных националистов В. Шешеля и предложил провести поединок в центре Белграда, предоставив выбор оружия противнику. Тот под благовидным предложением от дуэли уклонился.

Кустурица неоднократно высказывался в поддержку политики российского руководства и лично президента Путина, одобряет присоединение Крыма к России и СВО РФ на Украине. Он осудил нынешний запрет США и их союзниками на рос-

сийскую культуру, которую считает неотъемлемой частью культуры европейской. «Так делали нацисты», — заявил режиссер. При этом Кустурица известен своими монархическими симпатиями и принял участие в акции сербских деятелей культуры против отделения края Косово от Сербии.

Позицию мужа разделяет супруга режиссера, Майя, воспитавшая с ним двоих детей — дочь и сына, который стал музыкантом и композитором, сыграв в двух фильмах отца «Жизнь как чудо» и «Завет» (речь о них впереди). Совладельцы кинокомпании, занимающейся производством всех фильмов режиссера, Эмир и Майя участвовали в финансировании Храма во имя святого Саввы Сербского в построенной по собственному про-

екту Кустурицы деревне на Мокрой горе. Это произошло после того как в 2005 году он принял православие в старинном черногорском монастыре, утверждая, что его дальние предки были православными сербами, и, таким образом, принятие им христианства стало возвращением к истокам.

Примечательно, что в 2005 году Эмир Кустурица стал лауреатом престижной архитектурной премии за свой проект — деревню Дрвенград в горном районе на юго-запад от Белграда. Она была построена целиком из дерева для съемок фильма «Жизнь как чудо» (2004) и является туристическим объектом, на территории которого действуют православная церковь, музей и кинотеатр. По словам режиссера, после потери родного города Сараево (куда он отказывается возвращаться) ему хотелось построить свой заповедный уголок. Такой же, как Андричград (город Андрича), возведенный вблизи Вышеграда под руководством и при финансовой поддержке Кустурицы в честь его соотечественника, удостоенного Нобелевской премии выдающегося писателя Иво Андрича.

Фильм «Жизнь как чудо» вышел на экраны после долгого перерыва и вновь был обращен к трагическим событиям войны на Балканах, показанных Кустурицей в его излюбленном жанре трагикомедии. Контраст беззаботности и бедствования, вот что такое эта картина, насквозь пропитанная волнующей и чувственной

музыкой. Несмотря на некоторую затянутость, она смотрится как сказка! Грустная и смешная одновременно. Наивный романтизм, подкупающая искренность и сумасшедший драйв сливаются здесь в причудливый сплав подлинного искусства.

Высшая французская кинопремия «Сезар» несколько компенсировала Кустурице первый его «пролет» на Каннском фестивале, и все же горьковатый привкус остался. «Жизнь как чудо», конечно, заслуживала большего и могла бы потягаться за фестивальные призы с предыдущей культовой лентой режиссера — безбашенной этнической комедией «Черная кошка, белый кот», завоевавшей «Серебряного льва» за лучшую режиссуру на Венецианском киносмотре в 1998 году.

Этот удивительный фильм обращен к простым зрителям. Сочный колорит, экзотичный цыганский менталитет и невероятная живописность каждого кадра делают абсолютно доступным духовное содержание картины с его центральной идеей об условности любых социальных барьеров и различий между настоящими людьми, будь они бедными и богатыми. «Это начало прекрасной дружбы», — так говорит на свадьбе детей цыганский «барон» рядовому члену их сообщества, с которым теперь породнится...

Восьмой полнометражный фильм Кустурицы получил библейское название «Завет» (2007). Он отсылает к библейским притчам, правда, на



*«Папа
в коман-
дировке»*

Справа:
*«Жизнь
как
чудо»*

современный лад. Заброшенная деревенька, трое калек. Дед посылает внука в город продать корову, купить икону и найти себе невесту и — пошли наворачиваться фирменные кустуриевские безумства...

Фильм смотрится на одном дыхании, похожий и не похожий на предыдущие работы мастера. Есть тут старые проверенные методы и новые находки. Картина смешит и печалит. Тем более, когда осознаешь полностью ее сюжетную ситуацию. Мать с дочерью в закладе у местного мафиози. Два брата, всей душой привязанные к деду и теряющие его. Любовные страсти между дедом и школьной учительницей. И в финале — похоронный марш в разгар свадебного веселья

под аккомпанемент рева моторов БТР и треска автоматных очередей...

Органика слегка карикатурного изображения простой повседневной жизни в сопровождении дурашливо-серьезных мелодий неизменного струнно-духового ансамбля не скрывает глубокий смысл шуточного дедушкиного завета. Подобный юмор не для «Оскаров» и «Пальмовых ветвей». Его воспринимают, разумеется, далеко не все, более всего те, кто в принципе не приемлет жанр абсурда. У Кустурицы же он, снося «башню» зрителям и опрокидывая привычные законы логики, только ярче оттеняет гуманную идею фильма, вызывая сочувствие к забавным героям ленты.



...В конце войны в бывшей Югославии сербский молочник Коста, роль которого исполнил сам режиссер, возит свои продукты солдатам прямо на линию фронта, проходящую по его деревне. Тем временем суженая героя покупает для собственного брата, видного полевого командира, невесту в Центре перемещенных лиц. Ею оказывается красавица итальянка с сербскими корнями в исполнении Моника Белуччи. Суженая Косты планирует сыграть сразу две свадьбы — свою и брата, однако Коста влюбляется в итальянку, и она отвечает ему взаимностью. А приготовления к обоим торжествам идут тем временем своим чередом...

Балканские войны последних десятилетий ушедшего века уже в третий раз становятся мучительной те-

мой выдающегося сербского режиссера. И при этом он всякий раз дальше и дальше отходит непосредственно от политики. В фильме «По млечному пути» (2016) ее нет вообще. Война же здесь предстает абсолютным злом, тотальным безумием, которому противится даже животный мир в лице соколов и змей, помогающих Косте и мешающих его врагам. Бывший музыкант-молочник со своей возлюбленной не желают иметь с войной ничего общего, но по жестокой иронии судьбы, пережив ужасы гражданской войны, попадают в руки британских миротворцев, которые вместо наведения порядка устраивают в истерзанной провинции новую бойню...

Уповать героям фильма остается лишь на чудо. И оно не заставляет

себя ждать. Загнанные британскими преследователями на высокое дерево, Коста с подругой вдруг просто улетают от них. А в другой сцене выручающие их соколы смахивают крыльями псевдомиротворцев с горы, где спасаются влюбленные. Волшебство и реальность идут в картине рука об руку, ничуть не подрывая доверия зрителей к фильму.

Последние работы стареющего мэтра не принесли ему значимых фестивальных лавров, зато сохранили зрительские симпатии. «Я свободный человек. Снимаю то, что хочу, а не то, что заказывают продюсеры. Живу, где хочу. Теперь — в Дрвенграде, деревне, которую построил сам». Там ныне туристический центр, проводятся семинары по кино и разные фестивали. Улицы носят имена людей, которыми Эмир восхищается: Теслы, Марадоны, Фелини, Тарковского...

Кустурица не раз утверждал, что любит и чтит русскую культуру, называет Россию братской страной. Он неоднократно выступал в Крыму, посещал разные регионы России. Охотно снялся в нашумевшей картине А. Волгина «Балканский рубеж». «Для меня участие в этом проекте — выражение моей любви к России, дань признательности ей за защиту моей Родины», — заявляет выдающийся режиссер.

Эмир Кустурица всегда подчеркивал, что русская литература в значительной степени повлияла на его

творчество. Среди наших писателей он особо выделяет Гоголя, Достоевского, Платонова и Прилепина. «Обитель» Прилепина — один из лучших романов, которые я читал в последнее время», — заявлял он. И продолжал: «Достоевский мне очень близок. Скоро буду снимать фильм по мотивам «Преступления и наказания». Деньги уже есть. Одну из локаций хочу выбрать в Краснодарском крае. Я не могу снимать без солнца, оно мне необходимо. А там его много...»

Об этой экранизации Кустурица мечтает вот уже тридцать лет. Вначале собирался пригласить на роль Раскольникову Джонни Деппа, с которым дружен. Однако годы не стоят на месте... Другой «русский» проект режиссера — роман Евгения Водолазкина «Лавр», за его экранизацию он собирается приняться после «Преступления и наказания».

По сообщениям СМИ, министр обороны РФ С. Шойгу недавно предложил Эмиру Кустурице занять пост главного режиссера Центрального академического театра Российской армии. Маэстро отнесся к лестному предложению министра с большой ответственностью, сказав, что пока не видит для себя возможность возглавить столь известный театр, а вот поставить на его сцене несколько спектаклей очень бы хотел.

«Для меня гораздо важнее быть свободным, нежели счастливым, — признался однажды мастер. — Но я счастлив, что не сделался заштатным голливудским режиссером». □

Геннадий Гусаченко

Память детства

В закопченном ведре бултыхались, расплескивая воду, золотистые караси. Васька Котов в закатанных до колен камуфляжных штанах, поблескивая лысиной на утреннем солнце, взмахнул удилицем, и на траву шлепнулся жирный карась.

— А, попался, шельмец! — снимая рыбу с крючка, задорно произнес мой друг детства. — Может, хватит рыбачить? Пора костерчик развести да ушицу заварить. Ты глянь, Федька, красота-то какая! Камыши, озеро, кулички попискивают, утки побрякивают. Тихо, благодать...

Уха получилась необыкновенно вкусной. Васька большой мастер ее варить. Сваренных карасей отжал в марле, отбросил вороне, наблюдавшей за нами неподалеку, а в бульон забросил других карасей, посолил, поперчил...

— Все, дружище, готово, — постучал Васька деревянной ложкой о край ведра. — Доставай «Фронтovou»... Вспомним наших отцов... Тяжкая им выпала доля... Давай за них...

— И за наших матерей тоже, — добавил я. — Им с нами, с детьми голодными, достало горя хлебнуть...

— Это так... Солдатам на фронте, какую-никакую, кашу давали, а мы, помню, мерзлую картошку по весне рыли на колхозном поле, драники из нее делали... Смотреть на то, каково было матерям...

Выпили, не чокаясь, молча принялись за уху. — Знаешь, Вася, в какой-то песне, не помню, в какой именно, слова такие есть: «Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство, чтоб вновь попасть туда?» Ты бы хотел вернуться в детство, которое поэты-романтики называют лучшим временем нашей жизни, светлым и теплым?

— А было оно у нас, то время, теплое и светлое? Вам тут в Сибири полегче было... А мы в оккупации жили два года, пока наши не освободили деревню... Выпили, помолчали.

— У нас в Сибири в войну тоже голодуха была... Саранки в лесу копали, лебеду варили, колоски на колхозном поле собирали... Правда, гоняли за это... Указ такой был...

— И то правильно... Разреши их собирать, колхозники нарочно будут не обмолоченными участки оставлять... Это я тебе как комбайнер говорю...

— Немцы в деревне сильно лютовали?

— За всю деревню не скажу... Мал я тогда еще был... Но помню, как рыжий толстый немец курицу у нас в избе из-под печи достал... Зима была, мать, чтобы курица не замерзла, под русской печью ее прятала. Мать кричит, курица горланит, а фриц хохочет. Оторвал курице башку, оципал ее и сварил в горшке у нас на кухне. Этот солдат, думаю, ординарцем у белообрисого офицера служил... Сапоги ему чистил, подавал на стол колбасу, хлеб, сало, сахар, печенье, шоколад. Мать гоняла нас, чтобы мы не смотрели, как немец жрет. Хорошо помню, как этот гад говорил: «Ви есть русиш швайн... Ви кушай отшень плех... Надо кушайт шпик, кольбас...» Вот такая, дружище, у меня память о детстве... Не хотел бы я, как в той песне, вновь попасть туда... А вот как после оккупации в Сибирь приехали, полегче стало... Помнишь, как на рыбалку с тобой бегали? Босоное наше детство...

Мы еще выпили и молча уставились на гладь озера, окаймленного белыми лилиями. Каждый думал о своем. Воспоминания о пережитом затронули давно пережитое, но не забытое. Я, Васька Котов и еще Митька Лабуза из нашей красноярской деревушки Разгуляевки родились за пять лет до войны, и, стало быть, всем троим уже за восемь десятков перевалило. Митька в прошлом году покинул сей мир. Старики мы, хотя и считаемся «детьми» войны, с которой не вернулись наши отцы — мой и Васькин, а Митькин отец домой с фронта без руки вернулся. Ему после войны медаль дали «За победу над Германией». Правда, в деревне поговаривали, что Иван Лабуза, отец Митькин, самострел себе учинил, да неудачно, руку ему врачи по самое плечо отхватили. Да мало ли что могли со зла наговорить бабы, собиравшие колоски на колхозном поле, которых бичом гонял за это объездчик Лабуза! И называли они его не объездчиком, а дармоедом-объедчиком. Ну, это уже потом, когда мой отец под Сталинградом погиб, и «похоронка» пришла. А Васькин отец, Котов Степан Ильич, без вести пропал. У нашей мамани остались без отца я и маленькая Катька, а у Васькиной матери трое ребятишек горе мыкали. Войну я, конечно, не помню. Это потом, уже после войны, стал я помнить время голодухи страшной и нищеты. Весной искали на картофельном поле мерзлую картошку, летом ели суп из лебеды, крапивы, грызли луковицы-саранки. Я ходил в школу, а Васька пропускал уроки, мамке своей помогал на ферме. Летом мы с Васькой коров колхозных пасли. Тем и жили. Еще помню, что бегали мы на ферму молоко пить, своих коров у нас не было, некогда нашим матерям было сено скотине заготовить в зиму. Васька и его мать не теряли надежды на возвращение отца — без вести ведь пропал, вдруг живой?! Митька Лабуза все время хвалился отцовской медалью и говорил Ваське обидные слова: «В плен сдался твой батя». Васька за это не раз лупцевал его.

Я школу окончил, в институт поступил, агрономом стал, а Васька на тракториста в районной МТС выучился. Землю всю жизнь в колхозе пахал, хлеб на комбайне убирал. Это для меня он Васька Котов, а для всех — знатный

механизатор, пенсионер, ветеран труда, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Котов Василий Степанович. Прошлой весной вызвали Василия Степановича в военкомат и в торжественной обстановке вручили ему орден Отечественной войны II степени. Оказывается, ребята из поискового отряда «Кондор» обнаружили на месте боя в старых окопах останки солдат, наших и немецких. Вот по номеру на ордене, найденном на истлевшей гимнастерке погибшего воина, и установили фамилию солдата. Васькин отец — герой! В военкомате, ко всему прочему, выдали пенсионеру Котову В.С. билеты на поезд туда и обратно к месту захоронения останков.

— Как жаль, что Митька Лабуза подох раньше времени! Я бы сказал ему, что мой отец погиб героем. А его отец всю войну вдовых баб объедал... — вздохнул Васька.

— О покойниках, сам знаешь, либо хорошо, либо ничего, — понимая состояние друга, ответил я.

В поездку в неизвестное нам Никольское, где был бой, Василия Степановича Котова провожали всем селом. Вернулся он лишь через месяц. Мы уже забеспокоились, наверное, думали, стало плохо престарелому сыну погибшего молодого солдата во время торжественных похорон со всеми воинскими почестями. Однако, как вскоре мы узнали, престарелого пенсионера чуть было в тюрьму не посадили... за рукоприкладство к иностранному гражданину.

— Вася, как случилось, что ты иностранца побил?

— Там немец один пузатый и пучеглазый, седой весь... Останки его отца в том окопе нашли вместе с моим отцом... Засыпало их взрывом снаряда или мины. У отца в руке, как сказали мне поисковики, лопата саперная была... У немца — автомат ржавый... Наверное, сцепились они... Немец тот, ну, сын который, приехал забрать останки отца... Фашиста по медальону определили... У них в этом плане порядок был... Медальоны из нержавеющей стали... В Германию тот фриц повез своего гитлеровца... Какой-то начальник из местных познакомил нас... Вот, вы теперь, сказал он, друзьями стали, а отцы врагами были... Ну, добавил еще, какое, мол, трудное у меня было детство без отца. А немец и говорит: «Я, русишь есть отшень плехо питаться... Так не карошо делайт... Надо кушайт кольбас, шпик, брод, бутер...» Ну, тут я не выдержал... Ах, ты, говорю, гад! Мы из-за вас, гадов, ели драники из мерзлой картошки... Сволочь, говорю ему, ты фашистская! А он: «Найн, их ниht фашист! Ви есть оккупацион Крым...» Ну, тут я не сдержался, да как врезал немчуре по морде!. Международный скандал! А хороший памятник в Никольском тем солдатам поставили... Мы, сыновья, не посрамили честь героических отцов. Такой, вот незабываемый момент моего детства напомнил мне тот недобитый потомок фашистов. Дал ему в рыло, чтобы немчура помнила русский кулак и не рыпалась на Россию... □



Сумерки богинь

Да, это был вызов! Это было Служение! Никогда и никому не удавалось совершить ничего подобного. Я знал, знал, что не такой, как все, всегда это чувствовал! Я обязан был совершить нечто великое. Богиня призвала меня, она была нежна и сказала, что я должен сделать. Никаких сомнений — Она права, и другого быть не может. Я воспарил, понял, что в прошлый раз Она меня просто дразнила. Она ведь шутница — моя Богиня.

Человек обречен на страдания от самого своего рождения до конца и никогда не выйдет за пределы жалкого своего бытия. Обречен ли я на страдания? Буду ли мучить себя? Надо прислушаться, почувствовать, ровно ли бьется сердце. Если нет сожалений, горя — это знак того, что я выполнил свое предназначение.

Прекрасно. Да, выполнил. А что же теперь? Я сделал все, что хотела моя Повелительница? Сделал ли? И это все — так мало? Я готов к большему, готов к новым подвигам. То, что я сделал — великолепно, я сотворил чудо. Нет, не сам сотворил — с Ее помощью, но все же...

Кажется, я растерян. Не знаю, что теперь делать — как будто выполнил пожелания моей Госпожи, но не представляю, как мне жить дальше. Она не

Окончание. Начало в №12, 2023 и №1, 2024.

сказала... Не дала понять... Все знают — и никто ничего не знает. Все что-то понимают — и не понимают ничего. Это мой триумф, моя победа! О, как хочется, чтобы узнали все, тогда они посмотрят на меня другими глазами, поймут, что я не тот, кем они меня считают.

Но я должен молчать... Пока. Кто знает, может, настанет момент, придет время, когда...

Нет, я буду ждать указаний моей Госпожи. Она знает, что для меня лучше. Я буду преданно и верно ждать. Как всегда.

ГЛАВА 18

Петя не знал, сколько времени простоял он на коленях перед телом Кору. Все чувства его сначала были сметены горем, потом обострились до такого состояния, что он слышал, как под тяжестью предрассветной росы сгибались травинки, как мирно и спокойно гасли звезды, как легкий ветерок перебирал темные локоны, разметавшиеся по земле. Одного только не слышал молодой художник — биения сердца Кору. И сейчас он понимал, что слышал его каждый день с того первого дня, как познакомился с ней — все два года. А теперь это сердце молчало.

Горе охватывало молодого человека, наполняло его, проникало во все уголки души. Но вместе с ним пришло и другое чувство: он должен понять, что происходит, он должен что-то делать. Растерянность переходила в убежденность, скорбь породила веру. За пару часов Петруша повзрослел и превратился из мальчика в мужчину. Над телом возлюбленной он поклялся, что отомстит за нее, кем бы ни был убийца. Петя как будто умер вместе с Корой, а потом возродился, но это был уже не вчерашний гимназист, взиравший на мир восторженными глазами.

Душа его разбилась на множество осколков, и, сколько ни дано было прожить на белом свете Петру Десятникову, всю оставшуюся жизнь он будет собирать эти осколки, опираясь на силу духа. Эта сила выросла в нем так незаметно, как пробивается сквозь выжженную землю крошечный росток, потому что огонь не затронул семена, лежащие до поры до времени в ее глубинах.

Из общего хаоса начала складываться картина: в ней не было четких фигур, все было размыто, но одна, главная, проступала все более и более ясно.

— Цветы! Всегда цветы! — бормотал Петя, осторожно поправляя полевую охапку.

Выглядело так, как будто убийца, задушив жертву, сорвал все, что попало ему в руки, и осыпал тело девушки. Петя посмотрел на ладонь

Коры с крошечными царапинами от шипов розы. Могла ли она удержать цветок в руке? Конечно, нет! Убийца подобрал его и вложил в уже мертвые пальцы.

«Зачем он это делает? Это игра? Что он хочет сказать цветами? Доказать свою безнаказанность? Но нет, не будет по-твоему!» — подумал Петя, бросая последний взгляд на милое лицо Кору. Сейчас она казалась совсем юной, моложе своих двадцати трех лет — такая маленькая, хрупкая. Одинокая и беззащитная.

Он собрался с силами, даже проверил оставленную на краю поляны керосиновую лампу — по счастью, та погасла сама. Спускаясь вниз, пригладил волосы и почистил сюртук, насколько это было возможно. Он обязан быть хитрее и умнее своего врага, он сможет...

В участке дежурил городской. Он уже посматривал на часы, прикидывая, когда же придет смена, и удивился, заслышав чьи-то шаги в коридоре, а через пару минут увидел Петю. Юноша не стал мямлить, а сурово потребовал вызвать пристава. Городской хотел, было, поспорить, но посетитель прервал его:

— Еще одно убийство! Немедленно приведите пристава!

Полицейский решил, что барчук не стал бы шутить столь серьезными вещами, и отправился к дому Шахмурзиева. Участок он после некоторых колебаний не запер, уповая на то, что кабинет начальника закрыт надежно.

Шахмурзиев примчался, одновременно и отказываясь верить в произошедшее, и предчувствуя страшную правду. Увидев в участке Петю, пристав, грешным делом, подумал, что юный художник сошел с ума вслед за своим другом. Но эта мысль была тут же отброшена: очень внятно и толково Петруша объяснил, как и где он нашел Кору, описал место преступления. И только говоря о девушке, он дрогнул, сжал руки, но усилием воли завершил печальный рассказ.

Он же отвел на поляну полицейских. Шахмурзиеву достаточно было минуты, чтобы понять — убийца на свободе. Сколь странно ни вел бы себя Адам Желевский, он был надежно упрятан в Пятигорске, поэтому никак не мог задушить Кору. Настроение пристава было таково, что подчиненные старались держаться от него подальше. И только Петя не боялся его гнева, угрюмо стоял рядом и на резкие вопросы полицейского отвечал спокойно, хотя и несколько отстраненно.

После всех необходимых мероприятий, уже в участке, Шахмурзиев приказал подать им обоим крепкого чаю. Петя вежливо отказался.

— Где ваши друзья, господин Десятников? — спросил пристав.

— Не знаю. Я в пансион не возвращался. Возможно, спят.

— Так вы не видели их с...

— С десяти часов прошлого вечера. Мы поужинали и разошлись.

Потом Петя честно поведал приставу, что между Бореем и Корой вспыхнула ссора, после чего поэтесса ушла из дома и более не возвращалась. В котором часу он нашел тело и сколько времени находился на поляне, он мог определить лишь приблизительно. Отсюда вопрос о времени убийства Кору повисал в воздухе.

Стараясь не думать о грядущей встрече с градоначальником, Шахмурзиев задал свидетелю последний вопрос:

— Вспомните, вы никого не видели в парке, пока шли к... месту происшествия?

Петя поднял на него глаза и, старательно отгоняя от себя образ пьяного Сержа Павленко, тихо, но твердо ответил:

— Нет. Я никого не встретил. Было очень поздно.

Лгать молодой художник не умел, привычки такой приобрести не успел, и только внутренняя убежденность, что он поступает правильно, помогла ему совершить поступок, к которому душа не лежала.

Подчиненные пристава, которых он послал в пансион Ганемина, обнаружили Борей и Алкамена спящими в своих комнатах. Художник упал на кровать, как был — одетый, только скинул ботинки. Одежда скульптора аккуратно висела на вешалке. Они не протестовали, а отправились в участок, не задавая вопросов, не переговариваясь. Только Алкамен кинул в пространство:

— А где Петр?

На это полицейский буркнул, что распоряжений по поводу какого-либо Петра не поступало.

Петя не бросился навстречу друзьям, не забрасывал их сведениями, как обычно, а тихо сидел в коридоре, сжав руки на коленях. Его вид напугал Алкамена и Борей куда больше, чем серьезные лица полицейских. Они молча прошли мимо молодого художника в кабинет пристава.

Шахмурзиев прикинул, что допрашивать их по одному не стоит, а про себя сразу обозначил Петю как свидетеля. Опыт и житейская смекалка говорили ему, что юный господин Десятников на убийство не способен. Двое же его старших товарищей, по мнению пристава, были подозрительны. И если бы не памятная ошибка с Адамом, полицейский не преминул бы запереть обоих для дальнейшего выяснения всех обстоятельств дела.

— Ну, вот мы здесь? Что случилось? — хмуро спросил Борей.

На самом деле он понимал, что не шутки ради вытащил их Шахмурзиев из постелей. Алкамен просто смотрел на пристава, ожидая ответа. Тот обмакнул перо в чернильницу, хотя за столом сбоку сидел урядник, который вел все записи. Стараясь придать процедуре официальную строгость, на самом деле пристав терзался противоречивыми чувствами. Очередное убийство ударило по его самолюбию и откровенно напугало. Если будет

сорван круглогодичный сезон, виновным объявят его. Он до боли в пальцах сжал перо и решительно бросился в бой:

— Помнится, давеча я беспокоился о вашей... подруге, но тогда это оказалась госпожа Беркутова. Теперь же никаких сомнений быть не может — погибла именно та дама, которую вы называете Корой.

Повисло молчание. Борей пустым взглядом смотрел куда-то выше головы пристава. Алкамен откинулся на спинку стула и сжал зубы.

— Нет никаких сомнений, — повторил Шахмурзиев, наблюдая за реакцией подозреваемых, — поэтому прошу вас сообщить о своих передвижениях прошедшей ночью. И вообще... Что делали? С кем встречались? Начнем с вас, господин Бобров. Насколько мне известно, вы вечером поспорились с погибшей...

— Да. Но это не было чем-то необычным, мы часто ругались — и в столице, и здесь. Простите, я не могу в себя прийти... Кора действительно умерла?

— Как такое могло случиться? — с трудом выдавил Алкамен. — С Корой не могло произойти ничего плохого... Я не верю!

— Сожалею, господин Кондратьев. Сам был бы рад ошибке, а пуще того, если бы все это оказалось дурным сном. Но я своими глазами видел тело.

Алкамен закрыл лицо руками и тихо застонал. Борей будто окаменел.

Шахмурзиев что-то черкнул в своем блокноте и продолжил:

— Господин Бобров, убитую вы все называли Корой. Мне необходимо знать ее имя и фамилию.

— Я... Не знаю. Кора, и все, — растерянно проговорил Борей.

— Вы с этой дамой находились в, м-м-м, связи... Сколько времени?

— Четыре года.

— И не знаете ее настоящего имени, кто она, откуда?

Борей поднял на пристава налитые кровью глаза:

— Да, не знал. Сначала я был влюблен, и меня не интересовало ее происхождение. А потом... тоже не интересовало.

— Ее звали Ольга Алексеевна Федякина, — отвел ладони от лица Алкамен. — Она дочь разорившегося торговца, откуда-то из-под Саратова.

— Но Кора никогда не говорила о своей семье и не хотела, чтобы кто-то знал ее, как она выражалась, «земное имя». Как ты узнал? — с удивлением оглянулся на друга Борей.

Лицо Алкамена озарила светлая улыбка:

— Я к ней был привязан, по-настоящему привязан. Бедная Кора — она так старалась, чтобы никто не узнал ее фамилию — Федякина. Это ведь так пошло! И, насколько я знаю, никого из ее семьи уже нет в живых.

Шахмурзиев поморщился, как от зубной боли. Скульптор Кондратьев, именующий себя Алкаменом, питал к убитой нежные чувства. Не похоже,

что он ревновал ее к другу — этот мотив не проглядывался. А художник Бобров, называющий себя Бореем, девицу разлюбил, она его не интересовала, и никаких причин, чтобы избавиться от нее самым жестоким образом, у него тоже не было. Но, возможно, это лишь видимость? Кто их разберет — одно слово, богема!

— Возвращаюсь к заданному мной вопросу: господин Бобров, что вы делали прошедшей ночью?

Борей провел широкой ладонью по растрепанной шевелюре, рука его заметно дрожала.

— Меня мучила бессонница, настроение было паршивое, и я решил прогуляться.

— Где вы гуляли?

— Трудно сказать... — пожал плечами художник. — Просто бродил по парку, думал — устану, смогу заснуть.

— Может, вам кто-то встретился по дороге?

— Не могу сказать, не присматривался. Пару раз мне показалось, что за деревьями кто-то мелькал, тогда я сворачивал в другую сторону. Не хотел столкнуться с... Корой.

— А вы, господин Кондратьев?

Алкамен вздрогнул, очнулся от раздумий и ответил:

— Я? Да, я искал Кору, хотел успокоить ее и привести домой. Беспокоился о ней. Знаете ли, она такая... — Он замолчал, на глазах его выступили слезы. Кусая губы, скульптор уставился на портрет царя над головой пристава.

Шахмурзиев тянул время, делая вид, что чистит перо. Но он понимал, что вряд ли ему удастся вытянуть еще что-нибудь из обоих друзей. Да он и не рассчитывал на такую удачу. Но доложить о предпринятых мерах вышестоящему начальству надо, и у него, по крайней мере, есть пара подозреваемых — для начала уже неплохо.

— Ее задушили? — внезапно спросил Борей. — Так же, как... других?

Пристав насупился и неохотно кивнул.

— И роза? — Борей резко выпрямился на стуле.

— М-м-м, я не обязан...

— А нашел Кору наш Петр, — художник уже не столько спрашивал, сколько утверждал.

Алкамен потер подбородок и с горечью прошептал:

— Несчастный малый...

— Господа, — тяжело вздохнул Шахмурзиев, — вы остаетесь в городе под подпиской, за вашими передвижениями будут следить. И еще... Понимаю, что вряд ли удастся скрыть, но... Одним словом, прошу вас не болтать направо и налево...

— Джабраил Муртазиевич, — вскинулся Борей, — полагаю, мы не нуждаемся в напоминаниях, как следует...

— Идите, пожалуй, — устало махнул рукой пристав.

У него не было ни малейшего желания выслушивать патетические тирады. И, конечно, он бы и ползушки не поставил на то, что слухи о новом убийстве не расползутся по городу и окрестностям до полудня. Придав себе важный вид, Шахмурзиев забрал записи у подчиненного и его тоже отослал. Даже оставшись один, он не позволил себе дать выход досаде, а сосредоточенно стал готовиться к встрече с градоначальником. Все равно размышлять об убийствах у него не было сейчас сил. Но при этом он вовсе не собирался сдаваться, а тем более, предаваться отчаянию.

Петро встретил друзей холодно. Невозможно было не заметить, что он демонстративно избегает общения с учителем. Борей только тряхнул головой и быстро пошел вперед. Алкамен дружески потрепал Петю по плечу, выражая сочувствие. В ответ молодой человек посмотрел на скульптора взглядом, в котором отразилась вся боль. И не надо было ничего говорить — двум друзьям, которые любили Кору, и без слов было понятно, что каждый из них чувствует.

В пансион они, не сговариваясь, не вернулись: Алкамен хотел дать Борею возможность побыть одному, Петруша по-прежнему не желал сталкиваться с учителем. У молодого художника сложилась картина преступлений, он и хотел, и одновременно не хотел, чтобы бездна этого ужаса вышла наружу. Кое-что ему еще предстояло осмыслить, прежде чем он сможет встать со своим врагом лицом к лицу и бросить ему страшные обвинения.

Чтобы не бродить по городу, Алкамен тусклым голосом предложил пойти куда-нибудь. Он привык заботиться о младшем товарище, и сейчас видел, что Петя еле-еле держится на ногах. Они молча дошли до «Гранд-отеля», чтобы выпить на веранде по чашке кофе ...

Конечно, слухи поползли по городу еще до завтрака. Все, кто встал в это утро рано, не могли остаться в стороне.

Дея, уже некоторое время страдавшая бессонницей, не только сходила на утреннюю службу, но и завернула в нарзанную галерею. Врач посоветовал ей пить воду и больше ходить пешком. Мерцалов, хоть и жалующийся без конца на ужасное самочувствие, спал в своем номере сном младенца, и Дея строго велела прислуге не будить его. Впервые ей хотелось немного побыть одной: беззаветное служение кумиру может утомить и самую преданную жрицу.

Однако ей не суждено было вкусить душевного покоя. В нарзанную галерею уже проникла весть о новом убийстве. Сначала Дея не прислушивалась, бродя с кружечкой воды по мраморному залу, но потом разобрала, о чем переговаривались отдыхающие:

- Ах, говорят, это секта идолопоклонников...
- Преступник одержим страстью... Все убитые — красавицы!
- Нет-нет, он их только душит...
- Говорят, эта поэтесса была невероятно распущена!

— Она читала свои стихи совершенно обнаженной! Вы представляете!

Присев на скамью, Дея стала невольной свидетельницей разговоров и вскоре с ужасом поняла, что все обсуждают убийство молодой поэтессы. Металлическая кружечка упала и с грохотом покатила по мраморным плитам...

Она выбежала из зала и остановилась в растерянности, не зная, что делать дальше. И тут увидела, что на открытой веранде «Гранд-отеля» сидят Алкамен и Петя. Забыв обо всем на свете, Дея бросилась к ним, протягивая руки, как слепая:

— Господа! Умоляю вас! Я ничего не понимаю!

От аристократической чопорности генеральской вдовы не осталось и следа, она заплакала навзрыд, не обращая внимания на косые взгляды завтракающих постояльцев отеля. Алкамен вскочил и подал ей руку, помогая подняться по ступенькам. Его тронули открытые эмоции дамы, над которой он доньше насмехался.

— Прошу вас, Диотима Сергеевна, присядьте.

Но Дея сжала локоть вставшего при ее появлении Петруши:

— Петенька, скажите, это правда? Что же вы молчите? Это Кора, да? — Ее обычно колючие глаза смотрели так жалобно, по сероватым щекам текли слезы, которые она и не пыталась вытирать, а руки дрожали.

— Да, Диотима Сергеевна, Кору убили, — с трудом выговорил Петруша. — Задушили. Я нашел ее ночью в парке.

Дея рухнула на стул и прошептала:

— Боже мой! Что же это такое? За что? Та девушка из галереи, Елена Андреевна, теперь Кора!

— А еще госпожа Беркутова, — печально добавил Алкамен.

— Вы правы, Верочка — тоже. Не могу поверить...

— А я могу! — неожиданно сказал Петя, отодвигая от себя нетронутую чашку с кофе.

Алкамен с удивлением посмотрел на друга, Дея, лихорадочно искавшая в ридикюле платочек, при словах Петруши вскрикнула и прижала ладонь к губам:

— О чем вы, Петенька?

— О том, что... Мне все теперь ясно. Я понял там... когда смотрел на Кору. Все просто, вы не находите?

— Ты хочешь сказать, что знаешь, кто убил этих женщин? — откинувшись на спинку стула, удивленно спросил Алкамен.

— Да, — твердо ответил Петруша, — я совершенно точно знаю, кто и почему убивает.

Диотима провела языком по пересохшим губам, Алкамен пожал плечами и, нахмурившись, сказал:

— Тогда ты должен поделиться своими догадками с приставом.

— Я все расскажу... Но потом... Позже. Сначала я хочу поговорить с убийцей.

— Ты не думаешь, что это может быть опасно?

— Для него — да, — гордо выпрямился Петя.

— Какой ужас, ведь я должна буду все рассказать Валериану! — вдруг встрепенулась Диотима. — Как он перенесет ужасное известие?!

Петя и Алкамен не проявили ни капли сочувствия к будущим страданиям Мерцалова — они словно вели незримую беседу, понимая друг друга без слов:

«Ты уверен?» — «У меня нет сомнений» — «Этого просто не может быть» — «Я знаю, я видел, я понял» — «Возможно, возможно, ты прав, всегда было что-то странное» — «Попробуй посмотреть на все беспристрастно».

Диотима словно что-то почувствовала и засобиралась, ей надо было подготовиться к тяжелому разговору.

— Простите, друзья мои, я должна идти, — вздохнула она, поднимаясь.

И вдруг Петруша осторожно взял ее за руку:

— Диотима Сергеевна... Я хочу сказать вам одну вещь... Вы должны знать, это важно. Сегодня ночью я видел в парке вашего брата.

— Что?!

Сумочка упала с колен, застежка злобно лязгнула и откинулась. По полу рассыпались вещицы — милые пустячки, без которых дамы не выходят из дома. Дея не шелохнулась, вцепившись глазами в Петю. Алкамен нагнулся и подобрал все, осторожно складывая в ридикюль.

— Я правильно вас поняла? — еле шевеля губами, пробормотала Дея. — Вы видели Сержа, когда... когда погибла Кора? Но ведь пристав забрал его в участок предыдущим вечером. И я не хлопотала за него.

— Насколько я понимаю, утром господин Шахмурзиев его выпустил. Но я не знаю, как он провел день, а ночью... Да, примерно в то время, когда... Конечно, Сергей Сергеевич был пьян. Он спустился сверху, а потом упал около фонтана и, кажется, заснул.

Дея несколько раз вдохнула и выдохнула, как будто ей не хватало воздуха.

— И что же? Вы хотите сказать...

— Только то, что я не рассказал об этой встрече приставу. На то у меня есть причина. Вы не должны беспокоиться, господин Шахмурзиев ничего

не узнает, во всяком случае, от меня. Я хочу защитить вас, Диотима Сергеевна. Вы достаточно пережили, и добавлять вам страданий было бы жестоко. Но вдруг кто-то еще заметил вашего брата?..

Дея поднялась и гордо выпрямилась. Перед друзьями вновь стояла важная дама, поведение которой не может отойти от общепринятых правил.

— Благодарю вас. Мне очень жаль, но я не знаю вашего имени, — повернулась она к Алкамену, — а хотелось бы.

— Василий Степанович. — Обычно ироничный и язвительный скульптор казался пораженным.

— Вы очень мне помогли. Петенька, вы так юны и плохо знаете жизнь. Никогда не спешите с выводами. И, увы, не в ваших силах избавить меня от страданий... Вообще ни в чьих.

— О, мне хотелось бы защитить вас, сударыня!

— Да-да, в ваших благородных намерениях у меня нет сомнений. Но я... Ах, как я виновата! Перед всеми! А изменить уже ничего нельзя. Но теперь я знаю, что мне делать. — С этими словами Диотима, чуть качнув высокой прической под летней шляпкой, направилась к парадному входу «Гранд-отеля».

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Алкамен Петрушу. — Я — так ничего. Кроме одного: о Павленко надо немедленно сообщить приставу. Удивлен, что ты этого не сделал.

— А я, в свою очередь, удивлен твоему удивлению. Мне казалось, мы с тобой поняли друг друга. Хотя да, ты ведь не знал, что я встретил Сержа.

Алкамен аккуратно переставил чашки на столе: со стороны выглядело так, будто два приятеля наслаждаются утренним кофе, лениво обсуждая планы на день, и неожиданно спросил:

— Петро, что там было?

— Сам знаешь, зачем же спрашивать?

— Ты не понял меня, друг мой. Прости, что мучаю тебя, но этот Серж... Если он был в парке... Понимаешь, он ведь с самого начала мелькал где-то рядом, вспомни...

— Да, но я уверен, что он совершенно ни при чем. Зачем ему осыпать Кору цветами? А еще роза... Пристав только и ждет, чтобы попался кто-нибудь, кого можно смело обвинить в убийствах. Вспомни Адама. Мне неприятен господин Павленко, но это не повод, чтобы пустить полицию по его следу.

— Напрасно ты так думаешь. Шахмурзиев неглуп, он сумеет отделить зерна от плевел. Конечно, он может ошибаться, но признать свою неправоту у него хватит и ума, и смелости.

— Алкамен, я же не просто так, да ты и сам о многом догадываешься.

— Погоди! Не стоит говорить того, о чем можно потом пожалеть. У меня есть сомнения: отрывочные, непонятные для меня самого. Но... Петро,

прошу тебя, Расскажи мне все, что ты видел. Прости, что причиняю тебе боль, но это важно.

Петя провел рукой по лицу, то ли отгоняя видение убитой Кору, то ли, напротив, призывая его и ища в нем поддержки. А потом тихо, чтобы даже случайно никто не услышал его слова, поведал Алкамену все, включая и свои смутные ощущения и переживания.

ГЛАВА 19

Борей чувствовал, что друзья его избегают. Какими бы деликатными не выглядели их маневры, суть не ускользнула от художника. Отношение ученика неожиданно больно ранило. Вернувшись в пансион, он сел за стол, сжал ладони до боли и, уставившись в стену, постарался успокоиться. Получалось неважно.

Подозрения Шахмурзиева были для него не только открыты, но и понятны: такова работа полицейского. Борей горько усмехнулся, вспомнив, как возмущали его подозрения пристава в адрес Адама. А теперь вот ни капли не возмущают инсинуации в собственный адрес. И ведь он действительно виноват! Потому что мечтал избавиться от опостылевшей девицы, жаждал ее смерти! Никогда раньше Борей не размышлял о том, что есть грех, само слово употреблял только в шутку, ничего на свете таковым не считая. Иногда в спорах он мог немного порассуждать о том, что для истинного таланта не существует никаких моральных преград, публично заявлял о своем почитании ницшеанства, но на самом деле никогда не углублялся в философские дебри. И сейчас бесшумной змеей вползла мысль: «Сколько же за мной грехов? Хватит ли жизни, чтобы искупить их? Да и сколько ее осталось — этой жизни?»

Борей вдруг понял, что не злится на друзей. Оба — и Петя, и Алкамен — любили Кору. По-разному, но любили. Их объединило горе, и оно же отделило их от него. Наверное, осуждают его за то, что он был груб с ней, возможно, и за то, что разлюбил. Эх, да и любил ли ее когда-нибудь? Любил ли хоть одну из сонма женщин, черты которых давно канули в прошлое? Он с размаху ударил рукой по столу, чтобы хоть немного почувствовать боль, но... не почувствовал. Не ощущал ни горя, ни скорби, ни простого сожаления — только пустоту. Судьба Адама его волновала больше, отчуждение Алкамена и Пети, намного больше. Но почему? Как убийства сказались на жизни дружной компании и на каждом из них? Подумать было о чем...

Тяжелые мысли терзали и Диотиму. После разговора с Алкаменом и Петей она заперлась в своем номере. Когда к ней заглянула горничная, Кукушкина

отослала ее, бросив, что хочет отдохнуть, и вдруг усмеянулась своим словам: какой тут отдых, когда прахом пошла вся жизнь? И что теперь для нее имеет значение? Она мерила шагами комнату, прижав пальцы к тонким губам. Слезы высохли сами собой — такой груз лежал на сердце, что никакие слезы не могли его смыть.

В дверь постучали, и в номер проскользнул Серж. Резко отвернувшись к окну, Диотима процедила:

— Что тебе?

— Э-э-э, сестрица... Кажется, Валериан изволил проснуться...

— И что?

— Как что? — оторопел Серж. — Ему, чай, внимание требуется... Расстроены они-с...

— Хорошо. А тебе что?

— Так, сестрица... Ты же понимаешь...

Диотима глубоко вдохнула, но по-прежнему продолжала смотреть в окно. Повисло тягостное молчание, Серж растерянно мялся у двери, не зная, оставаться или бежать прочь.

Наконец Дея приняла решение. Она подошла к брату, положила сухую ладонь ему на лоб и долго смотрела в когда-то голубые, а теперь пересеченные красными нитями глаза.

— Серж, я все знаю. Понимаешь? Все.

— Откуда, сестрица? — облизнув губы, жалко улыбнулся Павленко. — Я ведь никому, даже приставу ни словечка. Но он, наверное, сам все понял.

— Почему ты так думаешь? Позавчера он тебя арестовал, а давеча утром выпустил. Что же он понял?

Серж замялся. Он не мог не почувствовать, что в сестре произошла разительная перемена.

— Так... наверное, Валериан ему рассказал.

Казалось, Диотиму уже ничто не могло поразить, но имя кумира бросило ее в краску.

— Валериан... знает? — прошептала она.

— Сестрица, я, ей-богу, не виноват! — залопотал Павленко. — Но ведь ради Валериана я это и сделал! То есть, он сам меня просил!

— О, Господи, что за бред! Не знаю, как ты его в это втянул, но... В твоей бедной голове все перемешалось. Не хватало еще, чтобы вся эта грязь коснулась Валериана!

— Но как ты узнала, сестра? А, наверное, тоже голоса слышала! А я ведь не так глуп, сразу понял, что тогда на плато ты стреляла. Пистолетик-то мой, уж я отличу, когда папенькин подарок «говорит». Даже пьяный узнаю, а в тот раз я как монашка трезвый был. Ты голос услышала или привиделось что? Сестрица, я же никому!

Диотима молчала, сжимая пальцами кружевное жабо. Потом вновь обратилась к брату:

— Послушай меня, Серж, теперь у нас с тобой есть тайна. Еще одна, понимаешь?

Павленко кивнул, преданно глядя ей в глаза.

— Но ни в коем случае нельзя втягивать в это Валериана!

— Так ведь пристав с ним уже говорил...

— Ничего страшного, не под протокол ведь они говорили? И без свидетелей. Мы с тобой должны... спасти его!

— Да? Ладно, сестрица, раз ты так говоришь... Что я должен делать?

— Иди к себе и напиши, что Валериан ни о чем не знал, а виноват только ты.

— А... Ну... Напишу. Но ты ведь понимаешь, как я устал? Помоги мне, сестрица! Я для вас с Валерианом все что угодно, так уж и ты меня не оставь.

— Хорошо, иди к себе и жди. Мне надо кое-что сделать, а потом... Потом ты получишь, что тебе надо.

— А-а-а, понял, душа моя, понял. Конечно, его надо оберегать...

— Оберегать? — не выдержала Диотима. — Ты говоришь так, будто не знаешь, что случилось!

— Когда? Что случилось?

— Будь у себя. Я скоро приду, — тихо повторила она. — И не забудь о признании.

Неловко поклонившись, Серж отступил к двери. Подождав несколько минут, Диотима тоже покинула апартаменты.

Но направилась она совсем не к Мерцалову. В «Гранд-отеле» один из номеров представлял что-то вроде кабинета, где постояльцы могли написать письмо, встретиться с поверенным, даже заключить сделку, провести деловые переговоры. Совет директоров отеля намеревался к началу круглогодичного сезона поставить там телеграфный аппарат. В это помещение дамы заходили редко, но генеральша Кукушкина нисколько не смутилась, написала записку и велела лакею отнести ее по адресу.

— Это к адвокату Карелину, мадам? — уточнил слуга.

— Да. Ответа ждать не надо, там даны четкие инструкции. И побыстрее, а то знаю я вашу нерадивость.

— Письмо будет доставлено незамедлительно, сударыня, — с достоинством ответил лакей.

Теперь Диотима была готова выполнить свой долг.

Шахмурзиев понимал, что в ближайшее время для него решится все. За свою карьеру он никогда не сталкивался с подобными преступлениями.

Как поймать злодея? Сколько убийств еще он может совершить? Единственно правильный ответ для пристава был только один — нисколько. Никто в городе не потерпит, чтобы полиция позволила убийце остаться на свободе. А для него — это последняя возможность доказать, что он не зря занимает свою должность.

Пристав не мог позволить себе предаваться отчаянию, да и не умел этого — жизнь не предоставила ему возможности приобрести такую привычку. Но и действовать, чтобы только пустить пыль в глаза, он не желал. И так уже немало дров наломал.

Отчет о последнем убийстве его удивил и, если не напугал, внес еще больше сумятицы. Ведь на первый взгляд никаких отличий от убийств Дарьи Сенцовой и госпожи Притокиной в смерти Кору не было. Однако при вскрытии доктор нашел во рту девушки маленький камушек граната. Как он туда попал, доктору было неважно, он лишь зафиксировал сам факт. Но Шахмурзиев сомневался, что Кора перед смертью сама положила под язык самоцвет. Значит, это мог сделать убийца?..

Кроме того, на теле последней жертвы нашли кулон с потайной застежкой. Пристав рассмотрел его после допросов «мушкетеров» и понял, что украшение было сломано. Несколько камушков зоркий городской нашел на земле неподалеку, и было понятно, что они представляли собой «начинку» кулона-граната. Их выломали и разбросали, но один оказался во рту погибшей девушки. Вторым отличием от первых двух убийств было то, что Кору задушили не просто руками. Как именно — доктор мог только предположить, но «явного соприкосновения рук убийцы с шеей жертвы — как несколько неуклюже выразился эскулап — обнаружено не было». Для пристава казалось важным обнаружить все сходства и различия в убийствах, но он боялся, что часть «признаков» могут оказаться попросту случайными, не относящимися к сути дела.

Шахмурзиев разложил на столе все записи — со дня убийства Даши Сенцовой. Протоколы допросов, свидетельских показаний — по большей части бестолковых и не вносящих даже малой толики ясности, свои заметки и впечатления от общения с разными людьми. Он понимал, что где-то здесь кроется если не ответ на вопрос, кто убийца, то, по крайней мере, нечто важное, какие-то сведения, на которые до сих пор он не обращал внимания.

Пристав прочел все еще раз и, признав свои упущения и предвзятости, попытался отринуть прежние свои представления. С чего теперь начинать? Шахмурзиев задумался: с самого начала он считал, что убийства как-то связаны со столичной компанией художников, но, восстанавливая цепь событий, отмел это предположение. Тогда ловили «кровника», и, скорее всего,

Даша случайно попала преступнику на дороге. Как-то сразу он решил, что у беглого абрека сдали нервишки — не вязалось это убийство с делами семейной чести. Вскоре абрека поймали, конечно, убийство девушки тот отрицал. Шахмурзиев проверил его слова. В полном смысле слова, алиби у «кровника» не было, хотя скрывался он ближе к Пятигорску, чем к Кисловодску. Но в обвинении не было смысла, поскольку Елена Андреевна была задушена уже после ареста абрека, а подозрения пали на Адама Желевского.

Мысли о несчастном поэте вызвали у пристава приступ мигрени. Офицерская честь требовала признать свою ошибку, и он ее признал: третье убийство произошло, когда поляк сидел под стражей. Может, Желевский совершил первые два убийства, а кто-то из его друзей — следующие, чтобы снять с него подозрения? Шахмурзиев сомневался, что на такое в этом мире кто-то способен — даже представители ненавистной ему богемы.

Не без тайных сожалений отвергнув эту сомнительную версию, пристав обратился к личностям жертв. Все женщины вращались в разных кругах, принадлежали к разным сословиям, и у всех было разное семейное положение. Замужняя Елена Андреевна, помолвленные Дарья Сенцова и госпожа Беркутова, свободная поэтесса Кора, которую бросил один художник, но любили двое других. На вопрос, что связывало всех погибших, мог ответить даже сторонний наблюдатель: все они так или иначе связаны с художником Ильей Бобровым.

— Да так ли это? — прошептал Шахмурзиев и потер шею под воротом мундира. Ему стало жарко, в горле пересохло.

Дрожащими руками он перебрал бумаги на столе. Вот оно — то, что было им упущено: протокол допроса Боброва после убийства актрисы Беркутовой:

«Да, я дарил вчера розу одной даме. Но это был не дар любви, скорее, глупая шутка. Особа, мною упомянутая, не вызывает не только восхищения, но и сколько-нибудь дружественных чувств, во всяком случае, у меня. Эта дама только прибыла в Кисловодск, и приехала она к господину Мерцалову».

— Что же это получается? — Впервые за все время проклятого дела пристав почувствовал, что появилась крохотная, но настоящая зацепка. — Почему я не обратил внимания на эти слова? Потому что не поверил господину Борею? Но если допустить — только допустить, — что художник сказал правду?..

Когда Петя завершил свой печальный рассказ, друзья долго молчали. Алкамен крутил в руках ложечку из сахарницы, а молодой художник не поднимал глаза от стола. Первым заговорил скульптор:

— Спасибо. Понимаю, чего это тебе стоило.

Петруша кивнул и тихо проговорил:

— Столько страшных событий за последнее время, все стало так запутано. И у меня не получается собрать мысли воедино. Есть что-то, что смутно беспокоит, но только я пытаюсь понять, что это, как накатывается новый кошмар.

— Но ты почему-то пришел к мысли, что... знаешь ответ. Почему?

— Цветы. У всех были цветы. Даже у Кору... Та самая роза. У Даши и у Елены Андреевны я тоже их видел. И у госпожи Беркутовой, как мы знаем, роза была.

— И все? Маловато для обвинений. А, впрочем... Алкамен замолчал и задумался.

Петя немного оживился и заинтересованно смотрел на друга. Тот вдруг вытащил из кармана своего аккуратного сюртука карандаш и стал что-то рисовать на белоснежной скатерти.

— Тебе надо сосредоточиться, — бросил он, резко черкая графитом. Кофейные чашечки жалобно зазвенели, подпрыгивая на столе. — Ты сам сказал, что видел три тела. Мы все что-то видели, но никто из нас не присутствовал, когда нашли госпожу Беркутову, так?

— Это так. О госпоже Беркутовой мы знаем только со слов... Борей, а он — от пристава...

— И тебя мучает вопрос: насколько можно верить обоим? — В голосе Алкамена послышалась нотка его обычной иронии.

— Да... Нет... Не знаю. О чем ты?

— О том, что о причинах смерти Музы великого Мерцалова мы имеем весьма скудные представления. Я тут записал, что нам известно, — Алкамен отодвинулся, освобождая другу место над расписанной скатертью.

Петя наклонился, рассматривая схематичные рисунки. Один из них изображал фонтан с аккуратной подписью «Даша». На некотором расстоянии от него — грот, сверху вензель «Е.А.» Над ними — деревья на поляне и изящно выведенное имя «Кора». Эти рисунки образовали круг, в центре которого Алкамен вывел «г. Беркутова». Ниже было написано: «самоубийство — почему?» Возле каждого женского имени была нарисована крошечная роза, все они были связаны между собой пунктиром.

— Понимаю, ты хочешь сказать, что между всеми убийствами есть совпадения. Роза, например, и то, что все они произошли ночью в парке.

— Не только. Есть и различия, неужели ты не видишь?

Петруша еще раз посмотрел на схему и кивнул:

— Никто не сомневался в том, как умерли Дашенька, Елена Андреевна и... Кора.

— Более того, друг мой. Ты сам видел, что их задушили. И пристав никаких сомнений по этому поводу не высказывал. Но он не так уверен в случае с госпожой Беркутовой. Почему? Значит, что-то не так, но мы не знаем, что именно. Возможно, и сам пристав точно не знает.

— Мне трудно судить, как происходят убийства, но есть вероятность, что не всегда все идет одинаково, — горько усмехнулся Петя.

— А что было одинаково, друг мой?

— Удушения... Да, что-то еще... Что-то ускользает...

— Ну, один момент я заметил: Даша, Елена Андреевна и Кора связаны с... — Алкамен помолчал, набираясь смелости, а потом продолжил: — С Бореем, так или иначе. У него с ними были отношения, или он бы хотел этого. Но не с госпожой Беркутовой, так ведь?

— Да, от нее он точно ничего не хотел.

— Именно. И розу подарил ей без всякого этакоего смысла, пыла и прочего.

— Но тогда надо быть честными — Коре он тоже розу не от любви в лицо бросил.

Алкамен смотрел на друга с сочувствием, а тот ежился, как от мороза.

— Да, ты прав. Но, согласись, чувства тут были. А актрисе он дарил цветок с совершеннейшим равнодушием. Меня другое беспокоит: почему одна из версий ее смерти — самоубийство? Ее не задушили, стало быть? Как ее нашли?

— Что-то в этом есть, Алкамен! — вдруг встрепенулся Петя. — Я никогда раньше не видел задушенных, но читал в книгах, что выглядят они... Ну, лицо синюшное, глаза открыты, язык выпадает...

— У Даши на лице я заметил красные прожилки, а у Елены Андреевны?

— Трудно сказать... Не то состояние было, чтобы обращать внимание на такие вещи. Но точно могу сказать: глаза были закрыты у всех. Они будто спали. И лежали так... Это звучит страшно, но... Все было красиво. Даша в фонтане — такая чистая, Елена Андреевна в гроте — шлейф платья разложен аккуратно, а Кора на той поляне... — Петя заморгал, прогоняя слезы, — как Спящая Красавица из сказки.

— Ты хочешь сказать, что... убийца потом приводил жертв в порядок, делал так, чтобы они выглядели, насколько возможно, привлекательно?

— Звучит как бред... Но ты прав. Понимаешь, словно бы убийца... Он ими любуется, что ли. Я скажу тебе странную вещь, Алкамен: он их любит! Ты сам понимаешь, что госпожа Беркутова подобных чувств не вызывала... ни у кого.

— Вот. Надо узнать, как ее нашли, можно ли говорить о сходстве?

— Было еще что-то. Все время крутится что-то... Я уже об этом говорил...

— Кому?

— Ему. Во время пикника наверху. Мы работали над этюдами и разговаривали.

— Но с тех пор погибли еще двое. И ты не вспомнил, что тебя беспокоило?

— Нет. Когда я нашел Кору, что-то мелькнуло, но я забыл... Прости, меня эти розы все время сбивают. Но я обязательно вспомню!

Алкамен потрепал Петю по плечу. Он часто так делал: когда Борей ругал ученика почему зря, когда над молодым художником смеялась Кора, когда тот попадал в неловкую ситуацию во время вечеринок и раутов столичной богемы. Но сейчас это было не просто сочувствие старшего товарища — это было глубокое понимание скорби.

— А знаешь, ты мне напомнил о той поездке, — вдруг оживился Алкамен. — Ведь там была интересная беседа с Мерцаловым. О правах творческой личности. Наш Валериан рассуждал о том, что художник имеет право выходить за рамки традиционной морали, что-то там о вдохновении... Сомнительные заявления от «величайшего поэта современности».

— Господин Мерцалов ради красного словца чего только не скажет, — слабо улыбнулся Петя, — и трудно понять, насколько он сам с собой согласен.

— Верно, друг мой. Но все же... Мы его воспринимали как фигуру комическую. Но кто знает, что в его голове творится? Представить его убийцей весьма затруднительно. Но он тогда даже госпоже Беркутовой возражал довольно горячо.

— Не убийцей — да. Сдается мне, что главное в жизни Мерцалова — благополучие его персоны. А убийство — это опасно. Страшно, в конце концов! Я не верю, что Мерцалов способен на это. Но все-таки как-то он с убийствами связан, по крайней мере, со смертью госпожи Беркутовой. И он так поглощен темой Красоты, Идеала... что мог как-то... вмешаться.

— Мерцалов, крадущийся в ночи и подглядывающий за «демоном смерти», или, того пуще, подстрекатель его! — с трудом подавил смешок Алкамен.

— Да, смешно, — задумчиво погладил скатерть Петя. — Или не очень? Столько всяких мелочей, что они путаются. А ведь какая-то система во всех смертях есть.

— Ты выделил розы, как общий признак, но это нам не слишком помогло — система не складывается. Вспомни еще какие-то детали, которые были в каждом случае. — Алкамен вдруг помрачнел и почти шепотом добавил: — Ведь ты единственный, кто видел все тела, кроме госпожи Беркутовой.

— Ты прав, — вздрогнул Петя. — Дашу мы видели в фонтане все вместе. Елену Андреевну нашли мы с Бореем, а до нас — Адам. Кору видел я один. Когда я ее нашел ... Не знаю, как объяснить, но сразу почему-то вспомнились Даша и Елена Андреевна.

— Ты сказал, что все они выглядели... красиво.

— Не только это. Были какие-то предметы, они все время мешались и казались неуместными, такими... неподобающими. — Петя крутил в руке пустую кофейную чашку, и в глазах его заблестели слезы.

— Это ты о чем? — спросил Алкамен.

Но Петя молчал, уставившись на стол, и он понял: молодой художник что-то вспомнил, но по какой-то причине не готов говорить.

— Ладно, — вздохнул скульптор, — я тут тоже обратил внимание кое на что, пока ты разговаривал с госпожой Кукушкиной. Думаю, нам надо посетить «Гранд-отель», может, увидеться с Мерцаловым. А потом, мне кажется, надо по поводу госпожи Беркутовой объясниться с приставом.

— На тебя это не похоже: до сих пор ты считал, что нам надо держаться от участка подальше.

— Времена меняются, друг мой, — с грустью проговорил Алкамен, утративший всю свою обычную шутливость.

Петя пожал плечами, но в пансион возвращаться не захотел — не чувствовал себя готовым встретиться с учителем.

Друзья пошли к «Гранд-отелю». Бывает так, что желаемого добиться трудно, и приходится преодолевать неожиданные препятствия. А бывает вдруг так, что в одно время и в одном месте сходятся все, кто нужен.

В вестибюле отеля Петруша и Алкамен застали суету, недостойную столь благообразного места. Горничные сбились в дальнем углу и шептались, работники более важного ранга выглядели сбитыми с толку. Пристав Шахмурзиев с двумя урядниками пытались навести порядок, убеждая всех вернуться к повседневным делам.

Петруша схватил за рукав юного лакея, тот хотел вырваться, но Алкамен помог другу и оттащил лакея за мраморную колонну. На вопрос, что случилось, тот сообщил, что скончался один из постояльцев.

— Очень жаль ту даму — госпожу Кукушкину, такая важная, богата-а-а-я... — махнул рукой лакей, а сейчас так убивается!

— Неужели умер ее спутник? — Петя и Алкамен переглянулись.

— Тот щеголь петербургский? Да нет, этот в полном здравии. Другой скончался — тот, что... не слишком... авантажный. А впрочем, все же брат — госпожа Кукушкина очень горюет.

Так «мушкетеры» узнали о кончине Сержа Павленко.

ГЛАВА 20

Слухи метались по городу, как живые кролики из развязанного мешка, и контролировать их было, кажется, невозможно. И не сама смерть, пусть неожиданная, такого человека, как Серж Павленко поражала, а обстоятельства, причем такие странные, что полицейские весьма быстро и ловко вытеснили из апартаментов всех зевак и прогнали с этажа. Но даже крохи сведений, ухваченные за несколько минут удачливыми свидетелями, казались достойными обсуждения и передачи далее с некоторыми добавлениями:

«Господин не просто умер, потому что оставил записку». «Брат генеральской вдовы написал письмо градоначальнику». «Господин покончил жизнь самоубийством, но перед этим написал письмо государю императору». «В письме были раскрыты ужасные тайны, о которых молчит полиция».

Поистине, при жизни несчастный Серж Павленко не достаивался такого водопада внимания, а его биография заинтересовала не только праздных обывателей, но и господ репортеров, особенно, когда выяснилось, что скончавшийся происходил из богатой семьи херсонских помещиков, а его сестра — очень уважаемая особа.

Пристав Шахмурзиев, вызванный в «Гранд-отель» самим управляющим, нисколько не переживал бы о печальной судьбе Сержа в иной ситуации. Поначалу из сбивчивых слов управляющего отелем он понял, что постоялец умер вроде от сердечного приступа. Но дурные предчувствия охватили его уже на входе в номер, отведенный Диотимой для непутевого братца. В эркере с окном стоял небольшой чайный столик и два кресла, а между ними, сжавшись, как ребенок, лежал Серж. Диотима стояла над ним скорбной статуей. Ее руки, которые она так часто сжимала в красивых, по ее мнению, жестах, были опущены. На тело брата она не смотрела.

У пристава сжалось сердце: мелькнула мысль о том, сколько всего случилось за такое короткое время, что смерть Павленко — меньшая, казалось бы, из всех горьких утрат — стала той соломинкой, что надломил гордую натуру Диотимы. Откуда же Джебраилу Муртазиевичу было знать, что все намного сложнее?

Пристав только собрался с силами, чтобы выразить даме соболезнования, как она без всяких вступлений сама обратилась к нему:

— Господин пристав, у меня к вам столь важное и неотложное дело, что я вынуждена просить вас выслушать меня прямо здесь и сейчас.

Удивленный Шахмурзиев согласился, и все, кто еще оставался в дверях, были выведены из номера.

— Я весь внимание, сударыня, — покосившись на тело Павленко, сказал он, про себя полагая не самым приличным вести беседу рядом с только что почившим.

— Должна сказать вам, что мой брат умер от слишком большой дозы морфина, — вздохнула Диотима и тут же вздернула подбородок: — Но тому была причина. И сразу признаюсь, Джабраил Муртазиевич, что... я знала о его намерениях. Более того, поддержала его решение.

Пристав сдвинул фуражку на затылок, чувствуя дурноту, хотя был крепким и здоровым человеком.

— Сударыня, однако... Вы меня, понимаете ли...

— Понимаю. Я вас шокировала. Увы, другого выхода не было, слишком много зла случилось за последнее время, и слишком много лжи сплелось вокруг... событий. К сожалению, на мне лежит страшная вина. Если бы знала наперед, что так будет... — Диотима вдруг пошатнулась, пристав деликатно отвел ее от тела брата и усадил на стул возле кровати. Сам осторожно присел на застеленную покрывалом постель — не до политесов.

Немного отдышавшись, Кукушкина смогла продолжить горькую исповедь:

— Вовек мне не искупить эту вину. Погибли молодые женщины, да еще этот бедный мальчик, Адам, — какое несчастье!

— К-хм, мадам, я ничего, признаться, не понимаю. Самоубийство вашего брата как-то связано с четырьмя убийствами?

— Да! Неужели вы так и не поняли? Мой брат их убил — вот вам правда! Почему, почему вы его не подозревали? Ведь он всегда оказывался рядом!

У пристава потемнело в глазах — такого обвинения он не ожидал.

— Так ведь все дамы были связаны с «мушкетерской» компанией! И откуда мне было знать...

— О, действительно, вы ничего не знали, и я вас ни в коем случае не обвиняю, простите мне секундный порыв. Увы, брат с юности страдал нездоровым влечением... к женскому полу. Я была младше, и от меня многое скрывали, но знаю, что батюшка немало сил потратил на то, чтобы замять... проступки Сержа. Боюсь, это и свело отца в могилу. Потом о брате заботился мой супруг, и, в конце концов, я узнала обо всех этих горничных, шансонетках, даже о приличных девушках, которые подавали жалобы на моего брата.

— Но жалобы — это одно дело, а, простите, убийства — совсем другое.

— Ах, я понимаю! Но ведь шло время, Серж все больше предавался своим слабостям, много пил... Последние годы стал употреблять морфий. И мне приходилось оплачивать все его траты. Он стал более жесток со своими... «юными феями», мне приходилось платить и за синяки и, да, за попытки удушения.

— Тем не менее, мадам, вы послали его в Кисловодск одного. Вы не подумали о том, что он может натворить дел?

— У него почти не было денег, я решила, что без них он никому не будет интересен. И всего лишь на неделю — мне надо было перевезти сюда Валериана... господина Мерцалова. Ох, боюсь, что именно отсутствие средств и возможностей так плохо подействовали на брата. Он помешался без морфия. Вероятно, наш приезд стал... как это называется?..

— Спусковым крючком, — буркнул пристав.

— Да, именно так. Насколько я помню, первая девушка погибла в ночь после нашего приезда. А потом... Я слишком была занята господином Мерцаловым, мало обращала внимания на брата. Вы представить себе не можете, как я сожалею! Но что же это я! Ведь Серж оставил признание — вот, извольте! — Диотима прошла к столу, обойдя тело, взяла листок бумаги и подала его приставу.

«Во всем виноват я, прошу господина пристава это учесть. Валериан ничего не знал, я сам все решил и выполнил. Простите меня» — и корявая роспись под этими словами. Прыгающие буквы, размазанные чернила говорили о том, что писавший очень нервничал. А ниже подписи приписка: *«Я убил их всех»*.

— Как я сказала, я вас не обвиняю ни в чем, господин Шахмурзиев. Случайно я узнала, что вы давеча утром выпустили Сержа из участка. Но ведь он не пришел в отель, мы с Валерианом даже не знали о его освобождении. А юный господин Десятников ночью, перед тем, как нашел... нашу Кору, он видел в парке брата, вам не сказал, но мне признался. Право, я не очень разобралась в его мотивах, но ведь он почти ребенок, чистое дитя!

Пристав сжал зубы и шумно втянул воздух. Ах, если бы «почти ребенок» сказал ему сразу о Павленко! Впрочем, надо быть честным: особенных улик против Павленко все равно не было. Джабраил Муртазиевич вернулся к неприятной теме:

— Насколько я понял, сударыня, вы с братом говорили перед тем, как... И он вам все рассказал?

— Без подробностей, конечно, — устало прикрыла глаза Диотима, — но признался совершенно во всем.

— А почему в записке упомянут господин Мерцалов?

— Ах, это так глупо! Прошу прощения, скорее, ужасно! Дело в том, что Серж вбил себе в голову, что поэзия Валериана направляет его к убийствам. Ничего подобного, конечно, не было, все это порождение больного сознания моего несчастного брата. В последние минуты жизни он испугался, что Валериана могут обвинить в... О, не знаю, в потакании, в призыве — что-то в этом роде. Когда мы объяснились, я без колебания поддержала решение брата уйти из жизни, сохранив хоть каплю достоинства. Вы понимаете, господин пристав, что я сейчас говорю с вами как с дру-

гом, а не как с полицейским. И официально ничего не подтверждаю. Хотя, конечно, скрыть то, что мой брат — тот самый убийца, скорее всего, не удастся.

— Боюсь, это так, сударыня, слишком уж громкое дело. Но если приложить предсмертную записку и заключение о самоубийстве, то я готов закрыть глаза на ваши слова о том, что вы буквально, простите, подтолкнули господина Павленко к... Ну, тут дело, так сказать, семейное, зачем о нем знать миру.

— Благодарю вас, — наклонила голову Диотима, — и понимаю, что позора не избежать... А господину Мерцалову вы ничего не станете предъявлять?

— Даже если бы и хотел, что я могу ему вменить? — развел руками Шахмурзиев. — Ведь многие слышали и читали произведения вашего протеже, но это не разбудило в них преступные наклонности. Что же, сударыня, мне осталось лишь просить вас разрешить вскрытие тела вашего брата, дабы официально установить причину смерти. Обещаю, что все будет сделано быстро. А вы, по моему скромному разумению, нуждаетесь в покое. Не пренебрегайте советом: обратитесь к доктору: иной за всю жизнь столько не перенесет, сколько пришлось вам за последнее время.

Пристав покинул номер и не видел, как Диотима обхватила голову руками и застонала, раскачиваясь из стороны в сторону.

Первым, кто его встретил в коридоре, был тот самый шустрый репортер, который рассердил его в день перевозки Адама в Пятигорск. Молодой человек был настроен решительно, и пристав подозревал, что он уже успел поживиться какими-то сведениями у отельной прислуги.

— Господин пристав, прошу вас подтвердить ужасные слухи, что скончавшийся постоялец был тем самым убийцей! — Шахмурзиев и рта не успел раскрыть, как писака выпалил: — Вы же не хотите, чтобы по городу поползли самые невероятные слухи? И это накануне начала круглогодичного сезона!

Однако Шахмурзиева трудно было подцепить на подобную приманку, его ответ был вежлив, но не позволял иных трактовок.

— Господин хороший, сейчас идет следствие — вот все, что я могу сказать. Иного мне закон не позволяет.

— Хорошо же, — прошипел репортер вслед приставу, — я вам еще покажу, вы у меня получите сенсацию! — Подняв воротник сюртука, он бодро направился к площади, от которой экипажи отъезжали в Пятигорск.

У Шахмурзиева и без щелкопера забот хватало. В своем кабинете он в очередной раз разложил все записи на столе, помня о той самой зацепке, связанной со смертью госпожи Беркутовой. Предсмертное признание Сер-

жа Павленко, безусловно, сильно облегчало приставу дальнейшие его действия, не говоря уже о том, что позволяло закрыть дело о страшных убийствах. Но некоторые моменты Шахмурзиева беспокоили, и весьма сильно.

Во-первых, он не сомневался, что Диотима несколько искадила ход событий, и был уверен, что смерть брата — ее рук дело. Не тот человек был Павленко, чтобы внезапно раскаяться в грехах и добровольно уйти из жизни. Скорее всего, госпожа Кукушкина каким-то образом вызвала братца на откровенность, пришла в ужас от содеянного им, а затем увидела лишь одну возможность сохранить крупицу респектабельности.

Осуждал ли Шахмурзиев — человек слова и чести — такой поступок благородной дамы? Понимая, что Диотима предложила брату слишком большую дозу морфина, пристав понимал и то, что доказать ему ничего не удастся, поэтому лучше оставить все, как есть.

Что ж, из всего узнанного выходило, что «мушкетерская» компания ни при чем! И Борей, как он себя называет, не убийца! Напротив, они все — пострадавшая сторона, учитывая их отношения с погибшей поэтессой, подозрения, не скрывающиеся самим приставом и его подчиненными, не говоря уже о несчастной судьбе молодого поэта. «М-да, дал я маху!», — нахмурился Шахмурзиев, размышляя, как теперь вести себя с молодыми людьми.

К тому же все записи по делу о смерти госпожи Беркутовой демонстрировали несоответствие остальным убийствам. Но пристав знал, что начальство на корню зарубит его сомнения, ведь в записке Павленко признает себя виноватым во всех смертях. Что делать — убедить вышестоящее начальство выделить убийство столичной актрисы в отдельное производство ему не удастся, но вот разобраться самому никто не мог ему помешать. К тому же, что греха таить, никогда столь сложных дел расследовать ему не приходилось.

Что же беспокоило его в смерти госпожи Беркутовой? Пристав уже не помнил, в который раз изучил протоколы и собственные наброски. Илья Бобров никакого отношения к актрисе не имел, более того, она ему даже не нравилась. И морфин не фигурировал в других убийствах. Но может быть убийца хотел что-то изменить? Ведь морфин, по словам Диотимы, у него водился. Вот и надумал, допустим, провести эксперимент. Тут пристав поморщился, как от зубной боли: что происходит в больной голове? Как мечутся мысли душегуба, заставляя его совершать ужасные поступки? На первый взгляд, никакой системы тут нет — как понять, почему Павленко просто задушил Дарью, Елену Андреевну и подругу художника, а госпожу Беркутову сначала опоил морфием, а потом задушил, причем не руками, а ее же шарфом?

Шахмурзиева тревожили сомнения, и он все больше понимал, что поделиться ими может лишь с теми, кого до сей поры видеть не хотел — с господами художниками.

Те, в свою очередь, больше не шатались по городу, а предпочитали сидеть в пансионе. Правда, Борей, чувствуя охлаждение друзей, свою комнату не покидал, а Петруша и Алкамен расположились в мастерской.

Наутро после смерти Сержа Павленко Петя, нахохлившись, сидел над остывшей чашкой чая, когда Алкамен принес газеты, пестрящие красочными подробностями. Скульптор бросил их на стол, сел напротив друга и тихо сказал:

— Вот все и закончилось.

Петруша оживился и набросился на свежую прессу. Алкамен наблюдал, как лицо молодого художника менялось, в зависимости от тона статьи и степени фантазии авторов. Просмотрев все, Петруша с возмущением отодвинул листы.

— Понимаю, — вздохнул Алкамен, — у меня тоже противоречивые чувства. И это совсем не вяжется с нашими... догадками и выводами. Но есть одно неопровержимое доказательство, на которое репортеры дружно ссылаются.

— Да, я заметил — якобы есть признание убийцы. Вряд ли бы газетчики осмелились на подобные намеки без оснований. Но только полиция знает правду.

Алкамен замолчал, крутя пальцами ложечку: его что-то беспокоило, и Петруша это заметил.

— Говори. Давай будем честны до конца друг с другом. Ты считаешь, что я ошибся?

— Н-н-не совсем, думаю, ошибся в некоторых моментах. Знаешь, как-то не складывается картина, и я боюсь, что у нас не один убийца.

— Что у тебя на уме? Говори! — не выдержал Петруша и от нетерпения даже топнул ногой.

— На уме у меня, друг мой, многое. Но, как я уже упоминал вчера, не хватает сведений. Их мы можем получить либо от пристава, либо от госпожи Кукушкиной и Валериана. Учитывая обстоятельства, я бы сделал ставку на его благородие.

Петруша вскочил, демонстрируя намерение немедленно бежать в участок, но тут в дверь мастерской кто-то постучал. Алкамен открыл ее и пропустил Шахмурзиева.

Трудно сказать, кто испытывал больше смущения: хозяева или гость.

Первым опомнился скульптор:

— Прошу вас, Джабраил Муртазиевич, мы рады вам.

— Да? Что же, мой визит неофициальный, и вы не обязаны...

— Оставим церемонии, времена не те, что давеча. Нам есть чем с вами поделиться, но кое-чего мы не знаем. Давайте сядем рядком да потолкуем ладком.

Петя скинул со стола газеты: печально шурша, те разлетелись по полу, но никто их не стал собирать. На столе же пристав и Алкамен, поглядывая друг на друга, разложили те записи и зарисовки, которым в последние дни уделяли столько внимания.

Вопросы Алкамена были, к некоторому удивлению Пети, связаны с ночными приключениями Борея и штабс-капитана Пичугина, арестом Сержа Павленко и последующим его освобождением. Ничего не скрывая, Шахмурзиев поведал о желании Мерцалова обвенчаться с актрисой, их переписке, связанной с необходимостью скрыть после гибели Верочки не слишком красивую историю от Диотимы.

В свою очередь, Алкамен показал приставу свою «схему» — ту, что нарисовал в кафе для Петруши. А Петруша честно сказал, что после убийства Кору практически не сомневался в том, что всех женщин убил его учитель. По сути, получалось, что Петя уверился в вине Борея именно тогда, когда Шахмурзиев начал в ней сомневаться. А предсмертная записка Сержа явилась последним доказательством, снявшим с художника все подозрения. Пристав признался, что считает нужным принести извинения, причем, не только Илье Боброву, но и его друзьям. Единственное, о чем не стал сообщать «мушкетерам» Джабраил Муртазиевич, так это об уверенности, что Серж Павленко не добровольно ушел из жизни — он дал слово Диотиме и нарушать его не собирался.

Конечно, возможность закрыть дело и передать начальству гладкий доклад душу пристава грела. Но собственная его роль, а также то, что злодей не был пойман полицией, а признался в преступлениях и ушел в мир иной — все это сильно огорчало. Потому возможность доказать бывшим подозреваемым служебное соответствие хоть в чем-то представлялась важной, и пристав рассказал об исследованиях доктора, об отравлении Верочки Беркутовой морфием и о том, что удушение в ее случае было лишним — доза оказалась смертельной.

— Потому и ходили слухи о самоубийстве? — спросил Петруша. — Она приняла морфий, а потом повесилась на своем шарфе, для надежности?

— Да, поначалу я так думал. Но потом оказалось, что госпожа Беркутова намеревалась связать себя узами брака с Мерцаловым. Сей господин у меня вызывает приступы ипохондрии, но вряд ли столичная, простите, мамзель дошла до подобного отвращения, чтобы в петлю, а не к алтарю! Ну и по записке Павленко выходит, что ее он тоже убил. По возможностям

и времени — совпадает. Мерцалов провожал невесту в ее гостиницу, а Павленко навязался к ним в компанию. По дороге он мог незаметно передать ей записочку с просьбой о встрече. Мерцалов говорил, что потом он вернулся в «Гранд-отель» и брата госпожи Кукушкиной больше не видел. Так что вроде бы и сомневаться не в чем.

— А морфин? — резко спросил Алкамен. — Получается, что морфин он ей подсыпал в кофе еще в отеле? В дозах, полагаю, Павленко разбирался, коль сам употреблял долгое время. Значит, понимал, что актриса обречена? Зачем тогда вызывать ее в парк и душить?

— А меня другой момент беспокоит! — Петруша впервые после гибели Кора немного оживился. — Мы все заметили, что актриса терпеть не могла господина Павленко, и, думаю, он последний человек, к которому, борясь со сном, госпожа Беркутова побежала бы ночью на встречу.

Пристав в душе был согласен с аргументами художников, но, справедливости ради, возразил:

— По совести сказать, юноша, это относится ко всем дамам. Допустим, что вашу подругу Павленко увидел ночью случайно и не смог бороться с диким порывом. В случае с госпожой Притокиной можно предположить нечто подобное. Но Дарья Сенцова из семьи со строгими правилами, она ночами по парку не бегала, значит, как и госпожу Беркутову, ее выманили из дома. И я очень сомневаюсь, что послание от такого человека, как Павленко, могло на нее подействовать. А также не могу себе представить, что мадемуазель Кора и такая дама, как Елена Андреевна, увидев приближающегося к ним из темноты Павленко, спокойно стояли бы на месте. А ведь ни одна из женщин не пыталась бежать, их прически не растрепаны, криков никто не слышал — а фонтан и грот довольно близко от жилых домов. Стало быть, у злодея подход к ним имелся! Боюсь, нам теперь никогда не узнать. Уж не гипнозом ли он владел — видал я как-то, что с людьми от него делается! Так что ваш вопрос, господин Десятников, не исключает актрису из всех убийств.

— Вы правы, господин Шахмурзиев! — воскликнул скульптор. — А вот морфий — это особенность, так? Морфий был в кофе актрисы, от него скончался Павленко... Здесь совпадения не случайны, так?

Алкамен и пристав так увлеклись, что не заметили, как в проеме двери мастерской вырос Борей, но Петруша увидел учителя и помрачнел.

— Так к чему вы ведете, господин Кондратьев? — Пристав позволил себе расстегнуть верхнюю пуговицу кителя. — Похоже, мы в одном направлении думаем?

Алкамен быстро написал на листке тетради имя и подвинул ее Шахмурзиеву. Тот резко вырвал лист из тетради скульптора, его же карандашом тоже написал имя и подвинул оба листка Петруше:

— Читайте, господин Десятников, кто убил актрису.

Молодой человек перевернул листки, прочитал и выкрикнул:

— Этого не может быть! Я не верю! Вы оба считаете, что госпожу Беркутову убила Диотима Сергеевна!

ГЛАВА 21

На некоторое время в мастерской повисло молчание. Потом Борей с шумом отодвинул стул и сел за стол рядом с приставом.

— Вот, значит, как, — тряхнул он растрепанной гривой волос, — а я-то был уверен, что актрису убил другой человек. И тоже не тот, что задушил остальных. Но почему вы обвиняете госпожу Кукушкину? Я что-то пропустил?

Алкамен простер руку в сторону пристава, предлагая ему первому обосновать подозрения. Шахмурзиев коротко привел доводы: Диотима каким-то образом узнала о тайном сговоре своего кумира и бойкой актрисы. Обвинить Мерцалова, тем более оставить его, влюбленная дама не могла, так что проще убрать соперницу. Пристав был свидетелем того, что Диотима доставала и приносила морфий брату — сцена в участке и странный разговор о ком-то и или о чем-то, без чего Серж Павленко жить не может, заняла свое место в общей картине. Шахмурзиев был уверен, что госпожа Кукушкина могла доверить брату лишь снятие номеров в отеле — не более того. К тому же она общалась с полицейским и знала некоторые подробности убийств Даши Сенцовой и Елены Андреевны — однако далеко не все. Отсюда несовпадения и особенности, которых не было в других убийствах. Трех женщин мог задушить мужчина, причем достаточно сильный, женщине вряд ли бы это удалось. Верочка была молода и здорова, потому представительнице слабого пола необходимо было ее усыпить. Душить шарфом, обмотанным вокруг шеи, заснувшую от морфия актрису было сподручнее.

Петруша никак не мог в это поверить, хотя даже Борей признал, что у Диотимы были и возможности, и мотив.

— Так выходит, что Павленко убил Дашу, Елену и Кору в состоянии помутнения рассудка. А актрису убила его сестра — хладнокровно и расчетливо, если не считать помутнением рассудка ревность. Но доказать это мы не сможем, — подвел итог Борей. — Полагаю, ваше благородие, вы и пытаться не станете?

— Ох, сколько всего произошло! — вздохнул Шахмурзиев.. — У меня под носом открыто душегуб ходил. А я вашего друга... М-да, совесть моя нечиста. После этого идти к начальству с обвинениями такой дамы, как Диотима Сергеевна, равносильно самоубийству. Да и выводы наши с вами, признаться, не опираются на доказательства.

«Мушкетеры» переглянулись. Петруша вспомнил, как плакала в церкви Диотима, как она изменилась после гибели Верочки, какой выглядела раздавленной и страдающей... Но он дал себе слово, что более не станет судить о человеке так поверхностно и легко, как судили они о покровительнице Мерцалова, потому не спешил ринуться с головой в новую версию — для него доводы выглядели зыбкими.

Шахмурзиев посчитал, что выполнил свой долг перед «мушкетерами» и доказал, что способен признать себя неправым. Самим же художникам, кажется, стоило выяснить отношения — приставу было ясно, что Петруша считал убийцей Борея. Похоже, что ни посмертное признание Павленко, ни уверенность полицейского так и не убедили юношу, и его сомнения пока не развеялись.

К тому же пристава ожидало составление отчета, а «бумагомарательство» не было сильной стороной Джабраила Муртазиевича. Он как раз откланивался, когда во дворе пансиона послышались голоса, перекрываемые хорошо знакомым баритоном. Алкамен распахнул дверь, и в мастерскую ввалился Мерцалов.

Валериан сейчас совершенно не походил на самого себя — ухоженного и светского человека. Он был растрепан, без галстука, а под кое-как накинутым плащом белела мятая сорочка. Он ворвался к художникам, отбиваясь от прислуги пансиона, которая дружно приняла его то ли за пьяного, то ли за сумасшедшего.

— Нет! — вопил Мерцалов. — В участке мне сказали! Оставьте меня в покое!

Увидев у постояльцев самого пристава, горничные и лакеи отступили, а Валериан упал на стул и зарыдал.

— Вы знаете?! Вы слышали?! Это какой-то злой рок, я проклят! О, моя Муза, о-о-о, моя ученица! Кору тоже убили! Убил Серж, а теперь и он мее-ертв! Что мне делать?

— Послушай, Валериан, — поморщился Борей, — зачем ты пришел? Пойди к госпоже Кукушкиной, она тебя успокоит...

Мерцалов посмотрел на художника с невероятной тоской, но подвывать перестал и заговорил почти нормальным голосом.

— Как, вы ничего не знаете? Вы не слышали, что случилось?

Шахмурзиев покачнулся, схватился за сердце и выдавил из себя:

— Боже мой, что с Диотимой Сергеевной? Она... жива?

Валериана эти страшные слова, как ни странно, привели в чувство. Он выпрямился на стуле, гордо откинул голову назад, возвращаясь к барским замашкам, и холодно процедил:

— О, да, что бы вы там себе не вообразили, физически она здорова. Она меня покинула, вот что случилось!

— Что говорит и о душевном здравии тоже, — едко усмехнулся Алкамен.

— А вот это, сударь, очень сомнительно! — Валериан достал из внутреннего кармана пальто два пакета — один из них был запечатан, а второй надорван — и протянул целый Петруше, чем немало удивил остальных.

— Вот, извольте-с, молодой человек, это Дея написала для вас. — По влажневшими глазами он перевел взгляд на вскрытое письмо. — А это оставила мне.

Дрожащими руками Петруша схватил конверт и отошел к окну. За ним, не скрывая интереса, потянулись Борей и Алкамен. Шахмурзиев решил дожидаться известий и сел напротив Валериана. Поэт, будучи в расстроенных чувствах, перечитывал свое послание, шевеля губами.

Петя же прочитал письмо Диотимы вслух.

«Дорогой Петенька, вы — добрый и порядочный человек, и, несмотря на ваш возраст, я доверяю вам стать одним из моих душеприказчиков. Вторым душеприказчиком назначен господин Карелин — известный адвокат, о котором я имею самые положительные сведения.

Вы знаете, что я весьма состоятельна, и с материальной стороной жизни знакома неплохо — этому меня обучили и отец, и супруг. Сейчас настал тяжелый момент, и я выбираю путь, о котором еще совсем недавно и подумать не могла. Петенька, не осуждайте меня! Не знаю, почему, но для меня важно, чтобы именно вы не думали обо мне плохо. Сейчас уже широко известно, что мой брат — преступник, убийца, лишивший жизни женщин. Отчасти в этом виновата его природа, но и своей вины я не скрываю, ибо вслед за несчастными родителями потакала его слабостям, прикрывала его проступки, оплачивала все его выходки! Быть может, отдай мы его под суд, как он того заслуживал за куда меньшие грехи, пройди он через испытания, не пал бы в страшную бездну. В любом случае, за мной грех, искуплению которого я теперь и посвящу остаток жизни.

Долгие годы моя семья поддерживала финансово женскую обитель в далекой губернии — такова традиция, установленная нашим прадедом. И теперь я отправляюсь туда, чтобы стать скромной и, безусловно, недостойной такой чести монахиней. Будучи слабой в сердце своем, не могу проститься с Валерианом, как должно, потому убегаю в ночи, чтобы не поддаться искушению и не остаться с человеком, которого безмерно люблю. Знаю, что мое решение — после всех ужасных событий — может надломить Валериана. Ах, он столь нежен душой и далек от грубых обычаев реального мира! Но он — творец, а потому, верю и надеюсь, восстанет из пепла, чтобы жить и дарить миру Поэзию.

Свое состояние я делю на три части. Первая отойдет обители, которая примет меня в свое лоно. Вас же я назначаю опекуном другой части, кото-

рая должна быть направлена на излечение вашего бедного друга — Адама Желевского. Знаю, вы бы не бросили его, но, надеюсь, средства, которые я оставляю под ваше попечительство, помогут юноше вернуться к жизни и творчеству. Говорят, новые методы хоть и необычны, но буквально творят чудеса. Найдите лучших во всем мире врачей, лучшую в мире лечебницу, но спасите Адама!

Третью (и признаться, большую) часть я оставляю Валериану. Деньги помогут ему не знать трудностей, которые подстерегают непрактичного литератора. Но эту заботу я оставляю адвокатам, а также фирме, которая занималась средствами моей семьи ранее.

С вами свяжется господин Карелин и объяснит, что надлежит делать, окажет юридическую помощь, дабы бремя, возложенное на вас, не оказалось слишком тяжелым.

Мне же остается закрыть за собой все двери, забыть о мире (чего я жажду всей душой) и посвятить себя служению Богу. И мечтать лишь о том, чтобы Он простил мне великий грех, а также все остальные прегрешения.

Прощайте, мой добрый мальчик, да хранит вас Господь!

Ваша недостойная Диотима Кукушкина, коей покамест остаюсь до момента, как доберусь до обители и приму постриг».

Последние строки письма Петя прочитал, борясь с подступившими к горлу слезами. Борей и Алкамен тоже казались потрясенными трогательными словами Диотимы. Шахмурзиев то и дело качал головой, закусив нижнюю губу. Никто не нашелся, что сказать, пока скорбное молчание не прервал Мерцалов:

— И что вы теперь скажете?! Что же мне делать?

— Прежде всего, сударь, уважать выбор Диотимы Сергеевны, — сухо ответил пристав.

— Вы не понимаете! Меня никто не понимает! Как жить, куда мне теперь идти?!

Петруша еще раз перечитывал письмо и ничего не слышал, Борей смотрел в сад, и только Алкамен нашел, что ответить поэту.

— Тебе, Валериан, как раз не о чем беспокоится: Диотима Сергеевна сделала все, чтобы твоя жизнь текла легко и беззаботно. — Он взял из руки Мерцалова записку Диотимы и, не стесняясь, прочитал:

«Друг мой Валериан! Не смею молить тебя о прощении, ибо прощения мне быть не может. Более всего я бы хотела остаться с тобой, но это было бы неправильно. Не хочу, чтобы тебя коснулась вся грязь, связанная с убийствами, с тем, что Серж оказался так близок к тебе. Не хочу, чтобы твое имя ставили рядом с моим — именем сестры преступника. Милый Валериан, живи, твори — твой талант должен засверкать всеми красками. Ты больше никогда не будешь знать нужды, а про нашу связь мир забудет

очень скоро. Будь счастлив и вспоминай иногда свою бедную Дею, которая любила тебя и мечтала лишь о твоём благе.

P.S. С тобой свяжется господин Карелин, и все объяснит. Будь добр, передай запечатанное письмо Петру Десятникову в пансионе Ганемина».

— Какая женщина! — прошептал скульптор. — Как же мы все ошибались! Борей резко отвернулся от окна и произнес:

— Да, словно мы все смотрели на картину, а потом кто-то невидимой рукой начал стирать верхний слой. Композиция та же, те же персонажи, но как все изменилось! Ничтожный пьяница, на которого еле обращали внимание, оказался коварным убийцей. Комичная матрона — благородной дамой, пусть и совершившей злодеяние. А мы? Адам, о котором чего только ни воображали. А я? Петро мной восхищался, а теперь бежит, как черт от ладана. Господин пристав то порочным прожигателем жизни почитает, то и вовсе демоном в облики человека. Что с нами стало? Но я все же считаю себя виноватым во всех смертях, кроме, пожалуй, госпожи Беркутовой. Боюсь, мсье Серж убивал именно тех, кого считал «моими», вроде бы отнимал у меня «богинь». Поверьте, я не стараюсь обелить себя и облегчить совесть — эта вина останется со мной до конца. Вы не представляете, на что я готов! — Осунувшееся лицо Борей неожиданно осветила улыбка — слабая тень былых его шуток. — Я даже готов позаботиться о Валериане, вот вам! Давай-ка я отведу тебя в отель, там тебе окажут помощь.

Он осторожно поднял за локоть Мерцалова, одернул на нем пальто и, приобняв за плечи, вывел из мастерской.

Петруша отдышался, аккуратно спрятал письмо Диотимы в нагрудный карман жилета и вдруг обратился к Шахмурзиеву.

— Джабраил Муртазиевич, наверное, я не имею права, но... Нам отдадут вещи нашей Коры? Я бы хотел что-нибудь взять на память.

— Да, я тоже, — поддержал его Алкамен.

Пристав вспомнил о докладе доктора и том, что ничего не сказал «мушкетерам» о камушке во рту Кору. Это являлось отличием от других убийств, хотя в свете признания Павленко значения уже не имело.

— Разумеется, господа. Так как родственников у... мадемуазель Кору нет, вас можно почитать таковыми. Но, к сожалению, убийца зачем-то испортил кулон, который был на ней.

— Да, я помню, — кивнул Петя и положил руку на плечо друга: — Это тот, что ты ей подарил перед... Там была потайная застежка, которая откидывала крышечку. Зачем-то убийца вырвал из кулона камешки граната. Наверное, в своем безумии он разбросал их по поляне, но было темно, и я их не видел.

Тут Шахмурзиев поведал молодым людям о том, что один из камешков доктор при вскрытии обнаружил во рту задушенной девушки. Реакция Пе-

ти оказалась для него более чем неожиданной. Сначала тот заметался по комнате, натываясь то на стулья, то на разбросанные холсты, потом набросился на пристава, молотя его кулаками по плечам.

— Вы!... Молчали!... Вы должны были сразу сказать!... Как только пришли!.. Это очень важно! Помнишь, Алкамен, я говорил, что есть какие-то детали, которые у меня в голове крутятся, но ускользают? Так вот она — деталь! Господин пристав, вы греческую мифологию помните?

Вопрос этот произвел на пристава даже более сильное впечатление, чем припадок ярости юноши. Он вконец растерялся.

— Э-э-э... Как вам сказать? Греческая мифология, видите ли, не входит...

— Но хотя бы поверхностно? Вы помните, как Аид похитил дочь Деметры, Прозерпину?

— Да, что-то такое... припоминаю.

Но Петруша уже оседлал любимого конька.

— Деметра — богиня плодородия, а Прозерпина, ее юная дочь, стала женой Аида в подземном царстве. Но Кора и Прозерпина — это одно и то же, согласно всем источникам. Прозерпина так просила мужа отпустить погостить ее к матери, что Аид смилостивился и разрешил ей жить полгода на земле, а полгода с ним под землей. Для этого он...

— Да, — наконец пристав вспомнил, о чем речь, — конечно! В рот жены он клал зернышко граната! Вот к чему вы ведете, сударь мой. Неужто вы хотите сказать, что... Девушку забрал этот самый Аид? Я в том смысле, что убийца вообразил себя Аидом? Ох, так теперь же его не спросишь!

— Дело не только в этом. Алкамен, дай, пожалуйста, схему, что ты нарисовал!

Скульптор молча протянул другу истрепанную салфетку, и они с приставом склонились над ней.

— Смотрите: вот парк. Вот фонтан, в котором нашли Дашу. Джабраил Муртазиевич, а ведь я кружечку там нашел — вспомните.

— Э, сударь, мало ли что там валялось! Кто-то воду пил, да поленился вернуть в галерею.

— Да, так и кажется. И я бы так подумал, но теперь посмотрите сюда! — Петя ткнул карандашом в изображение грота. — Здесь нашли Елену Андреевну, а на полу стоял небольшой фонарик со свечкой. Я еще Борея спросил, он ответил, что никакого фонарика там не видел. Значит, кто-то его принес и поставил рядом с телом. Да-да, согласен! — опередил возражения полицейского Петруша. — И это тоже можно было бы принять за случайность. Но зернышко граната, согласитесь, — тут уж кроме убийцы, никто не мог вмешаться. И это все ставит на свои места!

— Эх вы зачистили! — крикнул пристав. — Про зернышко я понял — Прозерпина, она же Кора. А в других случаях что?

— Как вы не понимаете? Алкамен, ну, ты-то видишь?

Скульптор подумал и кивнул:

— Ты хочешь сказать, что убийца следовал логике мифов?

— Конечно! Даша в фонтане, рядом — кружечка, в которой она подавала воду в галерее. Даша — юная и прекрасная. Убийца такой ее навсегда оставил в памяти — вечно юной, разливающей нектар. Даша — это Геба!

— Даша — богиня Геба? — потряс головой Шахмурзиев. — Петр... простите, отчество запомнил... Как такое возможно? Даша была простой девушкой, работницей нарзанной галереи. Какая тут богиня?

— Такой ее увидел убийца!

— А знаете, ведь Серж Павленко что-то такое говорил о ней, я помню, — оживился Алкамен. — Как же он сказал... «Юная богиня — вот, как я ее называю».

— Именно так. Теперь Елена Андреевна. Китайский фонарик — да уж, убийце пришлось проявить фантазию. А грот — своего рода храм, в котором чистая богиня может не бояться, что ее честь будет нарушена.

— Госпожу Притокину убийца тоже сделал богиней? Но какой? — Пристав путался в метафорах и мифологических аналогиях.

— Я тут не совсем уверен, — вздохнул Петруша, — но выходит так, что фонарик со свечой — это символ богини Гестии.

— Богини домашнего очага? Но разве Гестия не была целомудренной? — удивился пристав. — Елена Андреевна же дама замужняя, да и с вашим учителем она... гм...

— Очевидно, таким образом убийца «спасал» свою богиню, — пробормотал Петруша, — он «увидел» в Елене Андреевне Гестию, но его богиню замарали. Во всяком случае, в фонарики античные греки помещали огонек от алтаря Гестии в родном полисе, если отправлялись в путешествие. И очень плохой приметой считалось, если в пути огонек сохранить не удавалось...

Вдруг Петруша замолчал, широко открытыми глазами всматриваясь в листок, а затем прошептал:

— Он их спасал... он их любил...

Алкамен с приставом переглянулись, и Джабраил Муртазиевич, покачивая головой, открыл рот, чтобы высказать мнение о психическом состоянии Петруши, но не успел.

В мастерскую ворвался Борей, размахивая вечерним выпуском газеты.

— Нет, вы только послушайте! — Как вам такой заголовок: «Признания подозреваемого господина Желевского. Читайте в следующем выпуске! *«Всех женщин убил я, выбираясь ночью из темницы. Я переносился туда, где меня ждали мои девы! Не верьте признаниям Павленко — он убил лишь себя и присвоил мои деяния!»* Читайте большую статью в следую-

щем номере. Наш репортер смог поговорить с Адамом Желевским. Почему полиция прячет его в Пятигорске? Кто настоящий убийца?»

Борей бросил газету на стол и возмущенно выпалил:

— Что вы намерены предпринять, господин Шахмурзиев?

ГЛАВА 22

Городской голова Кисловодска проявил немалую выдержку и житейскую смекалку. Первым его желанием было, конечно, стереть в порошок и репортеришку, и газетенку, намеренно раздувающую скандал. Впрочем, это желание он разделял с приставом Шахмурзиевым и другими важными лицами города. Но что бы это дало накануне открытия первого круглогодичного сезона? Когда пристав пришел в управление, градоначальник, тоже прочитавший анонс, уже «выпустил пар», принял успокоительные капли, поэтому в отличие от разгневанного Джабраила Муртазиевича смог встать на путь рационального осмысления событий. Ему удалось убедить пристава не рубить с плеча, а попытаться извлечь пользу из скандала, ведь, в конце концов, настоящий убийца установлен, отдыхающим бояться нечего. Главное, на что сделал упор градоначальник, — это то, что Шахмурзиев должен предоставить настолько убедительный отчет об убийствах, чтобы комар носа не подточил. Тогда общество воспримет статьи журналистов как некие романтические фантазии для развлечения скучающей публики.

В подобной ситуации приставу ничего не оставалось, как отступить. В масштабах империи это, вероятно, являлось делом привычным, но в тихом курортном местечке Шахмурзиеву и его предшественникам удавалось годами доказывать, что полиция недаром ест свой хлеб. Так что все рассуждения о совпадениях и различиях в убийствах женщин отступили для него на второй план, а изыскания молодого художника и вовсе выглядели блужданиями в темном лесу. Надо объяснить, как орудовал Серж Павленко, закрыть дело, и в архив! И конечно, найти газету, которая бы расписала всю историю подробно, растолковывая читателям, почему именно господин Павленко убил четырех молодых красавиц. А видел он в них богинь, нимф или грешниц — кто ж его разберет? Да и надо ли копаться в этой, с позволения сказать, ахинее почтенному чиновнику, инженеру или военному, прибывшему на курорт здоровье поправить?

Так жребий решил, что все усилия пристава Шахмурзиева в последние два дня перед началом круглогодичного сезона должны быть направлены на дела официальные. И честный служака старался задавить червячка сомнений, хотя и дал слово вернуться к проклятому делу — для осмысления нового опыта, как он уверял сам себя.

Но «мушкетеры» не были связаны делами службы, кроме того, журналистские искания напрямую задевали их несчастного друга. Борей бушевал так, что напугал весь пансион, и грозил газетчику отнюдь не карами небесными. Алкамен пытался остановить художника, убеждая, что громовые обещания физической расправы могут позже стать свидетельствами против него, но быстро бросил это бесперспективное занятие. И оба старших товарища не сразу заметили, что Петруша не проявляет никакого интереса к новой попытке выставить Адама убийцей.

Впрочем, Борей, понимая, что ученик считал его злодеем, осознанно не донимал Петрушу — но не от обиды. Он хотел, чтобы молодой человек сам разобрался во всех доказательствах, без его давления. Алкамен же после гибели Кору словно сжался, почти ничего не ел, мало спал. А после того как они с приставом пришли к единому мнению по поводу убийства Верочки Беркутовой, казалось, он выполнил некую миссию, вытянувшую из него последние силы.

Утром следующего дня, когда должна была выйти обещанная статья, лишь Борей помчался покупать свежий выпуск. По привычке, оказавшейся сильнее всех обстоятельств, он заглянул в комнаты друзей. Алкамен спал, и на призыв художника то ли не проснулся, то ли не пожелал ответить. Петруши в его комнате, не оказалось, в мастерской — тоже. Борей решил, что ученик направился в адвокатскую контору, спеша исполнить долг перед Диотимой Сергеевной, следовательно, знакомиться со статьей придется одному. Это вызвало горькую усмешку — предчувствия последних дней о том, что период жизни завершается, да еще так печально, нахлынули с новой силой. Особенно остро художник ощутил, что закончилась молодость, что впереди, наверное, еще много лет, но бесшабашного веселья и восторженной радости бытия не будет больше никогда. От этого отторжение Петруши воспринималось еще острее. Сжав зубы, Борей дал себе слово, что любой ценой вернет хотя бы уважение ученика, если не суждено вернуть былую дружбу.

Купив газету и подавив немедленное желание разорвать ее на мелкие клочки и растоптать, он нашел пустую скамейку в нижнем парке. Отдыхающих оказалось на удивление мало: часть разъехалась, часть привычно выполняла назначения медиков. Статья, как и было обещано, помещалась на первой странице, сверху красовалась не слишком хорошо получившаяся фотография Адама: молодой поэт вцепился в прутья решетки и что-то кричал. У Борея сжалось сердце — он, конечно, сопереживал товарищу, но доселе не понимал глубоко, насколько трагична его участь.

Репортер расстарался на славу, выплеснув в статье всю обиду и раздражение. Досталось всем: и приставу Шахмурзиеву, и друзьям Адама,

к которым по неведению автора был отнесен «скандално известный столичный поэт Валериан Мерцалов». Борей углубился в листок, возмущаясь каждому слову, и не сразу заметил, как рядом с ним на скамейку рухнул штабс-капитан Пичугин. В руках он сжимал такую же газету. Выглядел офицер взволнованным и обошелся без приветствий:

— Что скажете, Илья Михайлович? Что из этого — правда? Ведь вы ближе всех к этому делу. Только что объявили, что злодей установлен и покончил счеты с жизнью. Простите, я еще не высказал соболезнования в связи с гибелью вашей спутницы, виноват. Но это! — он потряс скомканной газетой.

— Нет тут ни слова правды, Николай Сергеевич, можете поверить. Да хоть пристава спросите.

— Нет уж, увольте-с, — процедил Пичугин, — не имею желания общаться с его благородием. Но смотрите, что сказано: «Меня на самом деле не охраняют, — сообщил господин Желевский, — и я могу выходить отсюда, когда захочу». Общественность хочет знать, насколько это возможно? Наш репортер неоднократно пытался пообщаться с друзьями господина Желевского, но не нашел у них понимания. Не могло ли быть так, что представители столичной богемы только сделали вид, что отправили друга в лечебницу, а сами оплачивают его свободный выход в любое время, и его передвижения не контролируются, не изливается ли «золотой дождь» в карманы работников лечебницы? Наш репортер с уверенностью утверждает, что среди близких друзей подозреваемого есть состоятельные люди, среди которых, безусловно, не последнее место занимает скандално известный поэт Валериан Мерцалов. Не может ли быть так, что зарвавшиеся эстеты, мнящие себя людьми искусства, подкупают всех и вся с позволения, а, возможно, даже одобрения полиции и лично пристава Шахмурзиева».

— Насколько я понимаю, про подкуп, тем более про возможное участие в этом кого-то из вас — бредни! — сделал вывод штабс-капитан. — Но... знаю я наши порядки! Охотно верю, что из больницы можно выйти даже безо всяких взяток. Так ли хорошо охраняли вашего друга?

— Николай Сергеевич! Вы ведь знаете, что Павленко признался во всех убийствах!

— Все об этом слышали. Говорят, его сестрица решила с горя в монастырь уйти, это так?

Борей не стал сообщать новому приятелю, что мотивы Диотимы Кукушкиной были намного весомее, и подтвердил общеизвестную версию.

— Ну, так я вам как на духу скажу, что господин Павленко — последний, на кого я бы подумал. — Пичугин передернул плечами от отвращения. — Это жалкое ничтожество — жуткий убийца? Вы обращали внимание, как на не-

го дамы смотрят? Я-то такое сразу замечаю. Божественная, восхитительная Елена Андреевна спокойно ждала, пока этакая мерзкая крыса подходила к ней? Да она бы ему не доверила старые туфельки в чистку отнести!

Борей вспомнил, что пристав высказывал подобные же сомнения, да и сам не мог представить, что Кора, которую он знал лучше остальных погибших, вступила с Сержем в беседу. Он мог в запале обвинить подругу в сговоре с ничтожеством, но по зрелому рассуждению понимал, что, даже пожелай она этого, брезгливость к Павленко победила бы.

— Все дамы должны были доверять убийце! Нет, я понимаю, что признание перекрывает все сомнения, но как хотите, а поверить не могу, — твердо добавил Пичугин.

— И отсюда ваше доверие к словам репортера? Считаете, Адам действительно ночью выходил из лечебницы? Но ведь из Пятигорска еще надо добраться до Кисловодска! Думаете, его верный конь под окном поджидал? Если он ездил туда-сюда, кто-то его обязательно должен был видеть.

— По правде говоря, из Пятигорска ему надо было сбежать лишь для одного убийства — во время остальных ваш друг ведь был здесь?

Борей чуть не проговорился, что во время убийства Верочки Беркутовой Адам был как раз под надежным замком. У него было время подумать — и художник согласился с приставом и Алкаменом, что смерть актрисы — дело рук Диотимы. Хотя Мерцалов и хотел скрыть тайную помолвку с Верочкой, но покровительница все же могла узнать о ней. Уход госпожи Кукушкиной в монастырь косвенно подтверждал, что она жаждет искупить грех куда более страшный, чем родство с убийцей. Борей уже понял прямую и откровенную натуру штабс-капитана Пичугина. Приобщать его к их тайным выводам было бы нечестно по отношению к самому офицеру.

С другой стороны, личность Павленко, убивающего Дашу, Елену Андреевну и Кору, тоже не собиралась воедино, и в этом вопросе Борей был согласен с Николаем Сергеевичем. Он вздохнул — этак и сам поверит, что Адам сбежал из лечебницы и задушил Кору! А перед этим Дашу и Елену...

В голове Борей вдруг что-то мелькнуло.

— Николай Сергеевич, а зачем их всех вообще убили, как вы думаете? — резко повернулся он к штабс-капитану.

Тот растерялся от неожиданного вопроса.

— Позвольте, как это... Разве может нормальный человек такое себе даже вообразить?! Мы ведь говорим о больном рассудке: и господин Павленко, и ваш друг, уж простите за прямоту, психически нездоровы. Кто бы из них ни убивал, как мы можем понять, что ими руководило?

— Хм, отчасти вы правы, друг мой... Но давеча Петро и Алкамен — вы же их помните? — с приставом размышляли. Да и сам я прикидывал так и этак: все же логика в убийствах имеется.

— Вам виднее, любезный Илья Михайлович... Я хочу сказать, вы вращаетесь в тех кругах, где... М-да. Ну, хорошо, я со своей колокольни могу сказать лишь одно: всех женщин задушили.

— Верно! Вот видите! О чем это говорит?

Николай Сергеевич недоуменно развел руками.

— Вы все еще не понимаете! — рассердился Борей. — Убийца буквально забирал их жизни, а еще ему важно было видеть их, если можно так сказать, «глаза в глаза». Еще есть что-нибудь?

— О... Пожалуй, можно сказать, что все молоды и красивы, но вряд ли это о чем-то говорит.

— Однако вы близко подошли. Дело в том, что меня привлекают молодые и красивые женщины.

— Боюсь, это не делает вас редкой птицей! — хмыкнул Пичугин.

— Да, но задушены именно те, которые были так или иначе важны для меня, — почти шепотом произнес Борей.

— Что вы хотите этим сказать? Насколько я понял, его благородие Шахмурзиев снял с вас подозрения.

— А вот мой ученик все еще сомневается. Вы же слышали про «проклятие цветка»? У всех убитых были розы, что я им подарил.

— Допустим, это как раз просто объяснить. Если убийца — мсье Павленко, то он, полагаю, видел, как вы дарили розы дамам. Посчитал их «вашиими», а его больной разум потребовал лишить вас «добычи».

— Все так. За одним лишь исключением. И очень важным, по-моему. Он понятия не имел, что я отдал розу Коре. Не говоря уже о том, что это не было даром любви. Честно говоря, я просто швырнул ей цветок в лицо. Это был окончательный разрыв, но об этом Павленко тоже не знал. Ну а бедный Адам и вовсе пропустил все, что было после гибели Леночки. Кому я дарил розы и с кем порывал связь — ничего этого он не ведал.

— Подождите-ка! Господина Желевского вы убийцей никогда не считали — это я понимаю. Но не начали ли вы сомневаться в виновности Павленко? Только не говорите мне, что ваши подозрения направлены на этого замасленного пиита — как там его, Бренцалова?

Борей выпрямился, на лицо его словно начали возвращаться краски жизни.

— Николай Сергеевич, так получается, что сейчас я могу довериться лишь вам. Скажите, оружие у вас пристав не отобрал?

— Как можно-с! Я — боевой офицер... А что надо?

— Надо, чтобы вы мне поверили безоговорочно. Я хорошенько подумал, и теперь считаю, что убийцей действительно был наш Адам! Хочу поддержать кампанию газеты, пожалуй, интервью дать. Идемте, Николай Сергеевич, у нас дел невпроворот!

Петруша действительно посетил адвокатскую контору, которой Диотима доверила свою волю. А после беседы с адвокатом он бродил по городу, старательно избегая территорию парка — прекрасное место теперь виделось ему средоточием зла. Но так как Кисловодск не поражал масштабами, мест для гуляний вне парка оставалось не так много, и, волею-неволей, юный художник оказался на главной аллее у нарзанной галереи и кружил по ней, мечтая довести себя до полного изнеможения. При очередном приближении к галерее он заметил, что гуляющие собираются в толпу, из которой доносились возгласы. Несколько человек обогнали Петрушу, не собираясь оставаться в стороне от какого-то события, и он поплелся за ними, смешавшись с толпой. В центре он увидел Борей, а рядом с ним знакомого репортера, который теперь просто сиял, внимая художнику как оракулу и строча карандашом по блокноту.

— Да, я должен признать, что ни полиция, ни кто другой не смогли разгадать тайны страшных убийств, — громогласно вещал Борей. — Это удалось прессе — честь ей и хвала! — Он простер руку в сторону пунцового от счастья журналиста и продолжил: — Увы, я согласен: роковое стечение обстоятельств привело к тому, что убийцей посчитали господина Павленко. Да, я был с ним знаком, последнее время — довольно близко. Что случилось с ним, почему он признал себя виновным, перед тем как свести счеты с жизнью, лишь предстоит разгадать. Но вне всяких сомнений, подлинным убийцей является мой несчастный друг. Я сам был виноват в том, что отказался общаться с прессой, потому возникла версия о подкупе работников лечебницы в Пятигорске. Должен заявить, что этого не было. Никто из нас не помогал господину Желевскому, однако он оставил мне записку, объясняя, как ему удалось добраться до Кисловодска. Эту записку я передам господину репортеру, которому отдаю права на эту историю!

В толпе раздавались возгласы, кто-то высказывал сомнения, но немало было и тех, кто верил словам художника.

Неожиданно кто-то хлопнул Петю по плечу. Он обернулся и увидел штабс-капитана.

— А, юноша, добрый день! — улыбнулся Пичугин. — Хорошо, что я привел господина Алкамена, а то он тоже никак не хочет верить.

Рядом с офицером действительно стоял Алкамен, насупившийся и явно не убежденный ничьими словами. К ним протолкался Борей, завершивший свое выступление, репортер умчался выполнять профессиональный долг, а отдыхающие разбрелись, обсуждая услышанное.

— Петро, Алкамен, рад вас видеть, друзья мои!

— Ты с ума сошел вслед за Адамом? — возмутился Петя.

— Нет, он напился, это каждому ясно, — буркнул скульптор. — Хорошо, что пристав занят, а то был бы уже в участке. И господин офицер с ним за компанию.

— Друзья, вы не понимаете! А ведь все так просто! — Борей прижал руку к сердцу. — Ведь Адам действительно не виноват — его и судить не будут. Он просто забирал моих богинь, отнимал у меня тех, кого я любил.

— А Кора? — бросил Алкамен.

— Вот именно! Откуда же Адаму было знать, что между нами все конечно? Его ведь с нами не было! Он забрал Дашу, чтобы я ее не соблазнил, Елену — потому что соблазнил, а Кору — как мою Вечную Возлюбленную. Что ж, Адам победил — отнял у меня все. Остается только восхищаться. А что я могу? Лишь уползти в столицу и сгорать там от стыда и горя. Ищи себе другого учителя, Петро, со мной покончено!

Штабс-капитан потрепал его по плечу и выдохнул, обдав Петрушу перегаром:

— А ведь журналистишку теперь не остановить! Я слышал, он чуть ли не роман собирается написать об Адаме — мистическом убийце красавиц! Виноваты вы, голубчики, проворонили душегуба в компании! Илья, пойдем, выпьем еще — я угощаю!

— Пошли, друг Николай! Напьемся. Буду пить за победу Адама, пока не свалюсь под стол! Петро, Алкамен, вы с нами?

— Нет, уволь, — холодно процедил Алкамен. — Я прогуляюсь, с вашего позволения. — Он стряхнул ладонь Борей с плеча и направился от нарзанной галереи к парку.

— И без меня, — буркнул Петя и добавил: — Если вдруг вас заберут в полицию, я буду в пансионе. Постараюсь объяснить господину Шахмурзиеву, насколько вы не в себе.

В своей комнате молодой художник схватил блокнот для зарисовок и начал писать в нем, ломая один карандаш за другим, отшвыривая их, пока не закончил свой труд. После этого положил голову на подушку, отвернулся к стене и... провалился в глубокий сон...

Разбужен он был в наступающих сумерках крепкой рукой штабс-капитана Пичугина. Знаками тот приказал молчать и недвусмысленно дал понять, что Петя должен пойти с ним. Петруша слишком устал за последнее время, выдохся, он никуда не хотел идти, а страшные подозрения так истерзали его душу, что видеть никого не хотелось. Но Пичугин не намерен был сдаваться, и Петя понял, что офицер готов применить силу. Он вздохнул и побрел за своим провожатым, как Данте за Вергилием — в ад.

Пичугина и молодого художника подждал неподалеку от пансиона экипаж, в котором Петя обнаружил Борей, к удивлению его, совершенно трезвого. Да и штабс-капитан не выглядел выпившим хоть сколько-нибудь.

— Господа, извольте объясниться! Что происходит? Я не намерен никуда с вами отправляться. И я вам не мальчишка какой-то! — При этом Петя совершенно по-детски выставил руки вперед, демонстрируя, что силком его в экипаж не затащат.

— Петро, скажи, сейчас ты веришь, что я не никого не убивал? — тихо спросил Борей.

— Я думал, что ты убийца, из-за цветов. Но потом... Мне пришлось пересмотреть версию.

— А то, что Павленко приняли за убийцу по роковому стечению обстоятельств? А на самом деле никого этот жалкий пьяница и пальцем не тронул?

Петя оглянулся на стоявшего за спиной сурового Пичугина и кивнул.

— Тогда садись и поехали. Наступает последний акт этой мистификации!

— Мертвы четыре женщины, и никакая это не мистификация! — возмутился Петя.

— Не будем играть словами, друг мой. Да, все это не спектакль, а трагическая реальность. Но преступник-то как раз играл свою «пиесу», и сейчас пора привести его к финалу. А для этого мы должны собраться все вместе. Нам нужен тот, без кого занавес не опустится.

— Кого ты имеешь в виду? — Петя забрался в экипаж, за ним легко запрыгнул Пичугин. — Неужели ты говоришь об...

— Об Адаме, конечно, — кивнул Борей, дал знак вознице, и экипаж рванулся так, словно это действительно были кони из преисподней, а не простые лошадки, катающие курортников на водах.

ГЛАВА 23

Лечебница для душевнобольных в Пятигорске не входила в число посещаемых мест, она находилась на окраине и была окружена высоким забором. В этом заборе трудно было найти калитку, но даже обнаруженная, она вовсе не являла собой свободного прохода. Но к калитке Борей и его спутники не направились, а воспользовались главным входом. В мрачном вестибюле Петрушу оставили одного — и довольно надолго. Был уже поздний вечер — пока добрались до Пятигорска, пробило десять, поэтому Петя видел лишь работников лечебницы, но никого из пациентов.

Вернулись Борей и Пичугин в сопровождении главного врача. Тот был недоволен и совершенно не пытался скрывать.

— Поймите, господа, мне лучше на газету в суд подать за такие, с позволения сказать, инсинуации! — возмущался доктор. — Чтобы из моей

больницы пациент ночью укатил в Кисловодск! Да это курам на смех! А то, что вы предлагаете — вообще ни в какие ворота! Что я докажу вашей театральной эскападой? Как мне перед попечительским советом потом объясняться?

— Но ведь репортеру удалось как-то сфотографировать господина Желевского — этого вы отрицать не можете, — возразил Борей. — А это значит, что среди ваших подчиненных есть, как минимум, один мздоимец.

— Мы выясним, кто «паршивая овца», не сомневайтесь. — Доктор снизил тон, но еще некоторое время высказывался по поводу предложений художника.

Однако Петя интуитивно почувствовал, что он уже позволил уговорить себя на некую авантюру, очевидно, статья в газете сильно ударила по его профессиональной гордости, а также касалась статуса вверенного ему заведения. Какие слова нашли Борей и штабс-капитан для убеждений, Петя так никогда и не узнал. Но, так или иначе, главный врач самолично провёл в сад при больнице неурочных гостей. Туда же санитар привел Адама. Петя не мог бы сказать, каким ожидал увидеть друга, но Адам не был в смиренной рубашке или в чем-то подобном — на нем была его одежда, потрепанная, но чистая. Молодой поэт исхудал еще больше, но он не сопротивлялся и не выглядел безнадежно больным. Сразу узнал друзей, даже помнил, сколько они не виделись.

Врач заявил, что умывает руки и слагает с себя ответственность за последующие события. Санитар отошел за деревья, но покидать место действия не собирался. Как позже выяснится, это окажется благом: его свидетельства и четкие показания расставят все по своим местам. Друзьям пришлось смириться. Вообще же, Петя мало на что обращал внимание — он спешил наговориться с Адамом.

— Как ты здесь? С тобой хорошо обращаются? Знаешь, Адам, скоро все изменится! Я найду для тебя врачей, заберу тебя отсюда, и ты снова станешь здоров!

— О, друг мой, мне не на что жаловаться. Но я с радостью поеду куда-нибудь, — восторженно отвечал Адам, доставая из кармана свою книжечку. — Я не трачу время даром — пишу, вот, почитай новые стихи!

Петя машинально сунул книжечку в карман и спросил:

— Скажи, ты давал интервью журналисту? Говорил о том, что убивал?

— Да, кажется, что-то говорил, — кивнул Адам. — Убивал? О, не помню! Я говорил о мертвых девах — моих подругах, с которыми мы по ночам читаем стихи, танцуем. Я их убил? Ах, кто знает?!

— Адам, ты никого не убивал! Ты — не убийца! Слышишь меня? — схватил друга за плечи Петя.

— Тихо! — прервал его Борей. — Не кричи! Мы все знаем, что Адам не убийца.

— А что ты утром молол на аллее? Ты же говорил, что Адам задушил их всех! Еще и перед журналистом соловьем заливался!

— Мало ли, кто и что сказал? Адам, понятно, сам не знает, что говорил — ну, так с него какой спрос? Что касается меня — я сегодня одно сказал, а завтра сообщу на весь мир, что был пьян и ничего не помню. Ты забыл — я же представитель богемы! Но сегодня надо было, чтобы я уверился в виновности нашего Адама. — Борей повернулся к поэту и ласково проговорил: — Адам, ты посиди пока на скамейке, подыши воздухом, а мы побудем рядом, хорошо? Только ты нас видеть не будешь, договорились?

Адам радостно согласился, воззрился на небо и что-то зашептал. Борей предложил Пете и штабс-капитану встать за деревья.

— И долго нам здесь торчать? — прошипел Петруша.

— Ты хотел бы убедиться, что Адам не сбегал в Кисловодск? — тоже шепотом спросил Борей.

— Я в этом и не сомневался! Зачем тебе мое присутствие здесь? Признаю, что и с тобой я ошибался.

— Вот как! Не поделишься выводами? А мы с Николаем Сергеевичем послушаем. Стало быть, я не убийца?

Петя помолчал, сквозь ветви дерева посматривая на Адама, а потом ответил:

— Знаешь, возможно, ты мог бы убить кого-нибудь...

— Ай, спасибо! Вот это ученик у меня!

— Нет, подожди. Я не хочу идти на поводу эмоций или дружеских связей, а хочу опираться лишь на логику. Ты мог бы убить в припадке гнева, например, случайно, но обдуманно, расчетливо — вряд ли. А если уж совсем рационально: доказательством твоей невинности служат твои руки. Ты с красками возился постоянно, и она въелась в кожу. Ты писал в те дни, когда убили Дашу и Елену Андреевну, а пристав говорил, что на их шеях были следы пальцев преступника... Если бы убийцей был ты, хотя бы немного краски должно было остаться на коже — я помню, что у тебя руки были испачканы. Наверное, пристав об этом тоже подумал. Да и другие моменты не сходятся...

— Ш-ш-ш! — остановил его Пичугин. — Кажется, дождались!

Со стороны калитки по периметру забора кралась чья-то темная фигура. Подойдя к скамейке, человек выпрямился и уже спокойным шагом приблизился к поэту.

— Здравствуй, друг Адам. Ты всегда любил ночами любоваться, так что я надеялся тебя тут найти.

— Ах, друг Алкамен! — воскликнул Адам. — Как я рад тебя видеть! Сегодня все мои друзья со мной.

Алкамен оглянулся, но никого не обнаружил, и это его успокоило.

— Ты, конечно, говоришь в аллегорическом смысле. Ты всегда любил аллегии, так ведь? — Он присел рядом с поэтом, снял шляпу и, положив ее на скамейку, мечтательно добавил: — Какая прекрасная ночь, не правда ли!

— Накрытые ночи глубоким шатром... — продекламировал Адам, но Алкамен его перебил:

— Значит, все убийства совершил ты... — Скульптор то ли спрашивал, то ли утверждал, но явная ирония в голосе давала понять, что сам он не верит в виновность поэта.

— Убил ли я, иль демон мрачный их в подземелье утащил? Прости, ты говорил о чем-то?

— Адам, не зли меня! Зачем ты сказал журналисту, что убивал женщин?

— А это и были убийства? Да, девы были мертвы, но как прекрасны! Убийство — это хаос, а хаос не может быть прекрасен.

— Конечно, это были не убийства! — хрипло рассмеялся Алкамен. — Кто так думает? Жалкие обыватели, мещане! Только ты с твоим пониманием Красоты мог это увидеть. Разве богинь можно убить? Их можно обидеть, унижить, предать, но убить их невозможно!

Петруша не выдержал и, выйдя из-за дерева, жестко произнес:

— Так ты с ними и поступал, не правда ли?

Алкамен вздрогнул и повернулся на голос, всматриваясь в темноту, пока не увидел Петрушу.

— Как ты здесь? А впрочем... — Он откинулся на спинку скамейки и засунул руки в карманы сюртука. — Все одно к одному, не так ли? Но, по крайней мере, ты меня понимаешь — я слышал твои слова.

— Я бы так не сказал! Понять подобное невозможно.

— Но ты понял главное — почему...

Тут, больше не скрываясь, широкими шагами к скамейке прошагал Борей и, с презрением глядя на бывшего уже друга, произнес:

— Да, Петро у нас молодец, как-то он до всего додумался.

— Я должен был догадаться, — прошептал Алкамен, — ты все-таки вернул влияние над мальчишкой. А я-то решил, что он тебя будет десятой дорогой обходить. Ошибся, м-да.

— И не только в этом. Скажи, почему ты всем рассказываешь, что ученик Фидия Алкамен превзошел своего учителя?

Алкамен удивился неожиданному вопросу, но ответил весьма охотно:

— Потому что это так. Да, до наших дней дошло больше работ Фидия, но то, что осталось от Алкамена, говорит о его несомненной гениальности.

— Не поверим, а проверим. Ну-ка, Петро, ты у нас гимназию недавно окончил, остатки образования еще не выветрились. Что мы знаем о скульпторе Алкамене?

— Очень мало. Часть его работ не сохранилась вообще, часть — в копиях. Достоверно известно, что ему принадлежит знаменитая «Афродита в садах» и... — Петр поперхнулся, помолчал, а потом тихо прошептал: — и «Геката»... Есть сведения, что это был цикл работ — «Богини Алкамена».

— Ты всего лишь бездарный скульптор, твои работы — жалкое эпигонство! — не выдержав, возмущенно выкрикнул Борей.

— Не понимаю, о чем ты? — Алкамен потер лоб. — Устал я что-то. А ты, Борей, любишь правду-матку резать. Мне еще и тридцати лет нет. Все впереди!

— Но ты уже все про себя понял. Ученик Фидия создал скульптуры богинь, может быть, многих, просто мы о них не знаем. И ты решил довершить его дело. Но тебе никогда не превзойти Фидия, и знаешь, почему? Фидий — создатель великих творений, а ты — разрушитель. Ты убил трех прекрасных женщин: живых, теплых, настоящих!

— Я их не убивал, — холодно ответил Алкамен. — Это ты разрушитель, не я. Ты их убивал — своим эгоизмом, жаждой обладания. Они были твоими игрушками. Ты не мог видеть их подлинной сущности, даже в Коре. А я — видел! Ты бы никогда не вознес их на пьедестал, только использовал бы и бросил. И потом, ты сам все время говорил о красоте смерти.

— Говорил, мы все так говорили: мода, прах ее подери! Но слова о смерти — это одно, а убийство — совсем другое.

— Повторяю, я их не убивал. Просто вернул туда, откуда они к нам пришли. Больше никто на них не покусится, потому что богиням нет дела до смертных. С Дашей было трудно — она по ночам не гуляла. Пришлось выманить ее обманом. Ты бы все равно добился ее... расположения. Ее надо было спасти.

— Получается, что ты, Алкамен, видел в них богинь: в Даше — Гебу, в Елене Андреевне — Гестию, я прав? — выкрикнул Петя. Адам вздрогнул и придвинулся к Алкамену — суть разговора от него ускользнула. — Но Кора уже была богиней, ведь Кора и Персефона — одно и то же. Зачем ты ее задушил?

— Потому что Борей ее унижал, смеялся над ней. Он не понимал, что она богиня, дочь матери-земли. Она страдала, а я не мог смотреть на ее муки.

— Нет, господин Кондратьев, никакой ты не Алкамен, а простой убийца женщин! — не унимался Петя.

— А как вы это докажете? — усмехнулся Алкамен. — Убийца — мсье Павленко, он признался.

— Если бы не это признание — кто бы поверил? — покачал головой Борей. — Да и пристав что говорил? Все женщины доверяли убийце, не боялись его. Даша вышла к тебе ночью — как тебе удалось заманить ее в парк?

— На войне как на войне, но врать я не люблю. И, судя по всему, не очень умею, — пожал плечами Алкамен. — Я ей написал от своего имени, что ты замыслил дурное в отношении нее — и это чистая правда. Умолял не сообщать родителям и жениху, потому что у меня есть план, как и ей помочь, и друга спасти... Даша была такой доброй и чистой! Она решила, что господам художникам надо дать шанс, чтобы они не попали в дурную историю. А Елена Андреевна, которую ты бросил в гроте... Бедняжка! Она сама протянула ко мне руки и сказала: «Господин Алкамен, помогите, уведите меня отсюда, куда угодно!» А Кора... Эх, что тут говорить! Но признание Павленко написано лично им, так что для всех — убийца он.

— Бедная Диотима Сергеевна! Наверняка она заставила брата признаться, искренне считая, что это он убил несчастных женщин! — схватил скульптора за плечи Петя.

— Да, с госпожой Кукушкиной нехорошо получилось, — вздохнул Алкамен, одной рукой без всяких усилий отводя руки Петруши, — большой души она оказалась. Поистине достойной почитаться богиней. Но у каждого свой путь и свои грехи. Мне чужой славы не надо — мадемуазель Беркутову я и пальцем не тронул бы. Ей до богини — как до звезд. Рад, что пристав пришел к таким же выводам, хоть и не быстр он разумом.

— Ох, не грехи на его благородие! — Борей удерживал ученика от нового нападения на Алкамена. — Если бы не протоколы да давление начальства, он бы хватку не ослабил!

— Да мне теперь все равно, — равнодушно бросил Алкамен, и вдруг схватил Адама левой рукой, а правой приставил к горлу поэта нож — тот самый восточный кинжал, что валялся в их мастерской. — На Павленко мне плевать — он только на то и годен был, чтобы вытолкнуть его под огни ramпы. Но Адаму его щенячье бахвальство я простить не могу!

— Адам, не шевелись! — закричал Петя. — Ничего Алкамен тебе не сделает!

С другой стороны от скамейки показался санитар лечебницы, напропалую ругая барчуков и начальство, пошедшее на поводу у «тех, кого здесь надо запереть».

Самым спокойным выглядел Адам. Его огромные глаза смотрели на Борей и Петю каким-то детским доверчивым взором. Борей заметил тень позади скамейки, но отвернулся, чтобы Алкамен не понял, что штабс-капитан Пичугин тоже с ними. Алкамена надо было как-то отвлечь, но Борей не успел ничего сказать, как Адам негромко начал декламировать:

*Несчастен — кто, любя, любимым быть не может,
Несчастнее его — кто, не любя, томится,
Но всех несчастней тот, кто к счастью не стремится —
Кто больше никогда не в силах полюбить...*

Алкамен словно окаменел. Вечер выдался ясный, и ночь обещала быть такой же. В свете луны Борей и Петя заметили, как рука скульптора задрожала. Адам тем временем продолжал, и голос его постепенно набирал силу:

*Чуть страстью перед ним вакханка загорится,
Он, вспомнив прошлое, спугнет свои мечты,
А перед ангелом любви и чистоты
С расцветшею душой не смеет преклониться.*

— Замолчи! — прошипел Алкамен, еще сильнее прижимая нож к горлу Адама. Темная струйка крови сочилась по тонкой шее поэта. — Ты же всегда считал, что русские переводы вашего Мицкевича дурны!

Адам не шелохнулся и закончил элегию:
*То он винит себя, то он других винит,
Перед простушкой — горд, богини он робеет,
И вечное «прости» надежде говорит.
Так видим мы порой — забытый храм стоит,
В нем пусто и темно, в нем вечно сумрак веет,
В нем Бог не хочет жить, а человек не смеет.*

— Все так, — кивнул Борей, — ты, господин Кондратьев, и есть этот пустой храм. И никакие богини туда не придут. Ты забрал жизни, но себя не наполнил.

Лезвие ножа чуть повернулось в сторону, но сдаваться Алкамен не собирался. Однако этим крошечным мгновением растерянности воспользовался Пичугин. Он набросился сзади на скульптора и резко дернул его руку с ножом вперед. Петя схватил сползшего вниз Адама и, закрыв собой, упал вместе с ним в сторону санитаря, который тоже бросился к пациенту.

Борей, поняв, что Адам в безопасности, тоже набросился на бывшего друга. Алкамен змеей выскользнул из рук штабс-капитана, которому в этой ситуации пистолет больше мешал, чем помогал, и его рука с кинжалом скользнула по плечу Борей. Несмотря на ранение, Борей, собравшись с силами, стал выкручивать руку скульптора, намереваясь выбить нож, и ему это удалось. Но в последнее мгновение, разжав ладонь и уронив кинжал, Алкамен обеими руками схватил пистолет, направленный на него Пичуги-

ным, отвернулся от художника и в последнем усилии вывернул кисть штабс-капитана, который навис над ним, стоя на скамье. Раздался выстрел — Пичугин покачнулся и медленно осел на землю. Скрутить убийцу Борею помог уже санитар.

Петруша не видел этой сцены, он спешил отвести Адама как можно дальше, убеждая друга, что все закончилось, скоро поэт поправится, и все будет, как прежде...

ЭПИЛОГ

Шахмурзиев сдал отчет и выступил перед всеми чиновниками города, объявив о закрытии «дела богинь». Его гнев на художников после их самовольной вылазки в Пятигорск можно было сравнить с гневом Зевса на Олимпе. Борей напомнил Джабраилу Муртазиевичу, что Пятигорск — не его участок, и он ничем им там не мог помочь, но пристав так и остался при своем мнении, возмущаясь, что его не посвятили в дело и справедливо полагая, что подобного спектакля он не допустит — неважно, на чьем участке.

Штабс-капитан Пичугин чудом остался жив, хотя рана его внушала докторам опасения, что служить далее ему не придется. Борей получил рану в правое плечо, но врач обещал, что на занятиях живописью это не отразится. Показания дал главный врач больницы, санитар, сам Борей и Петруша. Пичугин едва мог говорить, и его свидетельства Шахмурзиев решил приложить позднее.

Через несколько дней после начала круглогодичного сезона погода по-прежнему стояла великолепная, позволяя курортникам гулять по всем уголкам парка, открылись новые рестораны и гостиницы.

Поезда теперь ходили по новому расписанию, но знаменитый «московский» остался в прежнем графике. Примерно час после его прибытия на вокзале и вокруг него царил суматоха, но постепенно все, разбирая багаж, нанимали носильщиков и извозчиков, и перрон, наконец, опустел. В обратную дорогу собирались немногие: лишь двое стояли на перроне, ожидая посадки на Москву. Петя таскал вещи, запрещая учителю даже здоровой рукой поднимать тяжести. Борей вел себя смирно, разговаривал с учеником уважительно. Петя еще не привык к новому обращению и не знал, что больше никогда не услышит от Ильи Михайловича грубого слова.

Перрон выглядел уныло, тускло, а доносившиеся со стороны курзала через квартал звуки оркестра только усиливали ощущение пустоты. Между собой художники почти не говорили. Так бы молча и сели в поезд, но тут напрямик через зал на перрон вышел Шахмурзиев. Пристав хмурился,

раздувал усы, заметно было, что пришел он проститься с беспокойными отдыхающими не без внутреннего сопротивления.

— Ну, господа, скатертью вам дорога, — угрюмо буркнул он, — простите, если что не так.

— Это вы нас простите, Джабраил Муртазиевич, — ответил Борей, — по чести сказать, мы заслужили наказание. Заслужили мы, а погибли женщины. Никогда этого себе не прощу!

— Эх, Илья Михайлович, да чего уж там! У всех у нас на совести камень лежит, — вздохнул пристав и по-отечески обратился к юноше: — Что с вашим другом, Петя?

— Надеюсь, все будет хорошо. Пока мы оплатили для Адама хороший уход в Пятигорске, сиделок, отдельную палату. А в Петербурге я сразу же займусь поиском врачей. Благослови Бог Диотиму Сергеевну! Скажите, Джабраил Муртазиевич, а она узнает, что произошла страшная ошибка, и ее брат — не виноват?

Пристав промокнул лоб платком.

— Я подумаю, что делать. Бедная женщина и так натерпелась. В монастырь-то она ушла из-за вины, что убила госпожу Беркутову, и тут все неизменно. Думаю, она и от Мерцалова сбежала потому, что не могла ему в глаза смотреть. А получается теперь, что брат ее умер зазря...

Шахмурзиев так и не рассказал никому о своей уверенности, что Диотима сама дала брату смертельную дозу морфина. Возможно, что и приписку в его признании могла подделать — ей ли не знать почерк брата, который, впрочем, вследствие всех злоупотреблений более походил на каракули ребенка. Он боялся вынудить несчастную госпожу Кукушкину принять еще один смертный грех, у которого не будет даже крошечного оправдания. Но художникам пристав ничего не сказал, переведя разговор на другую тему:

— Полагаю, вам, Илья Михайлович, придется вскорости вернуться сюда.

— Да, понимаю, придется на суде выступать, — кивнул Борей и здоровой рукой взъерошил волосы. — Не забыл, что меня ждет суд по гражданским делам — за все, что учинил в лечебнице. Да еще газета на меня в суд подала! — По его лицу пробежала усмешка. — Готов искупить, так сказать.

— Ну, что вам может грозить? Штраф да работы на месяц-другой? После того, что вы натворили, наказание, признаться, для нашалившего гимназиста.

— Джабраил Муртазиевич, поверьте, никакой суд меня более сурово не накажет, чем я сам, — печально произнес Борей. — Буду работать, не покладая рук...

Неожиданно на перроне возникла суматоха. Со стороны улицы подкатил экипаж, носильщики потащили на перрон огромное количество чемоданов, а лично сам начальник вокзала вместе с подчиненным вывел под руки к составу еще одного отъезжающего. Покидающий Кисловодск гость покачивался, словно от слабости, то и дело подносил к лицу флакон с нюхательной солью и размахивал шелковым платком, отгоняя от себя не устраивающие его запахи.

Друзья и пристав без труда узнали Валериана Мерцалова. Тот прошествовал к мягкому вагону, поддерживаемый временной свитой. Заметив Шахмурзиева и художников, Валериан изволил почтить их своим вниманием.

— Ах, господа, вы тоже покидаете сей приют скорби?

— Здорово, Валериан, — хмыкнул Борей, пристав же предпочел промолчать. — Куда ты теперь?

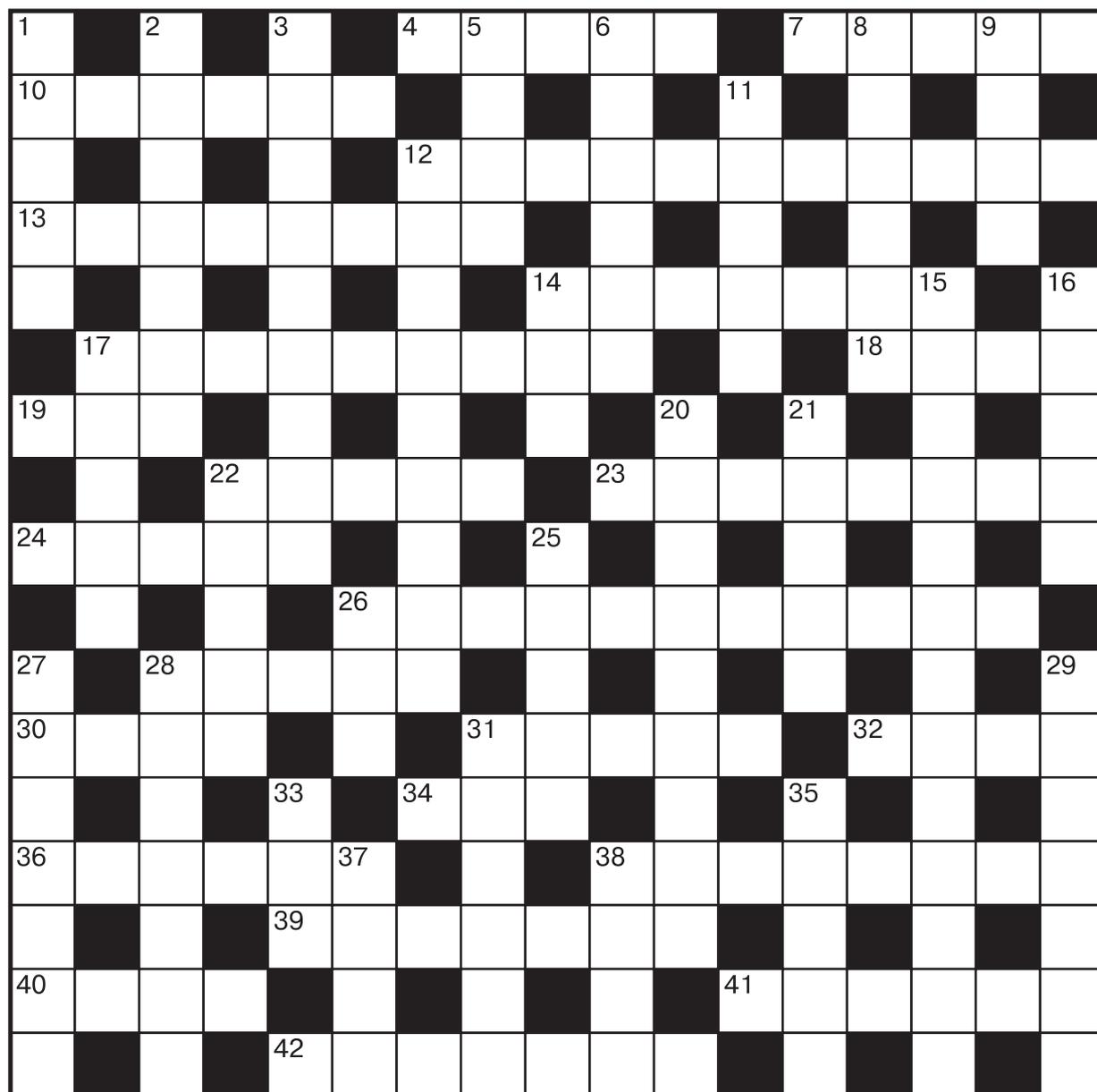
— Моя жизнь окончена, — вздохнул Мерцалов, обдав всех ароматом великолепного армянского коньяка. — Мне остается только оплакивать мою Музу, мою Ученицу и мою Покровительницу! Все они покинули меня — зачем мне жизнь? Впрочем, врачи советуют подлечиться. — Он сдул невидимую пушинку с рукава английского пальто. — Возможно, Швейцария поставит меня на ноги, или Баден... Ах, мне все равно, где пройдет остаток моей жизни! Быть может, меня возродит Поэзия! — Мерцалов величаво кивнул и забрался на ступени вагона.

— Ну, с ним-то все будет в порядке, — не без отвращения произнес пристав.

— Зато в подлунном мире есть что-то постоянное! И нам пора, Петро. Прощайте, ваше благородие, даст Бог, увидимся.

И Борей с Петрушей направились к своему вагону, неся перед собой холсты и мольберты... □

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Карман у кенгуру. **7.** Что мучительно подыскивают из-за косноязычия? **10.** Габариты в типографии. **12.** Секьюрити рубежей Родины. **13.** Чем руководит Лариса Голубкина в фильме «Дайте жалобную книгу»? **14.** Чье творчество связывает «Родину-мать» и «Вои-

на-освободителя»? **17.** Арбалет с русской родословной. **18.** Древесина на классическую гитару. **19.** Султан в прайде. **22.** Кто из героев Антонио Бандераса носит маску? **23.** «Бросить на ... судьбы». **24.** «Начальник» журавлиного клина. **26.** Кого подыскивают, чтобы закрыть вакансию?

28. Усатый чистильщик аквариума.
30. Что на ветке созревает? **31.** Городской транспорт со счетчиком.
32. Чью челюсть одолжил библейский Самсон, чтобы побить толпу филистимлян? **34.** Нарушение спортивного закона. **36.** «Самых хороших и самых плохих актеров мы видим отнюдь не на сцене» (французский классик). **38.** Что похвально для сюжета? **39.** Что у ходиков болтается? **40.** Куда забитые шары падают? **41.** Прогулка «на пользу организму». **42.** Кто сидит рядом с пилотом спортивного автомобиля во время ралли?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** По какой схеме «обводят вокруг пальца»? **2.** Кто имущество должника описывает? **3.** «Лощадиная голова» из собрания Алмазного фонда России. **5.** Прокат авто без разрешения хозяина. **6.** Часовые у военного склада. **8.** Какой стрелок тетиву натягивает? **9.** Кто из мультяшных спасателей влюбился в Королеву пчел? **11.** Кто летает «про-

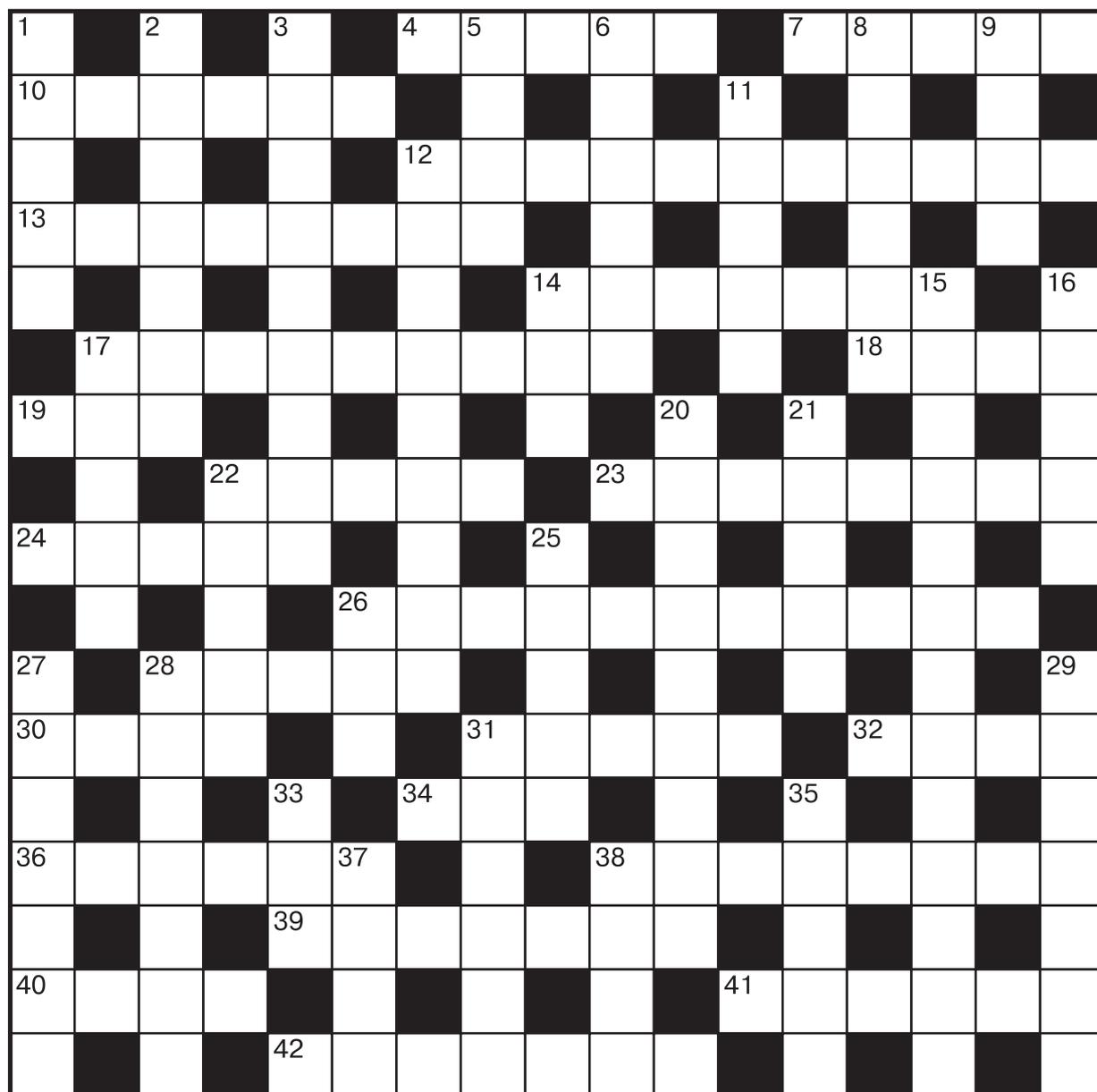
сто потому, что легко к себе относится»? **12.** «Быть знаменитым — некрасиво, не это поднимает ввысь» (наш поэт). **14.** Набрать лишней ... **15.** Поэтическая «миниатюра». **16.** Выхлоп соловья. **17.** Кто стоял во главе первой русской экспедиции к Северному полюсу? **20.** Что пририсовал вместо носа доктору Пилюлькину «художник» Незнайка из Цветочного города в сказочной повести Николая Носова? **21.** Чем рисуют? **22.** «Топливо» механических часов. **25.** Что удаляется по мере приближения к нему, но не горизонт? **26.** Первый иллюзионист, которому присудили цирковой «Оскар». **27.** Геометрическая сущность пружины. **28.** Какое искушение до греха доводит? **29.** Какое российское озеро расположено рядом с Великим Новгородом? **31.** Гриль для бутербродов. **33.** Кто выражений не выбирает? **35.** Антикварный. **37.** Ледяная корка поверх сугроба. **38.** Певица ... Гарипова.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Жучка. **7.** Гипс. **10.** Полнота. **12.** Макулатура. **13.** Робеспьер. **15.** Синева. **16.** Конев. **18.** Тарарам. **19.** Сад. **24.** Гидрокостюм. **25.** Унитаз. **26.** Дамбо. **27.** Бекас. **30.** Укол. **34.** Вече. **35.** Тяжелоатлет. **37.** Ширь. **39.** Остужев. **41.** Симметрия. **42.** Циник. **43.** Диска. **44.** Анамнез. **45.** Тавро.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Колобок. **2.** Интерес. **3.** Ступа. **5.** Удар. **6.** Круг. **8.** Игумен. **9.** Стакан. **11.** Зажим. **12.** Механизатор. **14.** Захребетник. **15.** «Садко». **17.** Варан. **20.** Асеев. **21.** Нюхач. **22.** Чугун. **23.** Пилот. **28.** Кефир. **29.** Семья. **31.** Лягушка. **32.** Песец. **33.** Фермент. **36.** Эскиз. **37.** Штамп. **38.** Ридер. **40.** Вина. **41.** Сидр.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой фотограф создал самую известную серию портретов загадочной Греты Гарбо? **7.** Символ надежды у римлян. **10.** Какой бес вечно охвачен пламенем и подливает масло в котлы преисподней? **12.** Широкие брюки, собранные под коленом. **13.** Сыр

из меню последнего ужина на «Титанике». **14.** «Человек эпохи Возрождения». **17.** Схема по отмыванию денег. **18.** Рисунок на японском клинке. **19.** Северная кадрили. **22.** Плетеная бутылка. **23.** Декоративный бокал из Европы XVI–XVII веков. **24.** Какое дерево стало символом Техаса? **26.** При-

плюснутые макароны из Италии. **28.** Возвышение перед иконостасом. **30.** Бык фараонов. **31.** Какому каннадскому ученому мир обязан концепцией стресса? **32.** Танец с прыжками у маори. **34.** Кожистая черепаха. **36.** Бразильское танго. **38.** Форма аранжировки в икебанае. **39.** «Ромовая баба» на французский манер. **40.** Какая актриса умерла на руках у Виктора Гюго? **41.** Техника окрашивания волос. **42.** Классическая блузка у дам.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Немецкая писательница с «чернильной трилогией». **2.** Игровая ситуация в бейсболе. **3.** Турецкая пицца. **5.** Первое живое существо в скандинавских мифах. **6.** Карликовый леопард, слывающий злейшим врагом опоссума. **8.** Желтый колобок, поедающий точки в аркадной игре. **9.** Сибирская река из лирической комедии «Карьера Димы Горина». **11.** Где произошло сражение между римлянами под командованием императора Деция и готами под пред-

водительством Куивы? **12.** Страна лентяев из нашего мультика о юном лодыре. **14.** Полярный лед. **15.** Один из величайших царей Ассирии. **16.** Растение, обеспечивающее индейцам Амазонки красоту и защиту от насекомых. **17.** С какой горой связано тайное рождение Зевса? **20.** Пудинг из профитролей и сливок. **21.** Единица градиента силы тяжести. **22.** Бронзовый великан. **25.** Перо на шляпке. **26.** Английский теософ, возродивший астрологию в XX веке. **27.** Персидский сребреник. **28.** Какая диета помогла похудеть певице Адель почти на пятьдесят килограммов? **29.** Сборщик податей у турок. **31.** Вышитый узорами декоративный шелк. **33.** Самый терпимый из вольных городов в «Игре престолов». **35.** Божественная змея в мифах шумеров. **37.** Какая певица вышла замуж за испанского кинорежиссера Карлоса Сколу в старинном замке Виньюэлас? **38.** Кто крестил поэта Александра Галича в православие?

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Спруг. **7.** Саис. **10.** Намакуа. **12.** Суслопаров. **13.** Веттерхун. **15.** Потлач. **16.** Тамар. **18.** Элизиум. **19.** Нан. **24.** Стереофония. **25.** Эфебия. **26.** Уриил. **27.** Хирот. **30.** Круг. **34.** Бона. **35.** Бенгальский. **37.** Гери. **39.** Симбиот. **41.** Гиперенор. **42.** Кумай. **43.** Окара. **44.** Мерцана. **45.** Менто.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Жазеран. **2.** Ластман. **3.** Шудры. **5.** Пеун. **6.** Уэлш. **8.** Апрель. **9.** Севиче. **11.** Эпсом. **12.** Сублитораль. **14.** Дзержинский. **15.** Пубол. **17.** Рафия. **20.** Полиб. **21.** Бимон. **22.** Бэкко. **23.** Тешуб. **28.** Розен. **29.** Тапир. **31.** Гербера. **32.** «Игрок». **33.** Нимейер. **36.** Викка. **37.** Гецци. **38.** Ровно. **40.** Туше. **41.** Гарт.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 **PRESSA.RU**



ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

ISSN 0131-6656



9 770131 665607

24002

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2024 года, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

- Первая премия** — бесплатная годовая подписка
- Вторая премия** — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала
- Третья премия** — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

